

№4

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ЛейлаТАРИВЕРДИЕВА. <i>Наши горы. Повесть</i>	3
Ляман БАГИРОВА. <i>Рассказы</i>	59
ЛАЧИН. <i>Крещение вином. Рассказ</i>	108
Марат ШАФИЕВ. <i>Дырявая корзина, полная тьмы. Дзуйхицу</i>	112
Махир ТАГИЕВ. <i>Рассказы</i>	130

ПОЭЗИЯ

Зарифа ГАСЫМОВА. <i>Стихи</i>	41
Валерий СЛУЦКИЙ. <i>Стихи</i>	93
Эмиль ТАГИЕВ. <i>Стихи</i>	124

ПУБЛИЦИСТИКА

Ширин МАНАФОВ. <i>Почему армяне не возвращаются в Ханкенди</i>	34
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Двойной стандарт. Эхокамера.</i>	43
Ибрагим МЕЛИКОВ, Лариса ОПАНАСЮК. <i>С заботой о человеке в себе!</i>	48
Низами ТАГИСОЙ. <i>Кемель Токаев – основоположник детективного жанра в казахской литературе</i>	99
Марк ВЕРХОВСКИЙ. <i>Эссе</i>	104

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 1.4. 2024г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ЛЕЙЛА ТАРИВЕРДИЕВА

НАШИ ГОРЫ

Взгляд с другой стороны

ОТ АВТОРА

Несколько лет назад мне довелось интервьюировать ветерана Первой карабахской войны. Рассказы о войне – это всегда тяжело. Пока сам не столкнешься с ней, кажется, что это сплошной вестерн с захватывающим сюжетом. Но это, конечно, не так. Война – это кровь и боль, это человеческие трагедии и разрушение судеб. А еще это торжество зла. Проникая в ментальное пространство целых народов, оно разъедает представления об общечеловеческих ценностях и реальной сути вещей, и народы начинают видеть окружающее сквозь призму нездоровых фантазий. К сожалению, эти мании почти всегда заканчиваются кровопролитием. Общества с искаженными представлениями о добре и зле становятся причиной многих несчастий.

Беседуя с ветераном, я спросила его о том, как проявляли себя во время боевых действий мирные жители армянских сел. Есть ли что-то, о чем можно было бы сказать с плюсом? Меня всегда интересовал вопрос, насколько массовым было помутнение рассудка у этнической группы, десятки лет жившей рядом с нами, не видевшей никакого зла и дискриминации, пользовавшейся негласными привилегиями и правом на исполнение капризов. Помнит ли старшее поколение армян о том, как хорошо, мирно и благополучно им жилось в Азербайджане? Рассказывали ли они об этом своим детям и внукам? Ведь был мир, были общие праздники, общие горести и радости. А если что и позволяли себе соседи или коллеги-армяне, мы, азербайджанцы, говорили: «Ничего страшного, не будем поднимать шум, а то скажут, что мы националисты». Мы очень боялись показаться националистами, да и гостей обижать у нас не принято.

Когда я спросила у ветерана об этом, он надолго задумался. Наконец он вздохнул и сказал, что хотел бы вспомнить что-то хорошее, но все хорошее, связанное с армянами, осталось в его детстве и молодости. А на войне... Может быть, и были какие-то факты, но он про них не слышал... Нет, вспомнить нечего. Да и не было в тот период такого понятия, как «мирные армянские жители», все они так или иначе были задействованы в агрессии, помогали прибывающим из Армении бандам, создавали в селах склады оружия, участвовали в совершаемых против наших детей и стариков преступлениях. Людей словно подменили, – сказал мой собеседник. Словно включили что-то у них в головах, и они потеряли рассудок. Он сам не из Карабаха, но часто бывал в тех краях до конфликта, имел там друзей и знакомых. Которых потом перестал узнавать.

И вдруг лицо моего собеседника прояснилось. «Был один случай!» – обрадовался он своим воспоминаниям. Был случай, когда какой-то сельчанин-армянин освободил азербайджанских заложников – выбрал удобный момент и выпустил людей из сарая, где их держали. К сожалению, рассказчик не помнил, где это произошло и как звали спасителя. История дошла до него не из первых уст, и подробности потерялись по дороге.

Не знаю, почему, но этот факт почему-то оставил след и подтолкнул к работе писательскую фантазию. Сюжет надуман, но то, что собрано вокруг него, – это реалии. Кто-то из бывших наших сограждан-армян, возможно, узнает себя и вспомнит свою былую благополучную и безоблачную жизнь в Азербайджане. Вспомнит так же тот момент, когда в его сознание пробралось зло, и то, как оно разрушило его жизнь.

И, к сожалению, продолжает разрушать по сей день...

– Ты помнишь Мустафу?

Дядя Рачик любил задавать неожиданные вопросы прямо от ворот, не давая даже опомниться. И говорил всегда громко, почти кричал, потому что был глух на одно ухо.

– Ты помнишь его? Ну, помнишь, в поезде ехали, потом на его свадьбе были! Невеста еще у него была такая толстая. Помнишь? Ну, это тот турок в поезде, помнишь? Из Агдама. Я еще его дяде в карты проиграл свою кепку! Забыл, что ли? – кричал Рачик, направляясь к веранде через двор. – Что хочу сказать – я вчера за продуктами ходил к Вова и видел этого Мустафу среди заложников! Смотрю – знакомое лицо. Кто такой, думаю, и вспомнил – да это же наш жених! Чуть не поздоровался, ара, представляешь?!

Ашот прекрасно помнил Мустафу. Они познакомились в поезде Баку-Москва, ехали в одном вагоне. Они с Рачиком – по каким-то своим делам, а Мустафа вез родителей в столицу, где должна была состояться его свадьба. Невесту он нашел в Москве, и свадьбу играли там же. Почти весь вагон состоял из родственников Мустафы, которые шумно веселились, угощали, произносили тосты, рассказывали анекдоты. Покидая поезд на Курском вокзале, Мустафа взял с них слово, что они обязательно придут на его свадьбу, иначе он обидится. Они пообещали, хоть Рачик сначала и ломался, и действительно пошли. Веселая была свадьба, в их честь даже исполнили две песни на армянском. Да, он помнил агдамца Мустафу и его миловидную пухленькую невесту. Все помнил.

– Что он тут делает в Карабахе? Он же в Москве должен жить! – продолжал шуметь Рачик. – Наверное, тоже приехал воевать. Так ему и надо, турку проклятому! Ничего, Вова ему покажет! Вова...

Ашот молчал. Еще несколько месяцев назад он поддержал бы разговор, но после того дня... Никто об этом не знал, но в тот день он перестал быть армянином. Он не мог ни с кем поделиться этой тайной, и это было очень тяжело – нести одному такой страшный груз. Что же случилось в тот день? В тот день люди Вовы устроили в их селе показательную казнь. Казнили троих азербайджанцев. Незадолго до этого закончился тяжелый бой, в селе было много вдов, люди были злы и готовы разорвать на куски любого. Эта казнь была даже не экзекуцией, а чем-то вроде причащения, чем-то вроде взгляда на золотые кресты Эчмиадзина, которые он видел однажды в юности. Этот блеск продолжал слепить его через многие годы, а колокола долго потом звенели в его ушах. Поэтому он, как и другие собравшиеся перед зданием бывшего сельсовета, наблюдал за происходящим с пониманием неизбежности жестокости на пути к победе. Вначале казнили двоих мужчин лет под пятьдесят. Вдовы рвались из толпы, желая принять личное участие, их оттаскивали, успокаивали. Людей терзал благородный гнев, не оставляющий места жалости.

Ашот сам не воевал. Он был одним из немногих молодых мужчин в селе, кто остался дома, несмотря ни на что. Его считали трусом, но он просто не был готов убивать. Если бы он знал, что дойдет до войны... Никто не знал, ведь было обещано, что вопрос с Карабахом решен Москвой и им не придется даже пальцем пошевелить. Ашот был мирным и безобидным человеком. С него было достаточно идеи, а воюют пусть те, кто это умет. Он также никого в боях не терял. Ему было некого терять – жена перед самой войной сбежала и увезла их сына, родители и братья давно жили в России и не имели желаний возвращаться и умирать, по их мнению, непонятно за что. А больше у него никого не было. Поэтому он не испытывал каких-то особых чувств, наблюдая за происходящим, пока...

Последним выволокли на улицу мальчишку с безумными от ужаса глазами. На нем была военная форма, но висела она мешком, была явно с чужого плеча. Да и не мог мальчишка служить в армии – слишком молод. Наверное, классе в девятом. Как

его Альбертик.

Мальчишку убивали дольше, чем других. Должно быть, им доставляли удовольствие его крики. Через некоторое время даже озлобленные горем вдовы затихли, и люди стали торопливо расходиться. У всех у них были дети, и это заставило их съежиться от смертельного страха за их будущее. Они разошлись по домам, закрыли двери и остались наедине со своим ужасом.

Площадь опустела. Только Ашот продолжал стоять, не отрывая глаз от изуродованного тела. Мертвого парня теперь не узнала бы и родная мать, но Ашот узнал его. Глядя в широко открытые остекленевшие глаза азербайджанца, он узнал того мальчика, которого когда-то, кажется, давным-давно, совсем в другой, нереально мирной жизни возил с Альбертом в пионерлагерь в Баку...

Ребята выиграли областную олимпиаду по математике, и их премировали путевками в пионерлагерь у моря. Вернее, первое место занял азербайджанец, а Альбертика, занявшего второе место, наградили заодно – так было принято, чтобы не задевать чувств армянского меньшинства. У победителя не было никого, кроме больной матери и старого деда, поэтому из района попросили Ашота сделать доброе дело и захватить мальчика с собой. Они втроем, точнее вчетвером – мать его сына, Марина, тоже была с ними – сели в его желтый «Москвич» и поехали в столицу. Это была забываемая поездка, веселая, с остановками в придорожных закусочных и музыкой из радиолы. Вовсю пылало лето, а впереди их ждало синее море.

Они с женой потом три раза ездили в Баку, возили детям гостинцы, водили их на прогулку на бульвар. Мальчики загорели, подружились, даже дрались друг за друга с другими мальчишками, когда кто-нибудь называл кого-то из них «карабахским ишаком». Марина тогда впервые увидела море, влюбилась в него с первого взгляда и начала мечтать о переезде в Баку. Ашот не собирался никуда уезжать из Карабаха, но все же нет-нет да и задумывался, какова она, жизнь в большом городе.

Жена никогда не видела не только моря, но и больших городов. Она выросла в российской глубинке, сером, унылом, грязном городке, в котором, как считал Ашот, жили только алкоголики и проститутки. У отца в этом забытом богом месте была своя точка на базаре. Этот прилавок кормил семью, и вопросы нравственности в данном случае значения не имели. После армии Ашот приехал помогать отцу и встретил тут Марину – девушку с ярко-голубыми глазами. У него аж дух перехватило, когда он взглянул в эти глаза. Родители Марины вызывали у молодого армянина из Азербайджана много вопросов, сама же девушка не была и не стала бы ни алкоголичкой, ни проституткой – он это чувствовал, мужчины всегда чувствуют такие вещи.

После свадьбы Ашот увез жену в Карабах – не хотелось оставлять ее среди этого, как он считал, повального разврата. Да и самого тянуло домой. Он не был приспособлен к коммерции и не мог помогать отцу, а экзамены в училище провалил. Его способности как автомеханика тоже не могли приносить доход, потому что городок жил бедно, и способных хорошо платить клиентов практически не было. В своем селе он бы больше заработал. Так что ему больше нечего было делать в этих краях. А дома родные стены помогали, вокруг были люди, которых знал с детства.

Марине сразу понравилось в его горах. И не только из-за красоты природы. Больше всего ее поражало, что тут нет пьяных на улицах, что ей не приходится тащить мужа домой после попойки, чем всю жизнь занималась ее несчастная мать. Ашот наблюдал за восторгами жены снисходительно. Он чувствовал себя спасителем – а как же, вытащил ее из такой помойки. Да и вообще, Марина Амбарцумова звучало куда благороднее, чем Марина Огурцова. За пару лет она научилась говорить по-армянски и готовить местные блюда и стала настоящей армянской женой. А когда родился Альбертик, жизнь совсем наладилась...

Весной 87-го он все-таки решился на переезд в столицу. Уж очень хотелось этого Марине. Да и права была жена – сын должен увидеть в жизни больше, чем они, расти в большом городе, а не в деревне. Хорошо было бы все решить до осени, чтобы в сентябре Альберт пошел уже в бакинскую школу. В том, что сумеет прокормить семью в столице, Ашот не сомневался. Знакомый обещал устроить его в Баку в гараж к своему родственнику, уверяя, что такого специалиста в столице с руками оторвут. Осталось только одно, самое главное и самое нереальное – обмен.

Ашот не рассчитывал, что желающие обменять столицу на его деревню вообще найдутся. Но, как ни странно, клиенты нашлись почти сразу. Квартира располагалась не в центре Баку, конечно, а на окраине, но оттуда до пляжа было даже ближе ехать, чем от центра. Так что вариант ему понравился. Недолго думая, он поехал в столицу на «смотрины».

Хозяев не оказалось дома, и, дожидаясь их, Ашот сидел на скамейке во дворе, окруженном девятиэтажками, с удовольствием щурясь на апрельское солнце, вдыхал неповторимый коктейль из запахов моря и нефти и улыбался своим мыслям. Рядом сидел старик с внучкой. Услышав, что тот разговаривает с ребенком по-армянски, Ашот расцвел: «Свои». Он обратился к старику:

- Вы здесь живете? Скоро соседями будем. Переезжаем по обмену.
- Да? – отозвался старик.
- Тут рядом есть хорошая школа?
- Есть, конечно, в Баку все есть. А вы откуда переезжаете, молодой человек?
- Из Карабаха. Жена мечтает жить около моря.

Старик округлил глаза.

- Из Карабаха?! Какой же армянин сейчас переезжает в Баку из Карабаха?!

Ашот все еще улыбался, но внутри у него появился неприятный холодок.

- А в чем дело?
- Сейчас умные армяне, наоборот, уезжают из Баку.
- Почему?!
- Ты разве не знаешь ничего?
- Чего?

Старик огляделся по сторонам, поразмыслил, потом махнул рукой и подвинулся поближе:

– Скоро начинаем. Скоро будем забирать твой Карабах, так что езжай домой и жди.

- Как это... забирать? – ошалел Ашот.

– Ну, забирать, забирать. Любой армянин сразу бы понял, – рассердился старик и отодвинулся с ворчанием, видимо, пожалев, что заговорил с незнакомцем о таких вещах.

- Откуда вы знаете?!
- Знаю. Знакомые из Еревана передали. Неужели и правда впервые слышишь?
- Ну, что-то слышал, но почему у нас никто ничего...?
- Еще время не пришло. И вообще, ты что, думаешь, об этом можно кричать на каждом углу? Спасибо скажи, что я тут с тобой сижу, об этом разговариваю. Я чуть с ума не сошел, когда услышал, откуда ты. Жалко мне тебя стало, безумца, понял? – поэтому рассказал. Уезжай домой и ни с кем об этом не разговаривай, а то в КГБ заберут.

Ашот сглотнул.

- Нет, не верю, не может быть.

– Может. В Москве уже все подготовили, Горбачев согласен, все решено. А про море не думай – все равно Баку тоже будет наш, когда турки побегут. И вернемся как хозяева. Наконец-то. – На губах старика заиграла улыбка торжества. – Я вот в Москву перебираюсь, пока все не успокоится. Не думаю, что долго протянется – русские за нас все сделают, и турки пикнуть не посмеют.

Ашот некоторое время сидел молча, переваривая информацию.

– Уважаемый, – произнес он, наконец, – я все-таки не понимаю.

– Что ты не понимаешь?

– Я не понимаю, зачем... зачем забирать Карабах? Мы и так там живем... ведь мы...

Старик вдруг резко поднялся, побагровел и закричал, размахивая у Ашота перед лицом своей тростью:

– Нет, ты не армянин! Не зря говорят, что карабахские армяне – испорченные армяне! Если вздумаешь доносить на меня, никто тебе не поверит! Я – член партии с сорок седьмого года, заслуженный инженер, мне сам Багиров руку жал!

Старик ушел, продолжая ворчать. Ашот некоторое время не мог прийти в себя. Наконец поднялся и сначала медленно, а затем все быстрее пошел к выходу со двора. Тяжело дыша, выбежал на дорогу.

– Такси!

– Ашот?

Родственник стоял в дверях в одной майке и со стаканом недопитого чая в руке.

– Гостей принимаешь, Ваграм? – Ашот попытался изображать веселость, но не получилось. Он вошел в квартиру, снял обувь.

– Да проходи, проходи. Почему не предупредил? Что такой возбужденный? Что-то случилось? – спросил Ваграм, провожая его в гостиную и усаживая за стол. – Подожди, сейчас чаю тебе налью.

Ашот удержал его за руку и заставил присесть.

– Жанна и дети дома?

Тревога передалась и Ваграму.

– Нет. Жанна в парикмахерской, сын в институте, дочка на тренировке... А что случилось-то? Ты меня пугаешь!

– Ваграм, я сегодня кое-что узнал... Даже не знаю, что и думать.

– Что узнал? С родителями что-то?

– Они в порядке. Тут другое... Мне тут сказали, что мы... что армяне скоро поднимут вопрос Карабаха и собираются забрать его в Армению.

Ваграм облегченно выдохнул.

– Ну, ты меня напугал, я думал, кто-то умер, – сказал он, отпил чай и со стуком поставил стакан на стол. – Из-за этого переживать не стоит, это уже сто лет болтают. Пустая болтовня.

– Это не болтовня. Я чувствую, что не болтовня.

– Кто тебе сказал?

– Один старик. Ему из Еревана передали, что в Москве все решено..

– И почему ты ему сразу поверил?

– Не знаю... Он сказал, что сам уезжает, чтобы переждать, и мне посоветовал возвращаться домой и на квартиру в Баку не обмениваться. Я ведь квартиру нашел по обмену. Сразу нашел. Даже глазам не поверил... Оказывается, вот почему...

Ваграм встал, снова сел.

– Что за ерунда? Не верю... Не дай бог, чтобы это было правдой, – мрачно произнес он. – Упаси Господь от такого безумия. О чем они думают, когда такие планы строят?

После паузы Ашот осторожно спросил:

– Ваграм, а может, это даже хорошо... для нас... ну, для Армении?

Ваграм поднял голову.

– Хорошо?! Ты идиот? Мы все потеряем! Нам придется уезжать!

– Почему? Вы же в Баку...

– А ты думаешь, когда наши начнут гнать азербайджанцев из Армении и Карабаха, мы сможем тут спокойно жить? – Ваграм встал и нервно заходил по комнате. – Надеюсь, это очередная болтовня. Если нет, то нашей нормальной жизни конец, все планы рушатся. Черт бы их побрал... Так хорошо живем, и на тебе – Карабах они собрались забирать. Негодяи! Мерзавцы! А у меня они спросили? Или у моей жены, или у моих соседей?! Или, может, у тебя, карабахского болвана, кто-то спросил, хочешь ты в Армению или нет? Кто им отдаст Карабах просто так? Война будет, кровь! Очень, очень плохую новость ты принес, родственник!

– Прости, извини, я не хотел, я просто хотел посоветоваться, думал, ты тоже знаешь, – пролепетал Ашот, напуганный такой реакцией родственника. Он встал и двинулся к дверям, продолжая извиняться и разводить руками. – Ты не принимай близко к сердцу, может, тот старик просто сумасшедший, упокойся. Ну, я пошел.

Ваграм преградил ему путь, раскинув руки.

– Нет, ты скажи мне, скажи, зачем тебе в Армению? Чего тебе не хватает?

– Успокойся, дорогой, не слушай меня, я просто сболтнул, что услышал. Слухи, болтовня.

Прорвавшись мимо разгневанного родственника, он помчался вниз по лестнице, и в спину ему бил голос Ваграма:

– Передай им всем, что я против! Бакинские армяне против! Мы против!

Ашот вылетел из подъезда в расстроенных чувствах и остановился. Конечно же, как и любой армянин, он с детства знал про Армению «от моря до моря», но никогда серьезно к этому не относился, считая просто разговорами. Он слышал, о чем шептались люди, но мало ли что болтают. И теперь его мир рушился и перестраивался с невероятной скоростью. Ему было горько и страшно. И в то же время радостно от того, что судьба не дала ему совершить роковой ошибки и подвела к этому старику. Ведь могли же переехать, а потом бы началось все это... ну, это...

– На автовокзал! – крикнул он, упав на сиденье такси.

Когда пролилась первая кровь, Марина стала просить его уехать временно в Россию или хотя бы отправить туда сына. Он, уже втянутый в этот водоворот, успокаивал, говорил, что все будет хорошо, скоро они заживут еще лучше. Она не слушала, не понимала, зачем все это было нужно – ведь и так хорошо и дружно жили, называла его маньяком. Она своим женским чутьем предвидела дальнейший кошмар, он же пребывал в эйфории и возбуждении, ходил на какие-то собрания, подписывал какие-то звания. Один раз он даже ударил жену после очередного ее требования уехать.

– Что, моего сына к этим пьяницам и проституткам хочешь увезти?!

– Пусть уж лучше валяется пьяным в моей канаве, чем мертвым в твоих пре-красных горах!

– Мой сын – армянин, и он останется в свободном Карабахе!

– Свободном от кого?! Кто тебе тут что плохого сделал?!

– Молчи, женщина, будет, как я сказал!..

В один прекрасный день жена вдруг прекратила споры, затихла и на какое-то время позволила ему восстановить душевное равновесие. Но он ошибся, радуясь ее кротости. Хотя Марина и научилась готовить арису и носила армянскую фамилию, она не стала от этого покорной армянской женой, а осталась русской бабой, которая в горящую избу войдет и его самого оттуда вынесет, если понадобится. На самом деле она уже все решила и, пока он митинговал, готовила побег. Однажды он вернулся в село после очередного митинга и никого дома не застал. Марина взяла Альбертика и сбежала. Как он узнал потом, она вызвала телеграммой его отца. Он приехал и увез их в Россию. Тогда они еще были единой страной, и сделать это не составило труда...

В тот день Ашот долго стоял над замученным мальчиком и с тупым упорством пытался вспомнить его имя. Он не пошевелился и тогда, когда тело забросили в кузов грузовика и увезли. Он не мог сойти с места, ноги словно приросли к земле. В тот момент он впервые поблагодарил мысленно Марину за то, что оказалась непослушной женой и увезла сына из этого ада, и воздал хвалу. Нет, не Богу, а мудрости женщины и ее сердцу, которое оказалось намного умнее, чем его голова.

Потом ему рассказали, что он стоял и разговаривал сам с собой, как помешанный. Соседи отвели его домой, напоили какими-то травами и уложили в постель.

Он проспал почти целые сутки, а когда проснулся, понял, что уже не один. Перед глазами стоял убитый парень, но не взрослый, а коричневый от абшеронского солнца мальчишка в белой рубашке и красном галстуке. Стоял и улыбался во весь рот. И Ашоту казалось, что происходит это не в его голове, а на самом деле. «Зачем он пришел ко мне? Я ведь ни в чем не виноват», – думал он, наблюдая за призраком. Видение посещало его еще несколько дней, а потом мальчик в красном галстуке ушел. Чтобы вернуться через какое-то время в его сны и превратить его жизнь в ад.

...Каждый вскрик соседа бил прямо в сердце, и Ашот чувствовал, как набухают кровью сосуды, готовые разорваться. Еще немного, и он ударил бы тугоухого Рачика, который упорно хотел, чтобы он вспомнил, кто такой Мустафа. Рачик был ему как родной, поэтому он всегда почтительно выслушивал его болтовню часами, как бы она ни сводила его с ума. Рачик с его отцом дружили с молодости, и когда Ашот решил остаться в Карабахе, соседи взяли на себя заботу о нем. Еще больше они сблизились после того, как сын дяди Рачика погиб. Это случилось в самом начале войны. Едва похоронив сына, Рачик немедленно отправил невестку с внуками и дочерей в Армению к дальним родственникам. Жена Рачика Лусинэ наотрез отказалась бросать могилу сына, и старики остались одни. Теперь уже Ашот начал заботиться о них.

– А правда, что у ополченцев хорошее довольствие? – громко оборвал Ашот соседа неожиданным вопросом.

Дядя Рачик недоуменно похлопал глазами, не сумев сразу перестроиться на другую тему.

– Да, Вову хорошо снабжают. А тебе зачем? Решил все-таки записаться?

– Не знаю. Может быть.

– Сынок, с тобой все хорошо? – осторожно спросил сосед.

Библиотека, где, как рассказал дядя Рачик, держали заложников, располагалась на самом краю села. До войны она находилась недалеко от центра, но потом езжий пропагандист из Еревана решил построить на ее месте себе дачу, так как с той точки открывался красивый вид на горы. Сельчане особо не возмущались – библиотека и раньше пустовала, а теперь, когда стреляют, кому нужны были эти книги? Но пропагандист все равно, чтобы не придрались, построил небольшой сарайчик на окраине, куда перетасили и свалили в кучу запыленные книги и пожелтевшие подшивки журналов и газет. Вскоре в тех местах уже проходила передовая, и стало вовсе не до духовной пищи. Детей в последние месяцы не пускали даже в школу, так как путь к ней пролегал через дорогу, хорошо просматривавшуюся с другой стороны.

Ашот шел и на ходу придумывал план. Ничего вразумительного в голову не приходило. Он понимал, что если его обнаружат у библиотеки, то самое милосердное, на что он сможет рассчитывать, – это будет расстрел на месте. Что скажет, как объяснит свое появление? Он осознавал риск, но не мог остановиться. Ноги несли его вперед, туда, где находился сейчас Мустафа. Он даже не помнил лица азербай-

джанца, но считал себя обязанным помочь человеку, который принял его, незнакомца, как лучшего друга и называл братом. В глубине души он надеялся, что спасение заложников станет искуплением для него, и, кто знает, может, кто-то где-то пожалеет в случае чего и его близких. Ведь он тоже был виноват. Нет, он сам не убивал, но в том, что произошло, была и его вина. И сейчас он хотел сделать хоть что-то, чтобы мальчик в красном галстуке простил его и перестал приходить в его сны, сводя его с ума.

Вокруг царил тишина. Здание библиотеки тонуло во мгле, и Ашот едва мог разглядеть его на фоне ночного неба. Убедившись, что поблизости никого нет, он стал решительно подниматься по тропинке. Было слишком тихо, и эта тишина его тревожила. Он ускорил шаг. Дверь библиотеки была распахнута. Изнутри тянуло сыростью и гарью. Ашот остановился, пригнувшись. Неужели опоздал? Неужели самое страшное уже произошло и он пришел слишком поздно?! Его охватило отчаяние. Не понимая, что делает, он бросился к двери и закричал в темноту:

– Мустафа! Мустафаааа!

Никого.

Вдруг послышался тихий шорох, и из темноты выдвинулась тень. Ашот схватился за сердце – ему показалось, что он снова видит перед собой призрака в красном галстуке. Он замахал руками, отгоняя видение, и попятился.

– Уходи! Оставь меня! Пожалей меня!

Тень резко нырнула обратно в пропахшую гарью темноту. Она определенно не была призраком, а принадлежала человеку.

Ашот замер и прислушался. Никаких звуков. Может, показалось?

– Земляк? – он произнес это по-азербайджански, сообразив, что армянская речь могла напугать обитателя библиотеки, если это заложник. О том, что это мог быть кто-то из своих, он даже думать не хотел. – Не бойся, я пришел помочь!

Чуть погодя тень снова приблизилась к двери.

– Ты кто?!

– Я Мустафа, – ответил из темноты детский голос.

Ребенок!

Тень медленно вышла на свет луны. Некоторое время они молча изучали друг друга.

– Откуда ты знаешь мое имя? Тебя мама послала за нами? – спросил мальчик. Ему было лет восемь, не больше. – Мама нас в книги спрятала и сказала, чтобы мы сидели тихо и ждали, когда за нами придет хороший человек. Мы сидели и ждали.

Ашот выслушал все это в полуобморочном состоянии. Он словно очнулся от сна, и реальность обрушилась на него всей своей невыносимой тяжестью. Пронзительный взгляд ребенка вернул его на этот свет, и он ужаснулся своему положению. Что он тут делает? Зачем он здесь? Как ему такое вообще в голову пришло? Может быть, он на самом деле начал терять разум? Нельзя было этого делать, это глупо, очень глупо. О чем он думал, кем себя возомнил? Ну, удалось бы ему освободить заложников, и что он стал бы делать дальше? Жизнь и так страшна и беспросветна, а теперь ему вообще не будет покоя. Потому что он ничего не сможет сделать для этого ребенка, он оставит его здесь и уйдет. Это негуманно, но правильно. Если он возьмет малыша с собой, то поставит себя под угрозу. Где он его спрячет, и стоит ли риск всего этого, ведь он прекрасно знает, чем все закончится. Война есть война, кто бы его самого пожалел... Но ребенок ждет ответа – что же ему сказать? И нужно ли что-то говорить? Ашот знал, что, если заговорит с мальчиком, то уже не сможет уйти. А уйти необходимо. Уйти и забыть. Так будет лучше для всех, в том числе и для этого ребенка. Оставшись здесь, он, может быть, сумеет спастись... Но он же такой маленький, такой беззащитный, одежда порвана, ручки в царапинах. Сумеет ли он, Ашот, жить дальше, если оставит его здесь, зная, что малыш, скорее всего, теперь

один на белом свете? Что было бы, если бы сейчас на месте этого малыша был его Альбертик? Он ждал бы помощи, а никто бы ему не помог.

Все эти мысли пронеслись в голове Ашота с быстротой молнии. Он уже понял, что не уйдет, но все же пытался услышать голос разума.

Голос разума молчал.

– Да, малыш, – выдавил он, – это мама твоя меня послала, я тот самый хороший человек.

– Но ты же армянин, – произнес мальчик с сомнением.

Ашот растерялся.

– Да, но я хороший человек, – горячо заверил он. – Армяне – хорошие люди, а те, кто забрал твою маму, они... они не армяне, они... они... – он попытался найти определение, вспоминая физиономию командира Вовы. – Они...

– Ты знаешь, где мама?

Ашот отрицательно качнул головой.

Мальчик вздохнул, всхлипнул, провел рукавом по глазам и позвал в темноту дрожащим голосом:

– Гюля, уже можно выходить. Этот дядя отведет нас домой.

Послышался шорох, и рядом с Мустафой встала девочка лет пяти. Малышка была обернута в газеты, круглое личико было измазано гарью и по-взрослому серьезно.

– Это моя сестра, – пояснил Мустафа. – Было очень холодно, мы книги жгли, чтоб согреться. У меня спички есть! – он извлек из кармана коробок и продемонстрировал так, будто в руках был заряженный пистолет. – Армяне уже ушли отсюда, я проверял. Можно идти домой.

«Домой... В лес надо, в горы, прятаться, бежать! Покажи им дорогу и уходи!» – подумал Ашот и тут же возразил сам себе: как же можно этих малюток отправить к диким зверям? С тех пор, как началась война, звери приблизились к человеческому поселению, привлекаемые запахом крови и смерти. Дикая жизнь в горах активизировалась, звери нападали на людей, от волчьего воя порой ночами было не уснуть.

Нет, это невозможно.

Ашот смирился с неизбежностью и сказал:

– Сейчас мы не можем пойти к тебе домой. Сначала я сам должен все проверить. А пока мы пойдем ко мне домой, хорошо?..

Село спало. До рассвета еще было время, и они дошли до его дома незамеченными. Ашот крепко держал детей за руки, малышка доверчиво льнула к нему, и сердце его разрывалось от жалости и нежности. Когда-то он вот так вот гулял с Альбертиком, держась за руки, они поднимались в горы и подолгу бродили там в высокой траве среди цветов и жужжащих стрекоз, смотрели оттуда, с высоты, на крыши родного села и искали свой дом, где сейчас готовит вкусный обед и ждет их мама Марина.

Ашот потом много раз спрашивал себя, почему не уехал за ними, когда вокруг воцарился ад. Наверное, мешала мужская гордость, а еще страх, что Марина нашла себе другого, и ему придется что-то с этим делать или проглотить унижение и вернуться домой с поджатым хвостом. За все годы жена всего пару раз дала знать о себе, а потом он узнавал все новости о сыне от отца, которого так и не решился спросить о Марине. А тот молчал. Однажды отец сам неожиданно приехал за ним. Без предупреждения объявился на пороге и начал молча собирать его вещи. «Выходи! – приказал он, стоя у ворот с большой сумкой в руках. – Выходи, я сказал! Будь мужчиной! Завел семью, родил ребенка – имей смелость отвечать за них! Ты тут ерундой занимаешься, в нехорошие игрушки играешь, а сыну нужен отец! Он твою фамилию носит,

а не чью-то еще! Ты нужен своей семье, а не этим горлопанам!» Вместо ответа сын громко хлопнул дверью...

– Ашот? Ты что тут ходишь в такое время?

Ашот вздрогнул от неожиданности. Он совсем позабыл, что старый сосед страдает бессонницей и часто по ночам бродит вокруг дома в ожидании, когда придет сон.

– Какие славные детишки. Это чьи? – проговорил дядя Рачик и наклонился к девочке. – Ой, какие косички, а как на нашу Рузанночку похожа! Как тебя зовут, малышка?

Не дождавшись реакции от детей, Рачик поднял глаза на него.

– Они что, глухие, как я?

– Они не глухие. Они азербайджанцы.

– Турки?! – Рачик отшатнулся и зажал рот ладонью, чтобы подавить крик. Глаза наполнились ужасом. – Вааай... Я понял – ты украл их у Вовы! Ты с ума сошел?! Ты просто пошел туда и забрал их?!

– Да. И если скажешь кому-нибудь, я тебя убью, хоть ты и старый друг моего отца.

Рачик сделал еще шаг назад и уперся лопатками в ворота его дома.

– Послушай, сынок, послушай меня, старика. Ради своего отца и матери послушай. Нельзя просто так пойти и украсть заложников у Вовы. Ты знаешь, что он с тобой сделает, если узнает?

– Знаю. Но по-другому их не спасти.

– А зачем тебе их спасать? Ты о себе подумай, а не о них. Их не убьют, а вот тебя четвертуют, кожу сдерут! Помнишь Хачатура? Ты думаешь, он сам повесился? Его Вова приговорил за то, что к другу детства через линию фронта в гости ходил, дурак. Послушай, отведи этих детей немедленно обратно, – зашептал старик на ухо, будто дети могли его понять. – Зачем ты их сюда привел? Это добыча Вовы и его людей, эту девочку он может хорошо продать. Он сожжет все село из-за тебя!

– А если бы это была Рузанна? – оборвал Ашот.

Дядя Рачик крупно вздрогнул и замолк. Он даже сгорбил, губы задрожали.

– Да... наверно... – пролепетал он, – ну, ладно, ты иди, иди, скоро рассветет, еще увидит кто.

Сосед отодвинулся, и Ашот толкнул ворота.

Он зашторил окна и включил керосиновую лампу. Электричества не было – их отключили от азербайджанской электростанции, но еще не присоединили к армянской.

Дети молча и выжидающе смотрели на него. Он приложил палец к губам:

– Сидите очень тихо. Мустафа, скажи сестренке, чтобы не плакала.

– Она не будет плакать, – сказал мальчик. – Она один раз кое-что увидела и теперь больше не плачет.

– Это был волк?

– Нет, это были люди, – ответил мальчик и отвернулся.

Ашот не стал уточнять, что мог увидеть этот ребенок такого, что лишило его самой естественной детской реакции на страх и боль – слез. Ему и без того было плохо. Он сказал, что пойдет в кладовку за картошкой, а они, если услышат чужие голоса, пусть сразу лезут под кровать.

Роясь в темной кладовке в поисках съестного, он лихорадочно соображал, что делать дальше. Он понимал, что не сможет прятать этих детей до бесконечности. Рано или поздно их обнаружат, и тогда... Он старался не думать о том, что его ждет в этом случае. Вова был жесток не только с врагами, но и со своими. Люди порой не знали, кого следует бояться больше – азербайджанцев или ребят командира Вовы. Не дай бог, если тот посчитает тебя предателем. Конец, расправа неминуема. Хотя про самого Вову чего только ни говорили. Например, ходили слухи, что у него общие дела

с неким то ли Алескером, то ли Алекпером, которому Вова передает добычу, и тот ее сбывает со своей бандой на азербайджанской стороне. И наоборот. А деньги, говорят, делят. Вова Авакян вообще был хитер и пронырлив, благодаря чему в свое время сделал успешную карьеру в комсомоле и уже начал продвигаться по партийной лестнице, но страна взяла и развалилась. Очень некстати. Однако Вова и тут нашел себе применение, ко всеобщему удивлению оказавшись в первых рядах митингового движения. Он быстро сориентировался, устроил демонстративное сожжение партбилета перед камерой какого-то иностранца, после чего зарубежный телеканал снял про него репортаж. Тут к нему и пришла слава. Бывший партработник стал совестью добровольческого движения и личностью почти что легендарной.

В общем, много чего говорили люди, а сельское кладбище тем временем ширилось день ото дня. Ашот не знал, что тут правда, и знать не хотел. Какое его дело. Тем более, сейчас это волновало его меньше всего. Вот если бы удалось как-то вывезти детей в Армению, а оттуда через Грузию перебраться в Россию! – думал он. Вот только сколько это будет стоить, и где он возьмет столько денег? Хотя это не самый сложный вопрос. Легче найти деньги, чем вывезти этих детей из села.

Ашот не сомневался, что Марина будет рада приютить этих малышек. Она всегда мечтала о троих детях и очень переживала, что так и не смогла больше забеременеть. Да, она стала бы отличной матерью этим детям. А свою мать они уже вряд ли увидят. Только если с ней тоже не случится какого-нибудь чуда и Бог не пошлет и ей хорошего человека.

Он нес со двора в дом горячую кастрюлю с картошкой, когда в ворота громко забарабанили. Он чуть не выронил кастрюлю, сердце подпрыгнуло к самому горлу, в висках забухало. Он швырнул картошку обратно на угли, схватил в кухне наточенный нож и бросился в комнату. Дети уже спрятались, не дожидаясь его приказа.

Тетя Лусинэ ворвалась в дом, как ураган, и остановилась на пороге залы, упрев руки в бока. Она была на голову выше мужа и имела большие руки и крепкие нервы. Ее командирскому голосу мог позавидовать сам Вова.

– Где они? – выкрикнула она, обводя комнату грозным взглядом. – Показывай! Ну?!

Ашот вытащил руку с ножом из-за спины и положил его рядом на стол.

– Если сейчас же мне их не покажешь, я такой крик подниму, что все село просянется.

Ашот не сомневался, что она это сделает. Он только не понимал, почему она сразу не подняла вой.

– Ну? – прикрикнула соседка.

– Мустафа! – сказал Ашот, не отрывая взгляда от женщины.

Он услышал, как дети завопили, вылезая из-под кровати. Скрипнули половицы, упала табуретка. Дети стояли за спиной, он хоть и не видел, но чувствовал их.

Лусинэ смотрела на малышек, как на привидения.

– Фууууу, – произнесла она и упала на стул, – а я уже думала, что мой Рачик помешался. Думала, с ума сошел старый, конец его пришел, и останусь я одна. Ашот, говорит, турок домой привел. Ну, думаю, совсем плох старый хрыч. Ему после смерти Георгия повсюду турки мерещатся.

Ашот перестал тянуться к ножу.

– Я уже сказал Рачику, что зарезу...

– Ээээ, – отмахнулась соседка, – твой отец курицы за всю жизнь не зарезал. И ты такой же. Что с ними делать будешь?

– Не знаю, – признался Ашот.

– Хм. А девочка и правда на нашу внучку похожа. Копия Рузанна. Эй, красотка, это не твой папа убил моего Георгия? Будь все проклято...

– Как там ваши? Есть вести?

– В Капане устроились. Голодные, зато живые... Мда... – Она поднялась. – Ну, ладно, пойду.

После того, как за ней захлопнулась дверь, Ашот на ватных ногах развернулся к детям. Ему было стыдно за свой страх, но он ничего не мог поделаться с дрожью в руках. Она его выдавала. Ему действительно было очень страшно. Он находился на грани паники. Что же будет дальше? Что с ним будет, когда о его предательстве узнают не старики-соседи, а люди Вовы? А ведь они все равно узнают и придут сюда. От одной только мысли об этом ему хотелось закричать и самому забраться под кровать, под стол, в подвал, выпрыгнуть в окно, бежать сломя голову куда угодно, лишь бы не нашли.

«Как же я влип», – подумал он с горечью. Наверное, эта фраза отпечаталась у него на лице, потому что маленький Мустафа спросил:

– Дядя, ты нас отдашь? Если надо нас отдать, ты меня отдай, а сестру не отдавай. Девочкам нельзя в плен, с ними... их... – мальчик запнулся и опустил глаза.

В селе было тихо, вооруженных людей не было, ушли даже торчавшие тут без дела которую неделю русские танки. В округе царил покой, будто и нет никакой войны.

Ашот ловил каждый звук, доносящийся из-за ворот. Если до конца дня ничего не произойдет, завтра начнет думать о переправке детей через границу. Старики-соседи не выдадут, а больше, похоже, никто о его поступке не знал. Он очень рассчитывал на то, что линия фронта ушла далеко на восток, и люди Вовы вернуться не скоро, оставив ему время что-то предпринять. Наверное, правильнее было бы уйти этой ночью в горы, а не испытывать судьбу. Правда, это было не менее опасно, чем оставаться здесь. В горах повсюду посты, а магистраль, ведущая к райцентру, давно перекрыта бронетехникой. Они, как зайцы, попадут в этот капкан. Им не проскользнуть. Он не хотел быть дичью. Когда-то он сам охотился, поэтому прекрасно понимал, что должен переживать загнанный зверь. Это было хуже самой смерти, и сейчас он чувствовал именно это. Вот когда пригодился бы его старенький автомобиль. Свой «Москвич» он продал за несколько лет до войны, хотел купить «Жигули», но так и не купил – матери срочно потребовалась операция, потом Марина вздумала строить комнату для сына. Так деньги растаяли, а оставшиеся рубли сгорели с крушением Союза.

Постепенно тиски, сжимавшие сердце, начали разжиматься, леденящий страх немного отпустил, он даже вышел на улицу и прогулялся взад-вперед, прислушиваясь и приглядываясь. Во второй половине дня он уже мог соображать и начал собираться. Это занятие еще немного успокоило. Собрал документы, в том числе на дом, фотографии, подолгу рассматривая каждую. Выгреб из сундука детские вещи Альберта, развесил на стульях, выбирая, во что переодеть малышей перед дорогой. Потом передумал и снова разбросал собранное по ящикам и углам. Если кто-то придет и увидит его сборы, это будет выглядеть подозрительно. Ничего, собраться он сможет за десять минут, надо только запомнить, где что лежит, чтобы не тратить время на поиски.

Дети не мешали его переживаниям и страхам. Они поначалу просто молча сидели, а потом, осмелев, стали тихо бродить по дому, находить себе какие-то нехитрые занятия. Дети есть дети. Ашот был благодарен им за то, что вели себя спокойно. Если бы пришлось успокаивать и их, его бы на всех не хватило. Он не знал, как справиться с собственной паникой, и только странная мысль о том, что Альберту было бы очень стыдно за труса-отца, удерживала его от того, чтобы не броситься вон из дома прямо сейчас...

– Ашот! Открывай! Это я! Скорее!

– Сынок, плохо дело! Люди Вовы ходят по селу, спрашивают про детей! Это надо же, как они ему нужны, если он свою войну оставил из-за них! – задыхаясь, кричал Рачик. – Тебя с ними не только я видел, еще Карина видела, жена милиционера. Она у моей старухи спрашивала, не завел ли ты вторую семью. Бежать надо, сынок, бежать!

Ашот готовился к этому моменту, но когда он настал, растерялся.

– Что делать?!

– Отпусти их через заднюю калитку, пусть бегут в лес! Может, Бог их снова пожалует и спасет!

Ашот замотал головой. Как же так – отпустить... Одних? В горы? К шакалам и людям, которые не лучше шакалов? Да, уйти через калитку в заборе позади дома – это мысль. Она вела в проулок, уходящий за село, к реке. Сюда забредали из леса волки и шакалы, поэтому сельчане старались тут не ходить. Правда, дверь эта не открывалась уже много лет и заржавела и заросла ежевикой с внешней стороны. Но проскользнуть оттуда, наверное, можно было. Только вот как оставить детей одних?!

– Они такие маленькие! Они погибнут одни! – простонал он.

– Ну, так беги с ними, черт тебя побери! – Рачик схватил его за одежду и поволок к выходу, вручив по пути какую-то сумку. – Это моя старуха собрала, дня на три вам хватит. Поторопись, дурак ты такой, не теряй времени!

Железная дверца поддавалась не сразу, но ему все же удалось ее оттянуть. Он внимательно изучил улицу через заросли кустарника, потом пригнул колючие ветки лопатой к земле. Можно было выходить. Когда он уже собрался высунуться наружу, услышал, как в ворота дома громко постучали.

– Эй, хозяин, ты дома? – послышался голос, от которого у Ашота похолодели внутренности.

Решение пришло сразу.

– Дядя Рачик, твоего сына убили азербайджанцы, никто не заподозрит, что ты можешь прятать их детей. Я хочу, чтобы ты спрятал их, а потом отправил как-нибудь в Россию к моим. Я не знаю, как ты это сделаешь, но я тебя очень прошу.

– Нет, ни за что! – принялся протестовать сосед. – Я тебе не позволю! Ишь что задумал! Тоже мне, герой какой, за турок этих умереть собрался?! Да я сам их отдам Вове! Вот увидишь, отдам и глазом не моргну!

Ашот не обратил на его протесты внимания. Он громко и недовольно крикнул, так, чтобы было слышно за воротами:

– Кто там? Серго, ты что ли? Не лмай двери, сейчас иду! – И наклонился к мальчику: – Мустафа, вы сейчас пойдете с этим дедушкой и спрячетесь у него дома. Это хороший дедушка, можете его не бояться.

– А ты? – спросил Мустафа.

– Я потом приду, после работы.

Мальчик порывисто прижался к нему, девочка, глядя на брата, тоже обхватила руками его ногу – от этого человека исходило тепло, которого больше не было для нее нигде в этом страшном мире.

Старый сосед, глядя на это, прекратил шуметь и только вздохнул:

– Что же мы наделали, что же мы натворили. Гореть нам в аду за то, что мы сделали. Гореть...

В ворота продолжали настойчиво стучать.

Ашот расправил ветви колючей ежевики, плотно прикрыл калитку. Нарочито медленно он подошел к воротам, ворча и ругаясь, долго отодвигал задвижки.

Ворота распахнулись.

– Гостей принимаешь? – спросил командир Вова и мрачно улыбнулся.

Ашот сидел напротив грозного командира, сгорбившись и боясь поднять глаза. Он изо всех сил старался не дрожать, а Вова упивался его страхом и ухмылялся, хлопывая ладонью по лежащему на столе автомату.

– Я вижу, совсем ты опустился, Ашот-джан. Не дом, а помойка, – сказал Вова. Ашот промолчал.

– Как твоя голубоглазая жена сбежала, ты человеком быть перестал, – продолжил командир и подмигнул. – А женушка твоя, наверно, весело сейчас живет в своей России? Такая женщина не будет скучать. Перед другими ноги раздвигает, а ты... Эх ты.

Ашот снова промолчал, но невольно бросил взгляд на покоящийся на потертой клеенке автомат. Вова уловил этот его порыв и презрительно усмехнулся.

– Что же ты не спрашиваешь, зачем я пришел? Догадываешься?

– Ну... – Ашот все так же глядел в пол, – я понимаю. Но какой из меня солдат, я больной, у меня сердце больное. Все про это знают. Спроси у кого хочешь. Я не смогу воевать.

– Что?! – Вова скривился. – Воевать?! На него посмотрите, на этого воина. Да зачем ты мне нужен на войне, тряпка. Ты думаешь, я из-за этого пришел? Где заложники?!

– Какие заложники?

– Уффф... Я знаю, что эти ублюдки у тебя. Где их прячешь?

– О чем ты говоришь?

– Я не сомневался, что ты трус. Но ты еще и предатель. Даже не знаю, как тебя наказать. Что не сделаешь, будет мало. Азеры убивают твоих братьев, а ты... Ты думаешь, наши враги стали бы спасать армянских детей? Азеры нашим детям головы отрезают, кишки выпускают.

Вова покрутил шеей и оглянулся на топчущихся у дверей автоматчиков.

– Их нигде нет, командир, – сообщили те.

– Ладно, признаюсь, – произнес Ашот после долгой паузы. Молчать дальше было бы глупо. – Я ходил ночью на пост за консервами. В селе говорят, твой отряд хорошо снабжают, и я... Гм-гм. По дороге увидел этих детей. Сбежали, наверно. И я их забрал – жалко стало.

– Хорошо. Допустим, что так. Где они?

– Не знаю. Я отвел их в горы и...

Ашот не успел понять, как оказался на полу. Левая половина черепа онемела, в ухе стоял невыносимый звон. Под щекой было мокро. Обожгло поясницу, потом еще раз, затем воткнули бревно в живот и опустили в кипяток внутренности.

Потом снова посадили на стул перед командиром.

– Вспомнил? – поинтересовался Вова.

Ашот пожал плечами. Кружилась голова. Но страх немного отступил, его место начала заполнять злость. Самое страшное обычно – это первый удар, а потом все уже воспринимается как-то по-другому. Ашот хорошо помнил это еще со времен службы в армии. Первые месяцы его били, и не известно, чем бы все закончилось, если бы сослуживцы-азербайджанцы не взяли его под свою защиту. В части было много ребят из Армении, но на него, карабахца, они смотрели, как на чужака, и не принимали в свой круг. Он был для них шуртваци, то есть «перевертыш», не настоящий армянин. Зато азербайджанцы, узнав, что он карабахский, сразу признали в нем земляка, и оставшаяся часть срока службы прошла для него сравнительно спокойно.

Командир явно терял терпение. Рука, лежащая на автомате, уже не поглаживала, а сжимала его со всей силой.

– Послушай, я тоже люблю детей. Никто не сделает им ничего плохого. На-

оборот, мы нашли их родственников и хотим детей им передать.

– Продать, – уточнил Ашот и промокнул рукавом окровавленный подбородок.

– Ну и что? Зато они попадут в родные руки и спасутся. Ты не хочешь этого? Ты хочешь, чтобы они тут остались и погибли? Не у каждого заложника удастся найти родных. А у этих детей дядя нашелся. Почему бы не сделать доброе дело? У него магазин в Кюрдамире. Заплатит как миленький, если любит племянников. Магазин продаст или дом. Заплатит, никуда не денется. А если не сможет заплатить, отработает по-другому. Не он первый, не он последний. Один ради матери для нас такое сделал... Жаль, старушка не дожила – померла, пока задание выполнял. – Вова вздохнул. – Но, думаю, до этого не дойдет. У дяди, говорят, и чайхана есть.

– Кто говорит? Алекпер? – вырвалось у Ашота.

Он сразу пожалел об этом, но было поздно.

Вова изменился в лице.

– Не понимаю, зачем тебе это нужно? Может, в долю хочешь войти? Так и скажи, договоримся. Аааа, наверно, по сынку соскучился, поэтому к детишкам потянуло. Да?

Ашот насторожился.

– Могу устроить тебе встречу с сыном. Наши люди в России за три дня его сюда доставят. По частям.

Просачивающаяся сквозь барьеры страха злость мгновенно заполнила все пространство, и Ашот бросился всем телом на командира. Он повалил его прямо со стулом, придавил к полу и вцепился обеими руками в горло. Эта полоска серой потной кожи была сейчас самым главным, что интересовало Ашота. Его не беспокоили посыпавшиеся на спину и голову удары, он сжимал шею Вовы изо всех сил, и ничто не могло бы заставить его разжать пальцы...

Когда он очнулся, было утро. На полу под окном лежало бледное серое пятно, пасмурный рассвет медленно заполнял комнату. Было очень холодно.

Болело все. Руки были связаны за спиной, и так туго, что он не чувствовал кистей.

Он попытался вспомнить, что происходило после того, как бросился на командира. Последнее, что он помнил, – это потная шея Вовы под руками. Все остальное выпало из памяти. Будто выключили свет, а через несколько часов снова включили.

Что-то заслонило мутное окно. Ашот напряг зрение и увидел его, мальчика в красном галстуке. Но на этот раз он не испугался, наоборот, пришло какое-то успокоение, даже боль как будто немного стихла. Призрак присел на корточки перед ним и улыбнулся, заглядывая в лицо. «Все будет хорошо, дядя Ашот, не бойся», – услышал он в глубине сознания.

Эльданиз! – вспомнил Ашот. Ну, конечно, его звали Эльданиз, того мальчика из счастливого прошлого. Он чуть не заплакал от радости. Наконец-то он вспомнил!

– Эльданиз! – произнес он вслух.

Из молочного полумрака донесся мокротный кашель, потом кто-то отхаркнул, сплунул и сказал:

– Ожил?

Только сейчас Ашот увидел, что в комнате не один. Совсем рядом сидел на стуле, закинув ноги на табурет, человек и курил. Оранжевый огонек то и дело совершал полукруг – рука с сигаретой то поднималась ко рту человека, то опускалась, и с нее слетали на пол тлеющие искры.

– Что за Эльданиз? – спросил курильщик.

– Не твое дело, – сказал Ашот.

– Глупый же ты человек, Ашот-джан, не ожидал от тебя.

Ашот узнал голос, хотя не слышал его уже давно. Голос принадлежал старому приятелю Тевосу, с которым когда-то ездили по Карабаху в одной команде, листовки раздавали, собрания проводили, зазывали на митинги. И откуда только у него, молчуна, тогда дар красноречия прорезался. В то время они чувствовали себя героями из легенд. Кретины...

– Тевос, ты?

– Я. – Тевос хохотнул. – Узнал все-таки.

Рука с сигаретой снова опустилась, и Ашот увидел блеснувший на пальце Тевоса перстень. Это был его перстень, они с Мариной купили его как-то по случаю в Ереване. Он его не носил, хранил для сына.

– Там еще золотые коронки были, – сказал он, – они тоже тебе подошли бы.

Тевос быстро спрятал руку с перстнем в карман и как-то обиженно сказал:

– Между прочим, я тебя от страшной смерти спас. Вова тебе башку отрезать собирался, и отрезал бы, если бы я про твои заслуги перед движением не рассказал.

«Что ж, может быть, и так», – подумал Ашот.

– Где Вова? – спросил он.

– В Степанакерт (*здесь и далее использованы названия времен оккупации – авт.*) уехал. Из Еревана каких-то иностранцев привезли.

– Что он со мной сделает?

– Не знаю, но лучше бы ты не упряился и отдал ему то, что он хочет. Не принимаю тебя, честное слово.

– У тебя есть дети, Тевос?

– Какая разница? Наши дети – это одно, а их – совсем другое. Потому что мы – люди, а они – наши рабы. И дети у них ублюдки.

«Неужели я тоже был таким идиотом?» – подумал Ашот.

– Это ты человек? – сказал он. – Ты человек, Тевос? Или твой командир человек? Да посмотри на себя.

Бывший приятель зло пнул его в бок.

– Нет, это ты человек, как я вижу, – процедил он, – валяешься тут в своей моче, как дерьмо. Подожди, вот Вова вернется, он тебе покажет, кто тут человек. Жаль, что твоей шалавы нет дома.

Тевос развалился поудобнее и принялся обстоятельно расписывать, что сделал бы с Мариной, будь она здесь. Ашот чувствовал подступающую дурноту. Он не мог всего этого слушать и в то же время не мог никак ему помешать.

– Лучше сделай это со своей толстозадой сестрой, – только и сказал он.

После чего в мире снова выключили свет...

Лусинэ уже в десятый раз подметала эту цементную площадку перед воротами. Она вычистила ее до блеска, отдраила так, что почерневший цемент засверкал. Но она вышла за ворота снова, чтобы еще раз посмотреть в сторону ашотовского дома. Если военный джип еще у ворот, а автоматчики еще бродят вдоль забора, значит, Вова еще там. А если Вова там, значит, Ашот еще жив. Сердце Лусинэ разрывалось, ведь он заменил ей сына. Его, Ашота, она мечтала видеть своим зятем с самого его детства. Что она могла поделать – не те времена, чтобы жаловаться. Некому. Да и на кого? Власть и закон в их краях теперь – полевые командиры, люди с автоматами, и Вова Авакян – один из самых авторитетных. Особенно теперь, после той страшной истории в каком-то азербайджанском селе, кажется, Ходжалы. Это случилось в соседнем районе, но люди говорили, что теперь азербайджанцы будут мстить по всему фронту, и им всем надо быть готовыми бежать в любой момент. В этой атмосфере авторитет Вовы, как защитника простых сельчан от азербайджанской мести, еще более возрос. Так что жаловаться на него было бессмысленно даже самому президенту Ар-

мении. Может быть, потом, когда война закончится, восстановится нормальная власть, вернутся милиция, партком, а с ними – и порядок, можно будет добиться правды. Но когда это будет и будет ли вообще?

«Карина тоже хороша, глупая курица, не могла попридержать язык, чтоб ей пусто было, – злобно ворчала про себя тетушка Лусинэ, усиленно метя перед воротами. – Безмозглая корова. У самой же четверо детей, неужели не могла помолчать? Даже она, Лусинэ, потерявшая от азербайджанской пули единственного сына, и то не открыла рта, а эта... Если Ашота убьют, она этой Карине не простит, со свету ее сживет вместе с ее мужем-милиционером. Милиционером... Да какой он милиционер – пузо отрастил до подбородка. Сидит, жиреет, а ведь должен был по долгу службы первым взять оружие, а вот ее Георгий погиб. Погиб... Она не думала, что сможет это пережить, но пережила. Да и сколько им с Рачиком самим осталось? Хоть не так уж и стары, но у каждого по сотне болезней. Скоро встретятся... »

На похоронах Вова говорил много всяких слов, рассказывал, что Георгий прикрыв его собой, спас ему жизнь. Может быть, и спас. Не зря же Вова с тех пор постоянно им продукты посылает... Получается, что она променяла сына на консервы. Она отправила Георгия на никому не нужную войну, чтобы он спас никчемную жизнь какого-то мошенника и лег в могилу. Она должна была остановить его, не отпустить, а она еще гордилась, глупая. Четверо детей осиротели, зато теперь у них есть еда... Лусинэ много раз хотела бросить доставленные от Вовы консервы ему же в лицо, но всегда вспоминала о детях и внуках, голодающих в Капане, которым все это в конечном итоге доставалось. Что она могла изменить? Единственное, о чем она мечтала, – это чтобы закончилась война. Даже не важно, как она закончится. Да, после всего случившегося это уже не имело значения. Пусть вернутся азербайджанцы, пусть заберут обратно власть. Главное – чтобы перестали стрелять. У нее трое внуков-мальчишек, и двум из них скоро в армию. Лусинэ очень боялась, что эта война достанется и им.

Она выпрямилась и потеряла поясницу. Она увидела, что один из автоматчиков направляется в ее сторону, и приготовилась к отражению атаки. Но тот всего лишь попросил воды. Она быстро сбегала в дом, вынесла ему кружку воды и спросила, тебя фартук:

– А что это вы тут ходите? Случилось что-то?

– Хозяин Вову в гости пригласил. Охраняем.

– Аааа, а я думала, турки наступают.

Человек Вовы успокоил:

– Не бойся, больше никогда ни один турок сюда не войдет.

Лусинэ снова взялась за веник. «Как же, ни один, – ворчала она мысленно. – Не один, а целых двое, сидят сейчас в ее доме, вжавшись в угол, как дикие зверьки. Бедный Рачик и так, и сяк перед ними вертится. А эти волчата ни в какую – сидят, как замороженные, не едят, не пьют». Рачик хотел еще ночью выполнить просьбу Ашота и увести детей в горы, но от всех этих волнений сердце прихватило. Теперь они сидят в ее доме, дышат ее воздухом и таращат на нее свои глаза.

Если бы она могла взять и отвести их к Вове и обменять на Ашота! Но она знала, что он никогда ей этого не простит. Она помнила его горящие глаза и нож на столе, она чувствовала, что для него – это то же самое, что защищать Альберта. Она не могла через это переступить. Да и старик ее словно обезумел, одно и то же твердит: на Рузанну, видите ли, девочка похожа. Ну, похожа – и что? Это не Рузанна, это маленькие турки, которые вырастут рано или поздно в больших врагов. И зачем только Ашоту это было нужно? Зачем он так подвел себя и их?

Эх, Ашот... Глядя, как подрастает соседский сынок, она втайне мечтала, что он вырастет и возьмет в жены одну из ее дочерей. А он привез после армии синеглазую Марину, чем разбил ей сердце. Лусинэ возненавидела эту женщину и демонстративно игнорировала, а на Ашота затаила обиду на многие годы. Немало крови она попор-

тила им, ой, немало. Когда Марина сбежала, Лусинэ опять стала надеяться назвать когда-нибудь соседа своим зятем. Очень уж он ей нравился, потому что больше всех среди троих братьев Амбарцумовых был похож на Левона, своего отца, на которого когда-то, в далекой молодости заглядывалась. Судьба оказалась против ее любви, но воспоминания возвращались всякий раз, когда она смотрела на Ашота. Вот кончится война – закончится же она когда-нибудь! – ее засидевшиеся в девках дочери вернутся из неприветливой Армении, где они чужие, и уж на этот раз она не будет ждать, а возьмется за дело сама. Насчет Марины Лусинэ была уверена – та не вернется, а Ашот слишком гордый, чтобы ехать за ней. Если бы хотел, за эти годы сто раз бы уже съездил...

«О чем это я?» – вдруг подумала Лусинэ. Веник выпал из рук. Пошатываясь, она вошла во двор и захлопнула ворота. О какой ерунде она думает? Как можно думать об этом, когда его убивают за той стеной. Дорогого ее сердцу человека, ее мальчика убивают, а она тут думает о пустяках, вспоминает какие-то обиды.

Надо что-то делать. Но что? Что?!

Когда слез уже не осталось, Лусинэ промокнула уголком платка глаза, заправила выбившиеся седые пряди. И тут почувствовала что-то, словно струя раскаленного воздуха ударила откуда-то справа. Она медленно и со страхом повернула голову. В дверях комнаты стояла и смотрела на нее во все глаза, не мигая, маленькая турчанка.

Да, его звали Эльданиз. Как же он мог забыть? «Они очень похожи с Альбертом», – говорила Марина. Она вообще считала, что армяне и азербайджанцы на одно лицо, и удивлялась, как они друг друга отличают.

Ашот особого сходства между сыном и его новым другом не замечал, но мальчики вполне могли сойти за братьев, только один из них светлокожий – в маму, а другой, смуглый и большеглазый, получается, в папу, то есть в него. Хорошо, когда в семье много детей. К сожалению, у них с Мариной это не получилось, но Ашот все-таки надеялся, что врачи ошибаются, и у них еще будут дети. Эта мысль согревала его.

«Как же они похожи, ну, посмотри, – повторяла вновь и вновь жена. – А давай возьмем Элика к нам на все лето? И Альберту будет веселее».

Похожи...

«Мы, армяне и азербайджанцы, – братья», – говорил родственник Мустафы в поезде, везущем их в Москву. Он красиво угощал их в своем купе и много говорил. Видимо, он был в роду очень уважаемым человеком, потому что все обращались к нему с особым почтением, спрашивали совета, старались громко не говорить и шумно не смеяться в его присутствии. Не только молодежь, но и старшие.

«Ты спросишь почему? – продолжал дядя Мустафы, поднимая армуды, в котором был вовсе не чай. – Я тебе отвечу. Ты много знаешь армян и азербайджанцев, которые живут в Грузии и хорошо говорят по-грузински? Вот видишь, и я не знаю. Зато я знаю очень много армян, которые живут в Азербайджане и прекрасно говорят по-азербайджански, и много азербайджанцев из Армении, которые знают армянский лучше армян. Вот ты тоже знаешь по-нашему, – хлопал он по плечу Ашота, – говоришь лучше многих бакинцев. Вот тебе и доказательство. Под одну музыку танцуем, одни песни поем. Выпьем за это».

Ашот благодарил за добрые слова, пытался неумело произносить ответные тосты. Он никогда не умел красиво говорить, даже за своей будущей женой он ухаживал молча. Ему подливали в стакан, он кивал, смущался, а покрасневшийся от азарта заядлый картежник Рачик все время пихал его в бок, чтобы знал меру.

Тогда он еще не испробовал отравы, его разум был чист и способен отличать добро от зла. Что же случилось потом? Как получилось, что он обо всем этом забыл и позволил уволочь себя в это болото? Как они узнали, где у него находится заветная кнопка, отключающая разум? Неужели эта кнопка есть у всех армян, и стоит только произнести нужное слово, как механизм заработает? Сегодня он уже не мог вспомнить того момента, когда дал слабину и впустил демонов. Все изменилось в один миг и понеслось, понеслось. Хитро, очень хитро все придумано у них, у демонов. Очень хитро.

Интересно, где сейчас Мустафа, убит или обменен на армян? Что случилось со всеми этими людьми из поезда? Что сотворила с ними война? А мать Эльданиза, жива ли? Знает ли, как умер сын? Она и не догадывается, кто провожал в последний путь ее мальчика...

Эльданиз... Да, Эльданиз. Его зовут Эльданиз. Они с Альбертом идут впереди, полизывая мороженое, о чем-то болтают. Кажется, у мальчиков уже появились общие тайны. Он и Марина чинно следуют за ними, держась под руки. Деревенскому человеку все это непривычно, он чувствует себя скованно. Зато Марина держится уверенно. На ней красивые туфли на каблуке, с узкими носами, волосы уложены в парикмахерской по последней моде, и Ашоту кажется, что весь бульвар смотрит только на нее. Надо было ей одеть юбку подлиннее, думает он, сгорая от ревности. Хотя, наверное, это просто с непривычки, ведь большой город – это совсем не его село. Тут столько красивых женщин, нарядных и веселых, которые не прячутся по домам, а гуляют в многотысячной толпе, ищущей прохлады на бульваре в этот душный июльский вечер. Вдали мигает огонек маяка, на горизонте видны очертания уходящих в плавание кораблей и острова, медленно погружающегося во мглу. На другом конце бухты уже зажигаются огни, из ресторана доносится музыка. И запах нефти. Настоящий, бакинский. Красота!

«Ну, посмотри, они ведь и правда очень похожи», – в очередной раз говорит Марина, имея в виду идущих впереди мальчишек. Ашот важно кивает. Он, как и жена, чувствует себя сейчас главой большого семейства. Эти мысли доставляют ему удовольствие.

Они стоят у барьера и смотрят на приближающийся к причалу прогулочный катер. Он весь в огнях. Внизу, под эстакадой плещется море.

«Дядя Ашот, можно на катере покататься?» – первым решается попросить Эльданиз. А Альбертик поддерживает, подпрыгивая от нетерпения: «Да, папа, ну, давай покатаемся, пожалуйста!» Ашот хочет отказать, потому что боится. Он не представляет, как они окажутся в окружении воды вдали от берега. А если что случится? Но две пары глаз смотрят так, что отказать невозможно.

Катер отдаляется от земли, и минут через пятнадцать залитая огнями подкова Бакинской бухты открывается перед ними во всем своем вечернем великолепии. Мальчики смотрят на отдаляющийся берег, открыв рты, а Ашот чувствует себя волшебником, подарившим им великое чудо. Хотя он все еще боится и крепко держится за спинку передней скамьи. Когда катер накреняется, совершая поворот и ложась на обратный курс, на минуту вместо пылающего иллюминацией города перед ними распахивается черная безбрежная морская гладь без единого огня, сливающаяся со звездным небом. И в этот момент ему становится по-настоящему страшно....

Катер сделал полный разворот, и перед глазами снова стало светло.

– Эй, предатель, что же ты такой слабенький, кушаешь, наверно, мало? – сказал кто-то над головой.

В лицо ударила струя холодной воды.

Ашот не хотел открывать глаза. Жаль, что нельзя было уйти насовсем за мальчиком в красном галстуке. Очень жаль. Для чего открывать глаза? Что хорошего он может увидеть?

Вова сидел за столом и сумрачно смотрел в стену. Он явно был в скверном настроении. Наверное, что-то там, в Степанакерте, не склеилось, очередную награду не дали или начальство отчитало, мстительно подумал Ашот. Ходили слухи, что Вова очень хочет стать министром обороны и рассчитывает на поддержку Аво, поэтому каждый вызов в Степанакерт или приезд кураторов из Еревана заставляют ушаченно биться его сердце. Ашот собрал весь возможный яд и проговорил:

– Почему без настроения, Вова-джан? Без медали остался?

Вова перевел взгляд на него.

– Вижу, тебе в моем доме понравилось. Я рад, Вова-джан, живи на здоровье.

Вова не спеша поднял автомат и наставил на него, но передумал и снова убрал.

– Не волнуйся, мы больше не будем злоупотреблять твоим гостеприимством, – сказал он мрачно. – Помолись пока, у тебя есть полчаса.

В комнату вбежал боец и, задыхаясь, доложил, что информация подтвердилась – разведчики тоже заметили на дороге неопознанный БТР. Возможно, азербайджанский. Вова вскочил и начал натягивать куртку.

– Извини, – сказал он Ашоту с усмешкой, – у тебя, оказывается, нет и получаса.

– Он обратился к своим людям: – Тащите его во двор и найдите крепкую веревку. Там я для него хорошее дерево присмотрел.

– Командир, – подал голос кто-то, кажется, это был Тевос, – не надо терять времени. Наши люди без тебя разбегутся, если что, и миротворцы не будут подставлять голову, возьмут свои танки и уйдут, пока мы тут с ним возимся.

Ашот мысленно поблагодарил бывшего приятеля за попытку еще раз спасти ему жизнь, но он понимал, что это бесполезно. Вова не оставит его в живых, и еще не известно, чем он заменит петлю. Наверняка чем-то более чудовищным.

Он не ошибся.

– Правильно, – согласился командир и бросил своим, покидая дом: – Подожгите тут все. Уходим.

Ашот последовал совету Вовы и принялся молиться, так, как себе это представлял. По правде говоря, он не знал никаких молитв. Тем временем люди Вовы скрутили его покрепче, облили комнату из канистры и чиркнули зажигалкой. Все было сделано быстро и четко. Но ушли не сразу – только убедившись, что пламя уже не погаснет, они, наконец, покинули дом.

Ашот лежал на полу и смиренно ждал смерти. Она была неминуема, он это знал. Даже когда соседи заметят пожар, они ничего не смогут сделать. Если захотят что-то сделать вообще. Все уже знают, что он украл у Вовы заложников, а связываться с этим человеком никто не станет. Не исключено, что тот даже оставил кого-то наблюдать за казнью. Так что ему конец. «Я, конечно, не праведник, Господи, но за что мне такая смерть, – думал Ашот. – Я никого не убил, не воровал, за что мне все это». Что станет с родителями, когда они узнают? Марина, сын и братья как-нибудь переживут, но родители... Скорее бы уж все закончилось. Вот уже занялся шкаф, задымился ковер на стене и сложенные в углу подушки и матрасы. Комнату заполнил едкий дым, стало нечем дышать, и перед глазами начало мутнеть.

Ашот ждал появления призрака в красном галстуке, но тот не пришел. А он втайне надеялся, что Эльданиз будет держать его за руку, когда он превратится в факел, и уведет от этого ужаса в свой мир. Они так давно были неразлучны, что сейчас ему страшно не доставало призрачного собеседника последних месяцев, хоть тот

и мучил его всякий раз своим появлением. Наверное, Эльданиз выполнил свою миссию – свел его с ума, заставил стать предателем, подвел к огню и бросил, отомстив через него за все, что сделал его народ. И теперь смотрит на его корчи и смеется.

Упал перед самым лицом горящий стул. Ашот отпрянул, насколько это было возможно, но пламя уже почти касалось его головы, еще чуть-чуть и загорятся волосы. Он сделал глубокий вдох, надеясь задохнуться дымом раньше, чем это произойдет. Он уже почти ничего не видел, когда сквозь треск пламени и звон в ушах услышал, как где-то разбилось стекло. Где-то далеко, в другой комнате, или даже в другом доме. Послышался громкий топот, грохот двери, через мгновение горящий стул отлетел в сторону, а по ногам заколотили, сбивая огонь с одежды. Потом чьи-то руки затрясли его.

– Дядя, ты жив? Очнись, скорее!

«Он все-таки пришел, – подумал Ашот умиротворенно, – значит, он меня простил». Но вдруг понял, что это не Эльданиз, а кто-то другой. Перед глазами висела серая пелена, он не увидел, а просто догадался:

– Мустафа?!

Мальчик тихо скулил, то и дело проводя под носом рукавом, пока распутывал узлы, что давалось ему нелегко. Руки мальчика дрожали.

Ашот не мог поверить в происходящее. Так не бывает, повторял он себе. Он бредит или сходит с ума. Потому что такого на самом деле быть не может. Не может! Но мальчик был настоящим, реальным и осязаемым. Освободив его, наконец, от веревок, Мустафа, всхлипывая, несколько раз сильно ударил его по лицу, чтобы не дать потерять сознание.

– Вставай, скорее вставай, дядя!

С помощью Мустафы он кое-как поднялся на четвереньки и пополз к открытому окну. Вполз на подоконник, перевалился через него и рухнул на землю. Было очень больно, но зато здесь был свежий воздух, который ворвался в его легкие и прояснил сознание. И его прорвало. Неожиданное избавление расслабило волю, и он разрыдался, уткнувшись лицом в сухую траву, громко, не опасаясь, что будет услышан. Пожар внутри дома уже разгорелся вовсю, пламя гудело, на улице хлопали двери, раздавались встревоженные крики, лаяли собаки, плакали дети. Кто бы в такой какофонии мог услышать его вой. Мустафа тоже всхлипывал, осторожно поглаживая его по вздрагивающей спине.

– Мне очень страшно, дядя, давай уйдем отсюда. Пожалуйста, давай уйдем.

– Да, сынок, давай уйдем отсюда.

Собрав всю свою волю, он поднялся на ноги. Мир вокруг него раскачивался и плыл, но он должен был быть сильным, чтобы не подвести этого ребенка.

Уже стемнело, и в мрачном проулке, спускающемся к реке, не было ни души.

Пока они крались, держась заборов, никто не попался им по пути. Ашот не оглядывался на пожарище. Он оставил позади все, что имел, и четыре каменные стены не имели теперь никакого значения.

За селом распаханная БТР-ами и раскисшая после утреннего дождя дорога сворачивала под откос к реке. Моросило, холод сковывал движения, сознание то уплывало, то прояснялось, он почти не видел дороги, но Мустафа тащил и тащил его куда-то с большим упорством. Как муравей свою добычу.

Река убаюкивающе шумела. Выше в горах, наверное, был ливень, поэтому эта мелкая обычно речушка наполнилась водой и постукивала камнями, перебрасывая их с уровня на уровень.

Лусинэ почувствовала, что еще немного, и звук воды усыпит ее. Если бы не вопли шакалов в лесу, она бы давно заснула. Она поднялась с нагретого за сорок минут ожидания камня и стала прохаживаться взад-вперед, держась за поясицу и поглядывая на Гюлю. Девочка была закутана в две шали и напоминала изваяние какого-то идола. Она бросала камешки в воду и что-то напевала себе под нос, покачивая головой в такт музыке.

– Эй, ты почему не плачешь? – строго спросила Лусинэ.

– Я не умею плакать. Совсем не умею.

– Значит, ты очень смелая?

– Нет, – девочка помотала головой, – а вот мой брат очень смелый. Он ничего не боится, ну, совсем ничего. Он спасет и твоего ребенка, и нашу маму, и вообще всех.

– Хм, спасет... У него что, армия есть?

– Конечно. Азербайджанская армия – самая сильная, она придет и победит. Там мой папа воюет. У него есть танк.

Лусинэ задохнулась от возмущения. Ну за что ей такие испытания! Целые сутки ей пришлось терпеть этих волчат в своем доме, в стенах, где витает дух ее Георгия. Если бы они хотя бы плакали и дрожали, ей было бы полегче. Но нет, они словно не были детьми вовсе, не понимали, что детям должно быть страшно, чтобы взрослые могли смягчиться и забыть, что обязаны их ненавидеть. Мальчишка без конца лазил на забор, чтобы посмотреть, что делается в доме Ашота. Хорошо, его не засекали, а то сейчас горел бы и ее дом. Затащить детей в подвал не удалось, как они, старики, ни бились, силы оказались не равны. А волчонок еще и нотации им читал при этом. «Вы знаете, кто это? – говорил он, имея в виду Вову, которого увидел со своего наблюдательного пункта. – Вы не знаете! Это очень, очень плохой человек, он злой и убивает детей. Это он стрелял в нас, когда мы бежали, а потом забрал нашу маму! Он убьет дядю! Дядя не на работе, он там! Я видел!»

Ну, что она могла на это сказать? И что она могла ответить сейчас этой девочке? Следовало бы оттащить соплячку за косы и поучить уму-разуму, а то она, похоже, не понимает, где находится. Но на это у нее не было сил. Она только остановилась перед девочкой, нависнув над ней, как гора, и с вызовом произнесла:

– Ты знаешь, что тот дядя, который вас спас, армянин, и что мы все армяне?

Девочка серьезно кивнула.

– Я уже большая. Я все понимаю.

Лусинэ развела руками. У нее больше не было аргументов. Что ж, наверное, все так и должно быть. Дети на войне перестают быть детьми. А эта девочка, наверное, повидала очень многое, если научилась плакать. После того, что с ней уже случилось в ее нежные годы, можно ли еще чем-то ее напугать? Война, она не может не оставить отпечатка. Лусинэ помнила, как постепенно стиралось выражение детской беззаботности с лица Рузанны, хотя она не видела смертей и не слышала стрельбы и взрывов. Даже о смерти отца ей не рассказали, придумали, что уехал на работу в другую страну. Тогда она была слишком мала, чтобы анализировать, сейчас она подросла и, наверно, многое начала понимать. Выросла ее Рузанночка, любимая внучка, ее солнце, ее радость, выросла вдали от бабушки, в чужой ей Армении, где соседи смотрят на них как на турок, и дочь не может найти работу, потому что из Карабаха...

– Ладно, помолчи лучше. И перестань петь, а то кто-нибудь услышит, – проворчала она, усаживаясь обратно на камень. – На, вот тебе, – она достала из приготовленной провизии карамельку, развернула и запихнула малышке в рот, – кушай и молчи.

Время шло, и она уже начала беспокоиться. Что, если безумный план волчонка не удался? Что, если дом сгорел вместе с Ашотом и с самим мальчишкой, а они тут сидят, мерзнут и ждут напрасно? Ей очень не хотелось так думать. Ей хотелось думать, что все закончится хорошо. Она очень надеялась, что у Мустафы получится. И

как только этому глазастому такое в голову пришло. Дом подожгли, говорит, а бандиты – это он про Вову – уехали. Пойду, говорит, дядю спасать. Знаю, говорит, как это сделать. Он, видите ли, долго наблюдал и нашел, как пролезть в дом с той стороны, где еще не горит. У них с сестрой, говорит, теперь никого нет, кроме этого хо-рошего дяди, и они его не бросят.

Они с Рачиком недолго спорили с волчонком, они тоже не хотели, чтобы Ашот погиб так страшно.

Послышался хруст камней – кто-то приближался быстрым шагом к их убежищу. Лусинэ встрепенулась и инстинктивно прижала девочку к себе. Две фигуры вынырнули из мрака неожиданно. Лусинэ поднялась. Очень хотелось броситься навстречу и прижать спасенного к кровоточающему материнскому сердцу. Но она удержала себя и только строго оглядела Ашота с головы до ног и сухо спросила:

– Может, спрячетесь пока у нас в подвале, а когда поправишься, уйдете?

– Нет, чем дальше уходит фронт, тем труднее будет бежать. Пока тут хаос, можно выбраться. Смешаемся с беженцами. Попробуем.

– Ну, не знаю, не знаю...

– Спасибо вам с дядей Рачиком за все.

– Это не нам, это им спасибо скажи. Это они все придумали. Ты теперь крепко с ними связан, сынок. Не отвяжешься. Ух, волчата... – Она покосилась на детей, не слышавших, да и не понимавших, о чем они говорят. – Нашел ты проблему на свою голову, Ашот. Зря, не нужно было, поломал ты свою жизнь. Не стоило. Мы теперь с ними всегда врагами будем, поверь мне. Это навсегда. Как будешь жить, что будешь делать, не представляю.

– Я их к Марине увезу. Попробую.

– Может, лучше подвести их поближе к линии фронта и пусть пробираются к своим? Мальчишка шустрый, не пропадут.

Ашот мотнул головой.

– Все пути на восток под контролем. Они опять попадут к нашим. Или звери растерзают. Сама ведь знаешь.

Лусинэ развела руками:

– Ну, что мне еще тебе сказать. Ты, я вижу, уже все решил. – Она вздохнула и задумалась, глядя в неопределенную точку. – Послушай, – снова заговорила она, – если доберешься до Армении, найдешь там моих. Я там денег тебе немного положила и золотую цепочку, если что – продашь. Рачик завтра в Степанакерт на переговоры с детьми поедет, скажет, чтобы Анаит позвонила твоему отцу. Я уверена, что Левон приедет и что-нибудь придумает. Вам главное до Капана добраться, это недалеко от границы. Правда, как ты это сделаешь в таком состоянии и без документов...

Она покопалась в карманах жакета, достала листок бумаги, протянула Ашоту, но передумала и подозвала Мустафу.

– Видишь это? – сказала она, держа листок у его лица. – Здесь написан адрес, куда вам надо идти в Армении, и телефон.

– Я не хочу в Армению! – вспыхнул мальчик.

– Послушай, другой дороги для него, – она указал на Ашота, – нет. Он не может остаться здесь и не может уйти к вашим. Ты же хочешь его спасти? Хочешь? Вот видишь, значит, должен послушать, что я скажу. Здесь написан адрес моих детей и телефон их соседей, они вас спрячут, пока не приедет папа дяди Ашота и не заберет вас в Россию.

– В Россию?!

– Тихо. Слушай. Потом вы сможете из России поехать в свой Азербайджан. А теперь возьми эту бумажку и спрячь ее очень хорошо. Но помни: если вас поймают, ты должен ее уничтожить. Понял? Если адрес увидят плохие люди, всех убьют. А там только женщины и дети, их некому защитить. Ты понимаешь меня, Мустафа?

Мальчик помедлил, потом взял листок и засунул в карман.

– Не волнуйся, я их защищу, – сказал он очень серьезно.

– Ты смелый мальчик... – сказала она вслух и добавила мысленно: «И прости нас за все, если сможешь, и не проклинай нас. Мы и так уже прокляты»...

Странное это ощущение, когда встречаешь рассвет, который уже не рассчитывал никогда увидеть. Ашот никак не думал, что в его жизни будет это утро, и потому чувствовал сейчас бесконечное счастье. Кто не пережил этого, не поймет, как прекрасно все-таки жить. Он с глупой улыбкой смотрел на разгорающийся восток, где между двумя вершинами, стыдливо прикрытыми от него вуалью из переплетенных ветвей деревьев, плескалось пламя восходящего солнца. За ночь тучи разбежались, и небо было чистым.

Дети крепко спали, прильнув к нему с двух сторон. Мальчик вздрагивал и бормотал что-то во сне. У Ашота затекли руки, но он боялся шевельнуться, чтобы не разбудить малышей. Сам он так и не смог заснуть от боли, ломающей все тело, и от возбуждения. Его мозг был возбужден до предела и отказывался отключаться. Ощущение жизни перевешивало и боль, и усталость, и страх, и хотелось насладиться им, пока что-нибудь не изменилось.

«Неужели все это действительно со мной произошло?» – думал Ашот. Все, что было до этого рассвета, казалось ему страшным сном. Заложники, Вова, призрак в красном галстуке, пожар, чудесное спасение... Случившееся больше походило на ночной кошмар, чем на явь. За двое суток он пережил столько, что хватило бы на две жизни. А сколько еще впереди. Дойти бы до конца. Закрывая глаза, он представлял, как сходит с поезда, и Альберт, повзрослевший и красивый, бросается к нему. А Марина стоит поодаль и делает вид, что не рада ему, хотя на самом деле она счастлива – он чувствует это по ее взгляду. Потом они идут домой, и его приемные сын и дочь держат его за руки. И отец, встречая их, говорит, что наконец-то он стал мужчиной... А правда, что сказал бы отец, узнав о его поступке? Наверное, гордился бы. А может, и наоборот...

Как все просто и красиво в мечтах. Жаль, что в жизни приходится проходить через боль и кровь, потому что жизнь ужасна, безобразна, и улыбка ее всегда больше похожа на оскал смерти. И она еще покажет им этот оскал, потому что их судьба теперь еще более неопределенна, чем несколько часов назад. Тогда он знал, что умрет, а теперь появилась призрачная надежда выжить. Очень призрачная. Он не знал, что они будут делать дальше, куда пойдут. Идти в Армению с азербайджанскими детьми и без документов было безумием. Спрятаться в горах и ждать нового чуда – еще большее безумие. Наверное, было бы правильнее перейти линию фронта на ту сторону и сдать. В конце концов, дети замолвили бы за него слово и спасли бы ему жизнь. Неужели там убили бы человека, спасшего их детей? Может, и не убили бы, но сдать туркам... А вдруг азербайджанцы не отпустят его, а передадут обратно, или обменяют на своих пленных? Попасть обратно в руки к Вове или кому-то из ему подобных он больше не хотел. Ни за что. Лучше сразу умереть.

Чем выше поднималось солнце, тем туманнее становился его разум. Он не заметил, как отключился и провалился в темноту.

Темнота была какой-то странной. В ней вроде бы было пусто, но в то же время она была полна людей. Или это были призраки? Он их не видел, но ощущал их присутствие, касаясь их рук и плеч, наступая кому-то на ноги, когда метался во мраке в поисках выхода. Выхода не было, но когда он совсем отчаялся, вдруг навстречу из мрака выскочил Тевос, тоже страшно напуганный и растерянный. «Ашот?! – воскликнул он. – И ты здесь? Где мы, брат? Как мы сюда попали?» «Не знаю, Тевос, – сказал он, – я просто сплю». «Счастливый, – сказал Тевос завистливо, – а я умер. На

мину наступил. Теперь вот руки никак найти не могу. Ты их не видел?» «Нет», – сказал Ашот и попытался избавиться от старого приятеля, но тот не отставал от него и все ныл про свои руки и левый глаз, который пробило осколком. И что особенно жаль, говорил он, что на руке остался его, Ашота, перстень, а он так хотел его вернуть и извиниться, а теперь вот уже и не получится, если руки не найдутся. Он только не помнил, на какой руке было кольцо – на правой или на левой...

Ашоту от всех этих подробностей стало дурно, он бы сошел с ума, если бы вдруг не появился Эльданиз, не взял его за руку и не повел совсем в другом направлении.

«Тебе туда пока не надо, дядя Ашот», – сказал он.

«А что там?»

«Потом узнаешь. Идем со мной».

«А Тевос...»

Эльданиз вывел его из душной темноты в пустую просторную комнату с большими окнами. Но рассмотреть, что за окнами, не удалось. Мальчик в красном галстуке сел прямо на пол и предложил ему присесть рядом.

«А я был у Алика», – сообщил он, широко улыбаясь.

Ашот не знал, кто такой Алик. Он пожал плечами, но вдруг вспомнил, что Аликом Эльданиз называл Альберта. Они так и звались – Алик и Элик... Так он был у Альбертика?!

Он упал на пол рядом с мальчиком и весь превратился в слух.

«У него все хорошо, – улыбнулся Эльданиз, – у них все хорошо, они здоровы. Алик учится на четверки. Он тебя ждет. Тетя Марина тоже ждет. Она очень на тебя сердится, но ждет. Я знаю, я видел».

«Спасибо, малыш», – Ашот всхлипнул, но во сне слезы почему-то не потекли из глаз, а повисали на ресницах, как капли застывающего желе. Он испугался и принылся тереть глаза.

Мальчик в красном галстуке задорно рассмеялся, глядя на его потуги. Ашот тоже улыбнулся.

«Ты простил меня, малыш? Скажи, что простил меня».

Мальчик что-то ответил, но Ашот не расслышал.

«Что? – переспросил он, волнуясь. – Повтори, я не слышу!»

Эльданиз опять что-то сказал, и он снова не услышал, а потом понял, что это оттого, что они с ним стали отдаляться и между ними теперь огромная пропасть, через которую слов не разобрать...

– Ну, как можно столько спать! – вскрикнула Гюля, лицо которой первым выплыло из темноты, когда он открыл глаза. – Мы думали, что ты умер, Мы так испугались!

– Не бойтесь, все хорошо, – сказал Ашот, еле ворочая языком. Он еще не совсем проснулся. – Сейчас немного в себя приду и пойдем дальше. Где Мустафа?

– К реке спустился за водой. Воды у нас много, а еды мало, еще на три дня не хватит. Но мы старались очень-очень мало кушать, чтобы...

Ашот приподнялся на локтях и внимательно посмотрел на ребенка.

– Что значит «еще на три дня»?

– Ну, ты же три дня спал, дядя, – невозмутимо ответила Гюля, – мы тебя будили-будили, а ты не просыпался. Это, наверно, потому, что тебе было очень страшно. Когда очень страшно, так может быть.

Ашот снова упал на землю и закрыл лицо руками. Три дня! Значит, ему не зря казалось, что он уже не на этом свете, он не спал, он действительно ушел. И разговор с Эльданизом ему не снился, этот разговор на самом деле был!.. Боже, Боже... Как же такое могло случиться?!

Гюля тем временем как ни в чем не бывало продолжала:

– Бабушка говорила, что когда я была совсем маленькая, я один раз сильно испугалась змеей и потом два дня не просыпалась. Они врача позвали, и он сделал мне укол. – Девочка нежно погладила его по заросшей щетиной щеке и заявила: – Надо идти. Вставай!

По расчетам Ашота, они ушли достаточно далеко от их села и теперь могли немного расслабиться, не торопиться, не красться от дерева к дереву, не залегать в сырых оврагах при малейшем звуке. Здесь о них никто не знал, здесь они были просто одними из многих.

Ашот решил, что пора идти к людям. Надо выйти на дорогу и дожидаться какого-нибудь транспорта. Может, проедет кто-то из местных, подберет их и довезет хоть куда-нибудь.

Спрятав детей в кустарнике и приказав не шевелиться, пока он не даст команду, он сам вышел на дорогу и стал ждать. Дорога была пуста. Прошел час, потом еще, но никто не появлялся. Все это время Ашот старался двигаться, чтобы не заснуть. Не только потому, что дал девочке слово. Он на самом деле очень боялся заснуть и не проснуться. Он не имел на это права, потому что был в ответе за двоих маленьких людей. Это большое счастье, что пока он был в другом мире, с ними тут ничего не произошло.

В конце концов он обессилел и присел на землю, прислонившись к дереву. Ноги больше его не держали. «В ближайшем же населенном пункте надо будет найти врача, а то плохо кончу», – подумал Ашот. Он и так никогда не отличался крепким здоровьем, а после всего, что пришлось пережить, организм барахлил не на шутку.

Только бы не заснуть, только бы не заснуть...

Громкий скрип тормозов вывел из оцепенения.

На дороге стоял грузовик с крытым брезентом кузовом. Грузовик был гражданским, и Ашот с облегчением вздохнул. Но все же не решился сразу подойти, а только поднялся на ноги и смотрел на темную кабину машины. А оттуда смотрели на него. Почти минуту ничего не происходило. Потом правая дверца медленно, словно нехотя, открылась, и на землю так же медленно сошел человек. Сначала Ашот увидел его ноги в военных ботинках, а потом уже из-за двери показались туловище и голова.

Это был Вова Авакян.

От ужаса Ашота парализовало. Он почувствовал, как каменеет. Каменными стали все мышцы лица, он даже моргал с трудом. Но Вова был потрясен этой встречей не меньше него. Командир медленно и даже осторожно сделал два шага в его сторону и остановился с открытым ртом. Наконец, он обрел дар речи и прохрипел:

– Ты?!

Снова последовала длинная пауза.

– Мустафа! Убегайте! – заорал, очнувшись, Ашот во все горло.

Позади послышался треск ломаемого кустарника. Из кабины выпрыгнул здоровенный водитель, кинулся туда и скоро вернулся, волоча за шиворот детей, как ценят за шкуру. Ноги девочки едва доставали до земли.

Вова все еще был напуган, даже возвращение дорогостоящих заложников не обрадовало. Он не отрывал взгляда от предателя, словно не веря, что это не призрак.

– Ты должен был изжариться и сдохнуть. Откуда ты взялся?

– Я воскрес, – выдавил Ашот.

– Что же мне с тобой сделать, чтобы ты больше не воскресал?

– Командир, Каро через сорок минут будет на месте с товаром. Опоздываем, – подал голос водитель.

Вова кивнул и скинул с плеча автомат.

– Этих щенков посади около меня, а его пристрели.

Водитель быстро затолкал детей в кабину, принял у Вовы автомат и толкнул Ашота прикладом в сторону обочины. Чтобы его труп не мешал потом проезду. Ашот оглянулся на машину. Дети смотрели на него, прильнув к стеклу. Мустафа плакал, а его сестра напоминала пластмассовую куклу с неподвижным лицом и широко открытыми стеклянными глазами. А еще он увидел его, мальчика в красном галстуке. Призрак сидел на месте водителя, невидимый никому, кроме него, и изображал, что ведет машину, как это обычно делают дети, если им дают возможность подержаться за руль.

– Шевелись, – гаркнул водитель и еще раз толкнул его в спину.

Ашот смотрел на Эльданиза, забыв обо всем остальном. Когда он поравнялся с кабиной, призрак оставил свою игру и повернул голову к нему. Они встретились взглядами. Мальчик улыбнулся и ободряюще подмигнул ему, а потом изо всех сил ударил призрачной рукой по сигналу. И Ашот понял, что надо делать. Как же он сам до этого не додумался? Ведь все так просто!

Он неожиданно развернулся и оттолкнул своего палача. Тот не успел среагировать и, споткнувшись о корягу, рухнул на спину. Автоматная очередь угодила в небо.

Ашот влетел в кабину и рванул машину с места.

– Держитесь! – крикнул он детям.

Вслед понеслись проклятия, потом он услышал, как затрещали выстрелы. Грузовик дернулся и пошел зигзагами. Пробыли колесо, понял Ашот и чуть не взвыл от отчаяния.

– Они нас догонят? – пропищала Гюля.

«Ну, уж нет», – подумал Ашот и сцепил зубы. Им не придется его догонять, потому что он больше не хочет быть дичью. Хватит. Теперь дичью будет кто-нибудь другой.

Он сделал резкий разворот. Покалеченный автомобиль чуть не перевернулся, но ему удалось вырулить на середину дороги и более-менее ровно повести машину прямо на противника.

Вова первым сообразил, что сейчас будет, и с проклятиями успел отскочить, а продолжающий стрелять водитель растерялся и заметался, посылая очереди уже куда попало. Когда он понял, что единственное, что он может сделать, – это убраться с дороги, было поздно. Человек отлетел в сторону, раскинув руки и широко открыв рот, и врезался спиной в дерево. Возможно, он сломал позвоночник от удара, потому что как-то странно обмяк, будто у марионетки разом перерезали все веревочки, и рухнул на землю.

Ашот выключил двигатель, выпрыгнул из кабины и почти бегом двинулся на оцепеневшего Вову. Ему некогда было сейчас думать о том, что убил человека, об этом он подумает как-нибудь потом, когда убьет еще одного.

– Предатель! – вскрикнул Вова. – Ты убил своего!

– Да, и сейчас еще одного убью, – прорычит Ашот, надвигаясь на командира.
– Что, Вова-джан, страшно один на один, да?

Вова отступал восьмерками, лихорадочно шаря по карманам, наконец, нашел, что искал. Пистолет дрожал в его руке. Осечка, еще одна. Вова отбросил пистолет, замер, а потом кинулся к машине, резким движением распахнул дверцу и выхватил из кабины Гюлю.

– Не подходи, а то шею ей сверну! – прохрипел Вова и стал отступать, держа под мышкой бьющегося ребенка.

– Отпусти ее, будь мужчиной!

Вова рассмеялся ему в лицо. Неожиданно из-за грузовика вылетел Мустафа, с разбегу бросился мужчине на спину, обхватил обеими руками его шею и вгрызся зу-

бами в ухо. Вова взвыл, потерял равновесие и выпустил девочку. Гюля кинулась к Ашоту и спряталась за ним. Командир кое-как сбросил с себя Мустафу, попытался схватить его вместо сестры, но тот увернулся и заполз под грузовик. Вова отступил в сторону обрыва, почему-то мотая головой, будто отгонял видение. Сделав несколько шагов к краю, он резко развернулся и бросился вниз по склону. Ашот кинулся за ним. Обрыв, ведущий к бурной реке, был крут, кроме того, настил из прелой листвы был скользким, а корни деревьев то и дело подставляли им подножки, и, в конце концов, оба упали и покатались вниз.

Вова, охая, поднялся первым.

– Убью! – завопил он и зашарил вокруг в поисках потерянного пистолета. Оружия не нашел, зато подобрал замшелый сук и торжествующе поднял его над головой. – Убью! Сдохнешь, как собака, сын шлюхи!

Для Ашота это падение завершилось не так удачно. Приземление на камни, которыми было устлано русло реки, было не для его слабого тела. Что-то случилось с ногой, в глазах двоилось. Но на то, чтобы приходить в себя, не было времени, потому что храбрый командир уже оправился и шел на него, потрясая дубиной. Ашот поднялся и, шатаясь, пошел навстречу.

Вова налетел на него с размаху и сразу нанес удар в плечо. Хотел попасть по голове, но Ашот успел подставить руку и спасти свой череп.

– Аааа! – завопил Вова и снова замахнулся.

Ашот поднырнул под дубину и вцепился в руку командира снизу, не дав завершить удар. Некоторое время они вертелись на месте, борясь за замшелый сук, рыча и хрипя. Но силы были не равны. Это противостояние выиграл Вова, ударом колена в пах заставил его переломиться от боли. Потом на спину обрушился страшный удар, от которого оружие командира разлетелось в щепки. Но оружие уже не требовалось. Вова пинком повалил его на землю и принялся топтать тяжелыми военными ботинками, матерясь и сплевывая. Потом, считая, что сражение выиграно, подмял его под себя, уселся на него верхом и стал не спеша выбирать камень поувесистее.

– Турецкий потрох, ты хотел справиться со мной? – Вова тяжело дышал. – В твоей башке совсем нет мозгов, если так. Не жалко будет ее расколоть. Как орех. Любишь орехи? Очень полезная вещь для мозгов. Ты их, наверное, мало кушал, поэтому с турками связался. – Он подкинул в руках очередной камень и отбросил в сторону. – Детишкам вздумал помочь? Ты думаешь, ты им помог? Как раз наоборот. Теперь они не поедут к родному дяде, теперь я их продам чужим дядям. Знаешь, сколько есть любителей маленьких мальчиков и девочек?

Ашот задыхался от тяжести винуной туши, сдавливающей ему грудную клетку. Он очень хотел думать, что дети сбежали и спрятались. Но они были здесь. Лежа на земле, он видел их застывшие фигурки на краю обрыва. «Бегите, бегите отсюда!» – мысленно умолял он их. Он не хотел произносить этого вслух, чтобы не привлекать к ним внимание командира. Пока Вова занят им, они могут сбежать. Почему же они не бегут, глупенькие? На что они надеются? Не на что и не на кого больше надеяться. Все кончено.

«Как это не на кого? А ты?!» – вспыхнуло в затухающем мозгу. Ашот не знал, его это мысль, или он снова услышал Эльданиза. Мысль пробила наплывающую муть. «Почему же я ничего не делаю?» – ужаснулся он. Может быть, он и не сможет ничего сделать, но ведь надо попытаться... Перед глазами, на мгновение заслонив бородастую морду Вовы, встало лицо сына. «Я приеду, сынок, обязательно приеду!»... Собрав все оставшиеся силы, он одним резким движением выдернул обе руки из-под ляжек командира и нанес тому кулаками удар снизу в челюсть. В этот удар он вложил все свою ненависть, отчаяние, страх и боль. Эти чувства вполне могут заменить физическую силу, надо только, чтобы было очень больно и очень страшно и чтобы не было никаких надежд.

Вова от неожиданности на мгновение потерял ориентацию. Воспользовавшись этим, Ашот схватил первый попавшийся под руку камень и впечатал его командирю в висок.

Вова удивленно взглянул на него, сжал голову руками и стал со стоном заваливаться на бок. Ашот бросил его с себя и попытался захватить локтем его шею. Но Вова Авакян даже оглушенным был сильнее его. Они покатались по камням, терзая друг друга. В конце концов оба оказались в ледяной воде, и бурный поток проволока их немного вниз по течению. Вова был проворнее, высвободившись, он поднялся и хотел уже нанести противнику последний удар, как поскользнулся и рухнул в воду. Ашот кинулся на него и изо всех сил вдавил всем телом его огромную голову в скользкое каменистое дно. Командир забился, заколотил ногами и руками по воде, пытаясь вырваться. Ему это не удалось, на этот раз везение было не на его стороне. Ашот чувствовал, как сопротивление противника постепенно слабеет, и на какое-то мгновение ему вдруг стало его жаль. Но только лишь на одно мгновение. Вова Авакян не был тем человеком, который заслуживает пощады. Если он пощадит его, они все умрут. А Ашоту вовсе не хотелось умирать. Он должен был ехать к своей семье. Его там ждали. Он был уверен, что его там ждут.

Он оглянулся на вершину откоса. Дети все еще стояли на краю, неподвижные, как статуи.

– Не смотрите на это! – крикнул он, задыхаясь. – Нельзя на это смотреть! Мустафа, уведи сестру! Умоляю! Не смотрите! Не надо!

Дети не пошевелились.

Ашот вылез из воды, не оглядываясь на распластанное тело Вовы. Река жутко шевелила волосы и одежду мертвеца.

Он стал подниматься по склону, хватаясь за корни деревьев и кусты. Поднимался долго, останавливаясь, делая передышки.

Дети встретили его в молчании. Ашот, не говоря ни слова, побрел к грузовику, еле переставляя ноги. Осмотрел пробитое колесо, заглянул в кузов, нет ли запаски. Запаски не было. Ничего, если двигаться на очень малой скорости, можно проехать какое-то расстояние и за это время отдохнуть. Хотя нет, лучше идти лесом и постараться уйти как можно дальше, пока Вову не хватились и не начали поиски. Вот только где взять на это сил.

Он присел на подножку кабины и взглянул на свои израненные руки, синие от ушибов. «Вот и ты стал убийцей, – усмехнулся он про себя с горечью. – Поздравляю. Хотел одной идеей отделаться? Хотел отсидеться дома? Глупец. Такие идеи без крови не бывают, Ашот-джан». Не было никакой радости от победы, он чувствовал только боль, безграничную тоску и отчаяние. Куда идти? Что делать? Что ждет за следующим поворотом? Никуда они не дойдут, ничего не получится. Ничего...

– Пошли? – сказала девочка, беря его за руку.

Мустафа прицепился к нему с другой стороны, и они заковыляли в сторону от дороги, туда, где уже густели тени приближающихся сумерек.

Он только один раз оглянулся. И увидел на почти скрытой за деревьями дороге фигурку мальчика в красном галстуке. Эльданиз помахал ему рукой, повернулся и стал уходить. Ашот сделал движение, намереваясь броситься за призраком, но остановился.

Мустафа испуганно посмотрел на него, потом на пустую дорогу.

– Кто там?

– Никого. Больше никого.

И они пошли дальше в ночь.

ЭПИЛОГ

Зима в этом году выдалась очень холодной. Дороги обледенели, и в селе почти не было гостей и продовольствия. Раз в две недели приезжал грузовик с гуманитарной помощью и, возвращаясь, обязательно увозил с собой кого-нибудь, а порой и целые семьи. Увозил навсегда. Кое-как перезимовали, а когда пригрело солнышко, жизнь снова вошла в свое русло. Если это можно было назвать жизнью.

Лусинэ сидела на скамейке у ворот и наблюдала за происходящим на улице. Почти всю зиму они с Рачиком болели, и сейчас она блаженствовала, потому что впервые за столько месяцев не чувствовала боли, выкручивающей суставы. Она блаженствовала, наблюдая за тем, что происходит на улице. Неподалеку от ее дома разгружали грузовик с гуманитарной помощью. Усталые люди выгружали коробки и мешки. Кузов опустел, и водитель помахал ожидающей в стороне группе людей, которые стояли с узлами и сумками.

– Кто едет, садитесь. побыстрее!

Среди уезжающих Лусинэ увидела семью милиционера.

– Карина, куда это вы? Тоже убегаете? – закричала она на всю улицу, стараясь, чтобы ее было хорошо слышно всем. Жена милиционера недовольно фыркнула. Пузатый муж, стоящий в кузове, принял у нее узлы, помог подняться детям. Карина залезла последней. Лусинэ злорадно похихикала им вслед и обратила свой взор в другую сторону. Там у дома Ашота что-то происходило. Костлявый иностранец, увешанный аппаратурой, снимал на камеру дом Ашота, изгибался, как циркач, выбирая ракурсы. «И как им не надоело? – думала Лусинэ. – Сколько можно?» Она поискала глазами и увидела среди немногочисленных зевак главу общины Карапета.

– Карапет! – приказным тоном позвала она. – Подойди.

Сельский глава подошел, продолжая следить за корреспондентом.

– Что этот клоун там делает? – спросила Лусинэ.

– Репортаж снимает про Вову. На годовщину гибели, – объяснил Карапет. –

Герой как-никак.

Лусинэ поморщилась:

– Герой? На реке придушили, с дружками, наверно, что-то не поде...

– Тихо, тихо! – взмолился сельский глава. – Ты что, с ума сошла? Он же услышит!

– Он что, по-армянски знает?

– А вдруг? Француз все-таки..

– Ну, ладно, не дрожи. А дом Ашота зачем снимает?

– Да ему по сценарию разрушенный турками дом понадобился. Откуда я ему такой возьму? А этот как раз подходит. Хорошо, что Овик еще ремонт не начал.

– Овик? Что за Овик?

– Да один бакинский армянин, беженец. Очень богатый. Говорят, он перед отъездом из Баку три квартиры продал в самом центре.

Лусинэ почувствовала, как сильно кольнуло в сердце. У дома уже новый хозяин, чужак. Война за прошедший год ушла далеко от них, и теперь все, кому ни лень, расхватывают участки. Только местным ничего не достается. Вот теперь какой-то Овик будет ее соседом, а она его и в глаза-то не видела. Извернувшись для очередного кадра, француз вдруг уставился на нее, замерев в неудобной позе. Лусинэ стало не по себе.

– Эй, Карапет, что он на меня смотрит?

– Кто ж его знает?

Француз подозвал переводчика, переговорил с ним, и вместе они подошли к женщине. Переводчик сладко улыбнулся:

– Он хочет снять вас для международного конкурса. Он говорит, что вы очень колоритная женщина и хорошо будете смотреться с автоматом.

– Что?! – Лусинэ поднялась и грозно надвинулась на иностранца. Тот невольно сделал шаг назад. – За кого этот бездельник меня принимает? Скажи ему, чтобы катился отсюда, пока я мужа не позвала!

Карапет поспешил вмешаться.

– Подожди, подожди, Лусинэ, он просто хочет сделать фото, чтобы потом его в Америке показывать. Он хочет, чтобы ты взяла в руки автомат, и он тебя сфотографирует. И все. – Он обернулся к переводчику. – И все?

– Все, – подтвердил тот.

– Вот видишь. – Глава общины взял женщину под руку, аккуратно подвел к скамье и усадил. – Ты у нас тоже мать героя, разве не так? – Он снова обратился к переводчику. – Скажи уважаемому корреспонденту, что сын этой женщины погиб, спасая жизнь Вове Авакяну. Мы все считаем его героем.

Выслушав перевод, француз застонал «Ooo!», потом отобрал автомат у сопровождавшего его военного и протянул женщине.

– Мадам!

– Убери его от меня, – вскричала Лусинэ. – Не хочу автомат. Хочет снимать, пусть так снимает!

– Мадам, – горячо заговорил француз на ломаном русском языке, – ви не понимаете... ви потэрять сын, ви хотеть мест... смелый армянски женщин, ви хотел стрелять... мест за сын. Понимаете?

– Ну, что ты упрямисься? – сказал Карапет с укоризной. – Тебе трудно подержать этот автомат две минуты? Позоришь нас перед иностранцем.

Лусинэ сдалась.

– Черт с вами.

Автомат оказался очень тяжелым, у нее онемели руки, пока француз выбирал ей разные позы, заставлял поворачивать голову то туда, то сюда. В конце концов, он решил, что лучше, если оружие будет лежать у нее на коленях, а она лишь многозначительно положит на него руки и сделает суровое лицо. Эдакий образ родины-матери, славной армянской женщины, готовой идти в бой и мстить за сына и других героических армянских освободителей, говорил француз. Он трещал без остановки, переводчик еле поспевал за ним. Наконец фото было сделано, и удовлетворенный мучитель от нее отстал. Лусинэ устала. Ее больше не радовало веселее тепло, невыносимая тоска сжала сердце. Она вернулась в дом и принялась за домашнюю работу, чтобы как-то отвлечься. Она давно так остро не ощущала своего одиночества. «Надо ехать к детям, – решила она. – Так больше жить нельзя. А Георгий на нас с отцом не обидится, он поймет».

В Капан Ашот так и не пришел. Левон прождал его там почти два месяца. Рачик тоже присоединился к нему, они ездили на границу, искали, расспрашивали, но ничего выяснить не удалось. А месяц назад был странный звонок из Армении. Связь оборвалась, но Левон утверждал, что слышал на том конце голос Ашота. Анаит говорит, он плакал от счастья, рассказывая им об этом по телефону. Лусинэ не спешила радоваться. Она знала, как это бывает, она сама часто слышала голос Георгия, потому что постоянно думала о нем. Но ей все равно очень хотелось верить, что Левон действительно слышал по телефону голос сына, что Ашот выжил и просто прячется где-то с маленькими волчатами до лучших времен. Не для того же судьба посылала им столько испытаний, чтобы взять и отвернуться от них в последний момент.

Вот настанет мир, и он вернется или хотя бы даст о себе знать. Ей не терпелось услышать его рассказ обо всем, что с ними приключилось. Это должен быть интересный рассказ, очень интересный. Такой, какого специально не придумаешь...

До мира Лусинэ Григорян не дожила.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Двойной стандарт

Каждому хочется иметь репутацию справедливого человека. Во всяком случае, «хорошим» людям. В самом деле, по мере возможности пытаешься сохранять баланс и не стать несправедливым. Что нелегко. В некоторых случаях, совершенно невозможно. Представьте, что ваш сын 7 лет, красивый, умный, очаровательный, ударил своего школьного друга без видимой причины. Естественно, что прежде всего вы спросите у сына о том, что произошло. Он изложит свою версию произошедшего. Данная версия, возможно, будет приукрашена немного, либо значительно, без разницы, но по этой версии, ваш сын не виноват, это тот, другой, спровоцировал его. У вас сомнения, вы хотели бы выслушать противную сторону. И обнаруживаете, что ваш сын не ангел. Однако...

Здесь кроется природа двойного стандарта. Вы видите, понимаете, даже знаете, но делаете все возможное, чтобы избавить вашего сына от заслуженного наказания. Человеческая натура. А теперь посмотрим, отличается ли политика некоторых стран на международном уровне. Ситуация, беспокоящая нас, и которая длится, длится, длится многие годы.

Армения оккупировала азербайджанскую территорию в течение 30 лет. В итоге, Армения потерпела поражения от Азербайджана на поле боя. Азербайджанцы освободили свои земли. Почему нужно было проливать кровь, сражаться, если была возможность обратиться к международным структурам, призванным разрешать конфликты мирным путем? Хороший вопрос! Потому что международные посредники, не могли (или не хотели) убедить Армению освободить азербайджанские земли. 30 лет болтовни, пардон, переговоров в рамках ОБСЕ. Франция, США и Россия, у которых такие разные интересы, в некоторых случаях откровенно противоположные, были едины по поводу конфликта между Арменией и Азербайджаном. «Да, мы признаем, азербайджанские земли оккупированы Арменией. Армяне должны освободить азербайджанские земли. Но в данный момент сложился *statut quo*. Юридически, *De jure* – это азербайджанские земли, фактически, *de facto*, вы видите, что армяне живут на этих землях, они пригласили жить на эти земли армян из Сирии, из Ливана... Они выгнали всех азербайджанцев. Тем хуже. Подождем немного, может быть, ситуация изменится».

Вспомню о событиях, произошедших 26 февраля 1992 года. Резня в Ходжалы. Наши власти и общество называют эту резню – геноцидом. Возможно, они правы. Армяне, захватившие этот азербайджанский город, убили там 613 мирных жителей, среди них женщин, стариков, инвалидов и детей. Резня осталась незамеченной. Скажу больше, обвинили азербайджанцев в том, что они совершили геноцид против армян. Наглядный пример двойного стандарта. Мировое сообщество не отреагировало на массовые убийства в Ходжалы. Социальные сети еще не имели того влияния, которое они имеют сегодня. Азербайджанский герой, журналист, Чингиз Мустафаев прибыл на место резни и снял на камеру изувеченные тела, разбросанные по земле. Данные материалы являются практически единственным доказательством преступлений, совершенных армянами. Уже гораздо позже, появились свидетельства выживших, тех, кому удалось бежать из этого ада. Удивительно, что западный мир все также утверждает, что «варвары» азербайджанцы продолжают истреблять «цивилизованных» армян. Эта парадигма не изменилась, она активна.

Один из палачей азербайджанского мирного населения Монте Мелконян оставил свидетельства о преступлениях армянских боевиков. Его брат Маркар Мелконян, чтобы увековечить подвиги Монте Мелконяна, написал книгу, изданную в Лондоне на английском языке в 2005 году (*My brother's road: An American's fateful journey to Armenia, Londres, I.B. Tauris, 2005, 344 p.*). Маркар Мелконян рассказывает об ужасах, совершенных армянскими коммандос, в том числе и в городе Ходжалы. В книге можно прочесть подробное описание истребления мирных азербайджанцев. Книга была переведена на многие языки мира, в частности, на французский. Кроме того, книгу перевели на армянский и издали в Ереване. Текст армянской версии книги был откорректирован. Самые страшные преступления, такие, к примеру, как сожжение заживо людей: мужчин, женщин, детей исключены из армянской версии книги. Стоило ожидать такой корректировки, по той причине, что рассказанное в английской версии книги настолько ужасно, что вопрос о «цивилизованной» армянской нации видится под другим углом. Армянские редакторы опустили самые ужасные пассажи, чтобы сохранить для армянских читателей имидж национального героя, сражающегося за правое дело армянского народа. Эксперт Альберт Исаков обратил внимание читателей на армянский перевод книги, который искажает английский оригинал.

Призывы международных институций к армянам освободить оккупированные азербайджанские земли, оказались безрезультатными. Азербайджанцы осознавали, что ничего не изменится. Почему? Потому что мы не являемся неотъемлемой частью западной цивилизации. Восточная цивилизация, к которой относится Азербайджан, совершенно иная. Даже если мы являемся членами многих западных институций, мы другие. Хорошо. Понимаем, принимаем, ведем себя соответственно. Наконец, после 30 лет бесполезных переговоров азербайджанцы освободили свои земли военным путем, *manu militari*. Уточню, военная операция 2020 года длилась 44 дня и ночи без бомбардировок мирных городов, без резни мирных жителей. Последний оплот сепаратистского армянского меньшинства, город Ханкенди (Степанакерт, в армянском варианте, названный в честь большевика Степана Шаумяна) оставался под армянской оккупацией.

Азербайджанцы снова попытались обратиться к международным институциям, чтобы убедить сепаратистов найти разумное решение. Увы, увы. Еще одна эффективная военная операция в течение 24 часов в сентябре 2023 года. После победы азербайджанцев над армянами и вновь на поле битвы, азербайджанские власти предложили армянскому меньшинству, жившему на землях Карабаха с давних времен, принять азербайджанское гражданство, подчиниться национальному азербайджанскому законодательству и остаться на этих землях. Азербайджанское государство полиэтничное, в отличие от армянского. Предложение азербайджанских властей не было принято армянами. И какое же решение нашли армянские сепаратисты для армянского меньшинства в Карабахе? Простое. Они приказали армянскому населению покинуть территорию Карабаха, организовать исход. Цель исхода поменять роли. Варвары азербайджанцы против бедных цивилизованных армян. Фото людей, покидающих свои дома в спешке, долгое время циркулировали в социальных сетях, вызывая возмущение европейцев, хороших людей, призывая наказать «варваров» азербайджанцев. Предложение азербайджанской стороны к армянам, принять азербайджанское гражданство и остаться, не было услышано западным сообществом. Деятельность армян продолжается. Они требуют реставрировать квази-армянское государство на азербайджанских землях. Мы видим, что международные институции продолжают заниматься армянским вопросом, хотя в рамках международного права армяне виновны в оккупации суверенной азербайджанской территории.

История двойного стандарта не является новой, либо чрезвычайной, подобный нарратив существует с основания мира. Потому что всегда есть свои и чужие, всегда есть «цивилизованные» и «варвары».

Но если согласиться с тем, что человеческая цивилизация прогрессирует, и что имеются определенные международные правила, регламентирующие существование, деятельность и развитие современных государств, в подобном случае, надо признать, что события, происходившие до современного периода, не являются и не могут являться примером для действий современных государств. Вызывает сожаление то, что страны, которые считают себя самыми «цивилизованными», самыми «демократичными», «лучшими» среди всех государств мира, присвоили себе полномочия и ведут себя так, словно не было долгого пути человеческой цивилизации к праву, к миру, равенству. Ведут себя, как в прошлые века; преобладает право сильного. В данных обстоятельствах очень сложно взывать к голосу разума международного сообщества, потому что понимаешь, что некоторые голоса услышат, а к другим голосам будут глухи. Двойной стандарт применяется не только к азербайджанцам. Вовсе нет. Право сильно правит бал. То, что происходит сегодня на глазах у всего мира на Ближнем Востоке, резня палестинцев израильтянами, можно сказать, идет в прямом эфире с места событий. Социальные сети чрезвычайно активны. Люди возмущаются, но....Всегда есть но, заставляющее замолчать голоса государств, не являющихся сильными, богатыми или «своими».

Заключение: право, в том числе и международное право действительно только для сильных, богатых и «своих». Не имеет значения, будь то человек, государство, либо международное сообщество. Для меня подобный феномен называется двойным стандартом.

Эхо-камера

Людам свойственно собираться в группы. Любое сообщество, как правило, объединяет какая-нибудь идея. Небольшую группу людей объединяет интерес, хобби. Кто-то играет в футбол. Вокруг данного вида спорта объединяются люди. Далее происходит процесс деления на отдельные футбольные команды, появляются клубы фанатов. В итоге большая общность людей, объединенных любовью к определенным командам, создает свой мир, со своими законами, победами и поражениями. Есть любители музыки, танцев, книголюбы. Перечислять можно долго. Но самые большие пассионарии относятся к сторонникам национальных идей.

С появлением соцсетей группы людей, объединенных определенными интересами, стали еще более актуальными. В таких группах обсуждают то, что другим участникам соцсетей не интересно. Но когда возникает вопрос национальной идеи, то большинство тех, кто причисляет себя к той или иной нации (включающие, в свою очередь, многие другие группы), становятся активистами, блюстителями национальной идеи. Националисты превращаются в «экспертов» не только в современной политике, но и в «историков», совершенно точно определяющих ареал проживания того или иного этноса, ставшего впоследствии нацией, а затем народом. Кто-то скажет, пусть тешатся своими «научными изысканиями». Проблема заключается в том, что «изысканиями» дело не ограничивается. Возникают территориальные претензии. И пошло, поехало... Война, война, война. Мы наблюдали и наблюдаем такую ситуацию в случае с Карабахом. Армянские активисты не устают «просвещать» всех, кого встречают на своем пути. Как ни странно прозвучит мое предположение, но сегодня, в XXI веке (хотя уже в XX веке появилась эта тенденция), религия возвращает себе когда-то утраченные позиции. Мы вновь становимся свидетелями крестовых походов, в несколько видоизменном виде. Но суть от этого не меняется. Мир разделился на национальные государства, а далее по признаку религии. Мусульмане, христиане, иудеи, буддисты и примкнувшие к ним. Для территориальных претензий используют не только «исторические» изыскания, но и религиозные книги. Библию, в частности, используют израильтяне для обоснования территориальных претензий на землю Палестины.

Наблюдая за тем, каким образом развиваются события в мире, остается только сожалеть о том, как люди теряют многие свои положительные качества в случае, когда считают, что задеты их национальные либо религиозные чувства. Все светлое, лучезарное имеет отношение к их собственной нации и религии. Все темное, сатанинское, соответственно, представляет противную сторону. Господин Нетаньяху заявил в израильском парламенте, обсуждая израильско-палестинскую войну: «Это борьба между детьми света (израильтянами) и детьми тьмы (палестинцами)» (твит из его офиса с той же фразой был позже удален).

В социальных сетях довольно давно нашли выход, как им кажется, из сложившейся ситуации. Прием называется echo chamber, эхо-камера. В чем заключается этот прием? Социальная сеть отслеживает интересы, предпочтения, убеждения участников сети. Для более комфортного пребывания в сети пользователя, ну, и для того, чтобы удачно размещать рекламу, админы начинают предлагать вам те или иные материалы, исходя из ваших интересов и убеждений. Таким образом организуют междусобойчик, эхо-камеру.

Впрочем, админы не скрывают своих намерений. Предлагаемые материалы помечены suggested for you (предложены вам). То есть за вас решают (конечно, исходя из ваших прошлых публикаций), что вам стоит показать и о чем рассказать, а чего не стоит. Точно такой политики придерживаются пропагандисты, выполняющие заказ власть предержащих, с одной стороны, и тех, кто им оппонирует, с другой. Если учесть тот факт, что соцсети играют большую роль в жизни современных людей, то приходишь к выводу, что их изначальное, довольно беспристрастное управление все больше скатывается в вариант телевизионной пропаганды. Единственное отличие в том, что на телевидении и в прессе определенного государства превалирует лишь одна позиция. А в соцсетях есть несколько позиций, идущих параллельно, не пересекающихся друг с другом.

Я утрирую, безусловно. Но это – очевидная практика.

Участники в эхо-камере чувствуют себя комфортно. Понимают друг друга с полуслова. Все они на стороне света, все их противники – злодеи. Как можно поступать со злодеями, все знают: «Око за око, зуб за зуб». Библейская истина, что называется. Социальные сети для поддержания своей популярности не изобретают ничего нового, они копируют поведение людей, объединяющихся в сообщества, и все меньше оставляют места для критического мышления, для возможности выбора.

Христианская традиция, впрочем, как и мусульманская, всегда ратовала за поддержку своих адептов. Ушедший в мир иной в конце прошлого года Жак Делор, один из отцов-основателей Европейского союза, отмечал, что одним из основных принципов Европейского союза является – христианство. Club chrétien. Клуб христиан. Так называют Европейский союз европейцы. Турция, подавшая заявку на членство в Европейский союз еще в 1987 году, так и не стала ее членом. Версии выдвигались разные, но одной из наиболее очевидных является религиозная причина. Исламское государство будет диссонировать в клубе христианских государств. Конечно, открыто об этом не заявляют, но реалии говорят сами за себя.

Мы смогли убедиться в разном подходе к христианским и мусульманским странам. Армении, христианскую страну, активно поддерживают в Европейском союзе и всех его институциях. Ни о каких санкциях в отношении Армении, оккупировавшей признанную международным сообществом территорию Азербайджана на протяжении 30 лет, не было и речи. Почему? Принцип эхо-камеры. Мы слушаем и слышим только своих христиан. Они хотят независимости от варварского мусульманского Азербайджана, хотят выйти к свету, к христианским ценностям, освободиться от басурман. Все продолжается в том же духе. Христианские церкви – это святыни. Мусульманские мечети могут, при необходимости, служить складским помещением, а то и хлевом для скота.

Принимаемые решения вполне соответствуют генеральной линии Европейского союза.

Никто не утверждает, что Азербайджан – супердемократия, и что каждый разумный человек просто мечтает жить в нашей стране. У нас нет подобных иллюзий. Однако, что касается общих для всех международных правил, Азербайджан старается их не нарушать.

Представьте на минутку, что Азербайджан в свою Конституцию включил часть территории той же Армении в качестве исконных азербайджанских земель. Представили? И какой могла быть реакция Европейского союза и его институций, легко можно вообразить. А вот казус с армянской Конституцией и включением в нее Карабаха, как неотъемлемой части Армении, и изображении на гербе республики горы соседней Турции, никого в Европе особо не беспокоил.

Чем опасен принцип эхо-камеры? Тем, что безоговорочная, слепая поддержка своих в ущерб чужим, в итоге обернется большими потерями для своих. Такое положение вещей понимали многие думающие люди, в том числе, и религиозные деятели. Иерусалим, в эпоху своего расцвета, был славен тем, что в нем мирно сосуществовали разные религии. Никому не приходило в голову притеснять соседа только потому, что сосед молился другому Богу.

Если повезет, возможно, люди начнут слышать и видеть друг друга, не оглядываясь на соотечественников, либо представителей одной и той же религии, а руководствуясь здравым смыслом и принятыми сообществом людей общими правилами для всех.

Triste *(Мне грустно)*

**Мир погрузился в хаос
Не в первый и не в последний раз
Бомбят, убивают, кричат о правах
Дарованных Богом**

**Бог страшный, кровавый
Демонический Бог
Тот Бог, что кричит
Идите, возьмите, все ваше**

**Земля и вода и еда
Все вам я отдал
И в книге библейской своей указал
А тех, кто мешает вам, тех, кто живет
На этой земле
Убейте! Убейте! Убейте!
И я подарю вам Рай!**

ШИРИН МАНАФОВ

Почему армяне не возвращаются в Ханкенди?

Одна из причин – исчез Степанакерт. Они хотят вернуться в город, названный в честь политического проходимца, одного из тех, кого Ленин метко назвал полезными идиотами. В свой мир, где все основано на подчинении блефу и лжи, нашедших великолепное воплощение в героизации проходимца и наперсточника. В мир лицемерия, который на все сто реализован в Степане Шаумяне и его учениках – лидерах карабахского движения, для которых он был примером успешной тактики «слуга двух господ» – большевистской России и ее противника Англии. Мошенника и провокатора, на совести которого жизни тысяч азербайджанцев в Баку и Шемахе в 1918 году, преподнесли трем поколениям в качестве примера истинно национального патриотизма и гибкого армянского стиля, успешного во все времена. Но не стали уточнять информацию о непредсказуемых последствиях, к которым этот успешный стиль ведет. Тер-Петросян, Балаян, Кочарян и прочие, для которых он был идеалом в тактике гибкого лавирования, в конце концов столкнулись с полным ее разгромом. Возвращением в Степанакерт армяне жаждут возвращения в легенду о незаурядном, гибком и успешном армянском национальном характере. Стиль этот полностью себя разоблачил, отдельные тактические успехи, окрыляя, привели к краху идеологию лжи и лицемерия, ярким представителем которой был Шаумян. Поражение во второй Карабахской войне имеет для армян экзистенциальный характер, надо искать новый национальный путь.

Кого же армянам навязали их лидеры в качестве героя, примера и образца? Кстати, заметим, что наряду со Степаном Шаумяном другим национальным героем армянского народа является фашист Нжде, памятник которому стоит в центре Еревана.

Но вернемся к Степану Шаумяну. Кем на самом деле был этот «герой»?

В 1925 году в беседе с тогдашним редактором газеты «Правда» Д. Шепиловым Сталин весьма нелестно отозвался о деятельности в 1918 году 26 комиссаров Бакинского Совнаркома во главе с Шаумяном, за «плодотворной» деятельностью которого он имел возможность наблюдать, находясь в Баку.

В книге воспоминаний «Не примкнувший» Шепилов приводит слова Сталина: «Бакинские комиссары не заслуживают положительного отклика. Их не надо афишировать. Они бросили власть, сдали ее врагу без боя. Сели на пароход и уехали... мы их щадим. Мы их не критикуем. Почему? Они приняли мученическую смерть, были расстреляны англичанами. И мы щадим их память. Но они заслуживают суровой оценки. Оказались плохими политиками. И когда пишется история, нужно говорить правду. Одно дело – чтить память. Мы это делаем. Другое дело – правдивая оценка исторического факта».

Как Степану Шаумяну в течение ряда лет удавалось обманывать вождя мирового пролетариата Ленина?

Революционные страницы Баку 1917-18 годов – это апофеоз шаумяновского стиля, гимн наглой и беспардонной лжи. Именами бакинских комиссаров названы города и проспекты, школы, заводы и фабрики, десятки памятников по всему СССР, к которым 20 сентября пионеры возлагали цветы.

Совершив экскурсию по цехам загадочной фабрики по производству лживых легенд и псевдогероев. Масса поразительных аналогий с современностью.

Лидер 26-ти комиссаров и Ленин

Степан Шаумян все годы знакомства с вождем успешно манипулировал Лениным, заставив поверить в свою беззаветную преданность партии и лично Владимиру Ильичу. Читая страницы нашего «славного» революционного прошлого, диву даешься, неужели на этом грубо сколоченном обмане под названием 26 бакинских комиссаров воспитывали целые поколения.

Знаменитых оппонентов Ленина можно найти среди его современников, отмечал директор Музея им.Ленина, доктор исторических наук Мельниченко. Например, А.Куприн считал, что Ленин всего лишь «средне умен», Бердяев отмечал гораздо более опасное в феномене Ленина: отсутствие «большой умственной культуры». Не было иллюзий в отношении вождя мирового пролетариата и у выдающегося авантюриста Степана Шаумяна.

Задолго до революции Шаумян точно вычислил, как ему себя преподнести непосредственно Ленину. Никто из бакинских комиссаров, кроме него, не имел до революции контактов с Лениным. Став по приказу Ленина чрезвычайным комиссаром по Кавказу, С. Шаумян опоры среди рабочих не искал и время на митинги особенно не тратил. Всю эту дребедень про власть народа, пролетариев и крестьян воспринимал с иронией. Поэтому он себя особо не утруждал, речи про светлое завтра если и произносил, то с одной целью – возглавить Бакинский Совет рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов.

Но имитация невероятной боевитости бакинского пролетариата соблюдалась, и сведения от С. Шаумяна об организации стачек регулярно посылались Ленину в Берн, Женеву, Мюнхен, где обретался вождь до 1917 года.

Шаумян сообщал в письмах Ленину: создано 30 марксистских кружков на заводах, из них 20 разгромлено, но десять продолжают успешно работать в условиях подпольной борьбы. В результате поднято на борьбу с мировой буржуазией 120 сознательных пролетариев, на стачках за год избито 70 пролетариев, что на 100 процентов больше, чем в прошлом году. Семьям раненых посланы продукты (300 кг риса, 200 масла, 400 баранины, 150 урюка и кишмиша), рабочие благодарят партию за плов. Мистификатор откровенно лгал. Насчет революционности рабочих-нефтяников ни у одного из 26-ти иллюзий не было.

Что касается Шаумяна, то этот деятель воспользовался Лениным так же, как Ленин стремился использовать комиссаров. Тон переписки Шаумяна и Ленина всегда был задушевым, теплым.

«Мы в восторге от вашей твердости и решительной политики», – писал Степану из Цюриха Ленин.

Согласно документу за номером 197 из сборника документов «Братья навеки», изданного под редакцией историка П. Азизбековой, «английское командование в Иране установило контакт с бакинскими дашнаками, эсерами и меньшевиками», сообщает С. Шаумян в Москву.

Целью англичан был захват Баку, прекращение доставки нефти в Россию.

Тактика С. Шаумяна привела к тому, что турки, затем англичане захватили Баку и перекрыли в 1918 году каналы доставки нефти в Россию.

В 1917 году добыча нефти в Баку составляла 382 тысяч тонн, то есть свыше 15% мировой добычи. В апреле-июле 1918 г. из Баку в Россию было отправлено приблизительно 1 280 000 тонн нефти. Бакинский совет во главе с Шаумяном получил взамен оружие, бронетранспортеры, провиант, которыми он должен был снабжать отряды защитников города и заводов нефтяной промышленности. Военная техника прибыла, но армии защитников Баку не было, так как она и не была создана. Были отдельные, как сейчас пишут, армянские бандформирования, которые и получали присылаемое комиссарам оружие и боеприпасы.

Шаумян вымогал умело и нагло. Прикрываясь бездействовавшим комитетом обороны Баку, Шаумян просит у вождя ни много ни мало «срочно отправить в Баку из Царицына все гидропланы и боевые аэропланы». Взамен Шаумян забрасывал Москву уверениями в сверхнакале революционного фанатизма бакинского пролетариата, в его невероятной сплоченности и беспощадной ненависти к врагам мировой революции.

И вдруг как гром среди ясного неба: «Наконец, вчера получены известия, что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход. Им удалось получить в Бакинском Совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии, против большевиков, и тех левых эсеров, к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских левых эсеров, а остались с Советской властью против империализма и войны. Вот против этого, верного Советской власти, до сих пор бывшего большинством в Бакинском Совете ядра англо-французский империализм получил на этот раз перевес в 30 голосов, благодаря перешедшей против нас на их сторону громадной части партии Дашнакцутюн, армян-полусоциалистов», – из речи потрясенного неожиданным провалом Ленина на заседании ВЦИК 20 июля 1918 года.

Ленин был изумлен. Ведь всего неделей ранее, 13 июля, Шаумян в телеграмме сообщал Ленину: «Положение на фронте ухудшается. Необходима солидная помощь из России. Я телеграфировал в Астрахань и Царицыно Сталину. Распорядитесь вы. Положение слишком запутанное».

И вдруг через неделю Шаумян сдает полномочия добровольно, что и поразило Ленина.

С одной стороны, Степан с 1905 года забрасывал Ленина уверениями о все нарастающем накале борьбы рабочих с нефтепромышленниками, об огромном влиянии большевиков в Баку. В 1917-18 годах называл в своих письмах Баку цитадель Российской советской республики, а с другой стороны, – так легко отдал промыслы Баку и лишил революцию нефти.

В письме от 4 апреля 1918 года Шаумян бодро рапортовал: «1 апреля в Баку произошли ожесточенные бои. Воевали Советская Красная Гвардия, организованная нами Красная Армия, Красная Флотилия». А спустя всего три месяца выяснилось, что никакой Красной Армии и Красной Флотилии нет и в помине, а были, оказывается, армянские банды полевых командиров, которых С. Шаумян снабжал получаемым из России оружием. Естественно, банды разбежались при появлении регулярных туецких войск.

Кроме того С. Шаумян упросил Ленина снять с фронта отряд Г. Петрова в 780 сабель и перебросить в Баку. 19 июля 1918 года отряд Григория Петрова, в недавнем прошлом левого эсера, прибывает в Баку. Петров прибыл в Баку с очень широкими полномочиями, любыми средствами спасти Бакинскую коммуну. А если потребуется, сместить С. Шаумяна с поста чрезвычайного комиссара Кавказа и занять этот пост.

Узнав об этом, Шаумян предлагает Петрову организовать охрану города, на дальних подступах к нему занять дороги в Баку. Отряд Петрова выпроваживают из Баку, чтобы не мешался, так как, к изумлению Петрова, тот никакой Красной Армии в Баку не обнаружил. Никакой системы обороны, никаких военных частей, якобы, как писал Шаумян Ленину, «организованными нами», то есть комиссарами, Петрову обнаружить не удалось. А частями Красной Армии, о которых с гордостью писал Ленину Степан, оказались на поверку отряды армянских мародеров и погромщиков.

Как писал откровенно сын С. Шаумяна Сурен, автор книги воспоминаний о том периоде: «Пример подавали сами командиры, попойки сопровождалась грабежами. Особенно сильно было распространено пьянство в частях, оперировавших в районе ст. Кюрдамир и в Шемахинском уезде», куда и направили на усиление отряд Петрова. По сути на этот небольшой отряд пытались взвалить всю оборону Баку.

20 июля 1918 года турки без боя вступили в Шемаху. Армия Бакинского совета, то есть армия 26 комиссаров, поспешно рассеялась, и дорога на Баку была открыта. Казачий полковник Бичерахов – его отряд также оборонял подступы к Баку – в своем донесении писал: «Все происходящее на бакинском фронте не имеет ничего общего с воинским порядком, а напоминает хаос». В этих условиях Бичерахов сложил с себя обязанности командующего фронтом.

Перед угрозой потери власти на заседании Бакинского совета С. Шаумян сообщает о скором прибытии из России каравана оружия в составе «80 орудий, 160 пулеметов, 10 тысяч ружей, 20 тысяч патронов», хотя на самом деле никаких поставок не намечалось. Бакинский Совет не поверил Шаумяну, и был поднят вопрос о приглашении в Баку англичан с целью защитить город от турок.

В ответ без согласования с Петровым С. Шаумян объявляет о сложении с себя обязанностей комиссара Кавказа и уходе с постов всех 25 комиссаров. А это означало, что теперь Бакинский совет без сопротивления примет решение о приглашении англичан в Баку. Расчет Шаумяна оправдался, Совет призвал на помощь английский корпус. Что означало сдачу города и прекращение поставок нефти в Россию.

Еще до этих событий военный комиссар Бакинского укрепрайона Г.К.Петров сообщал Ленину о проанглийской ориентации С.Шаумяна открытым текстом: «Приходится вести борьбу с партиями, о которых в России почти не слышали, как то «Дашнакцутюн» и пр. Главное, у многих партий явно английская ориентация, и тов. Корт опишет, с каким великим трудом мне удалось переделать гарнизон и войска бакинского фронта, столкнувшись с этой английской ориентацией в чисто революционно-советский». Но «переориентировать» гарнизон и войска Г.Петрову не удалось. Бакинский фронт развалился еще когда англичане были еще в двухстах милях от «цитадели советской власти на Востоке». Петров заканчивает депешу очень информативной фразой: «Теперь все зависит от быстроты переброски моих частей сюда». Но этого не произошло, а с 780 саблями организовать оборону Баку было невозможно.

Командированный в Баку в самый последний момент Петров констатирует, что все многомиллионные вливания в оборону Баку, поставки огромных партий оружия и боеприпасов – все это попадало в руки армянским бандформированиям, которые Шаумян в своих депешах Ленину преподносил как «организованные сознательными рабочими отряды самообороны». Петров сообщал Ленину, что здесь никто и не собирается защищать город от англичан. Даже 780 сабель отряда Петрова не смогли сделать фронт «революционно-советским» по одной простой причине: фронта обороны в Баку не было. Шаумян откровенно блефовал, вымогая у центра оружие и военную технику. Оборона не была организована. Баку был взят английским корпусом, по свидетельству одного из 26 комиссаров М.Азизбекова, «английским корпусом из около 1000 человек крестьян и арабов с английскими ружьями».

29 июля 1918 года стал для Ленина днем шока и отрезвления, а 31 июля рассеялись последние иллюзии в отношении лидера 26-ти комиссаров. Партия армянских полусоциалистов «Дашнакцутюн» предает армянина Шаумяна, который был поставлен во главе 26-ти бакинских комиссаров для контроля за проармянскими партиями в Баку. Более того, Шаумян не борется с противниками в Бакинском Совете, а попросту предает Бакинскую коммуны и всех этих липовых комиссаров.

31 июля Совет Народных Комиссаров во главе с С.Шаумяном сложил с себя полномочия. Бакинская нефтяная труба, без которой революция задохнулась бы, оказалась закупоренной наглухо. Ленин начал прозревать.

9 августа 1918 года Ленин послал телеграмму председателю астраханского военсовета Н.Анисимову: «Положение в Баку для меня все же неясно. Кто у власти? Где Шаумян? Запросите Сталина и действуйте по соображениям всех обстоятельств. Вы знаете, что я доверяю Шаумяну полностью».

Ленин назначил тем самым Сталина куратором Бакинской коммуны.

Сталин прекрасно знал С. Шаумяна и всю его банду «идейных» борцов, в которую входили налетчики Габриелян, Лалаян, Дро, Амазасп. Знал и о том, что все годы пребывания в Баку Шаумяна подкармливали армянские нефтепромышленники. На предприятии армянского нефтепромышленника Хатисова даже наладили производство пушек для «армии» Шаумяна.

Вот это «Я доверяю Шаумяну полностью» и подвело Ленина, который только после потери бакинской нефти осознал, что был обманут политическим авантюристом. Шаумян без стеснения лгал на Бакинском Совете, уверяя, что получил телеграмму от Ленина, где вождь наказал бакинским товарищам держаться, к ним идет подмога из Астрахани – «пять шхун, которые везут 80 орудий, 160 пулеметов, 10.000 ружей, 20.000 патронов, массу обмундирования и т.д.» (Из протокола чрезвычайного заседания Бакинского Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов от 25 июля 1918 года). Совет потребовал доказательств, их не было...

26 комиссаров сдали власть и спешно покинули город, когда турецкие войска были еще в ста км от Баку

Оборона Баку была успешно провалена. На смену власти 26 комиссаров приходят эсеры и меньшевики. Правительство теперь называется красиво: «Диктатура Центрокаспия». Новая власть действует решительно и, взяв подаренную Шаумяном власть, «Центрокаспий» потребовал от Петрова, чтобы тот защищал город от турок совместно с английским корпусом. Петров был потрясен таким поворотом событий и подчиниться Диктатуре отказался. Он письменно заявил «Диктатуре Центрокаспия», что не будет драться «бок о бок с англичанами». С.Шаумян вместе с другими бакинскими комиссарами предпринимает попытку бегства на судах вооруженных частей в Астрахань. Но уже через несколько дней их захватывают военные корабли антисоветской диктатуры Центрокаспия. Пленников отправляют в тюрьму.

7 сентября 1918 года Чрезвычайная следственная комиссия «Центрокаспия» выносит приговор в отношении С.Шаумяна и еще 11 человек. Их обвинили в безответственности и сдаче Баку перед угрозой «германо-турецкого» наступления на город. Главную причину увидели в том, что всю надежду С. Шаумян и остальные комиссары «возлагали на помощь из центра и не обратили никакого внимания на создание армии из местного населения». Обвинили Шаумяна и его банду комиссаров также в том, что «народные комиссары, захватив с собой все необходимые средства для защиты города, продолжали укрывать оружие, прочие военно-технические средства и продовольствие», бросили бакинский пролетариат в «минуты смертельной опасности», призывали население к «ниспровержению существующей власти» и «...за попытку бегства без сдачи отчёта о расходовании народных денег, вывоз военного имущества и измену».

Потеря бакинской нефти ставила под угрозу поражения революцию. Идут бои за Царицын, пылает Дон, Питер в осаде, а Ленин, поверив Шаумяну, снимает с фронта и отправляет в Баку отборные войска. Полк с большими потерями на марше продвигается в сторону давно сдавшегося города.

Надо отдать должное чрезвычайному комиссару Кавказа С. Шаумяну. Благодаря ложной информации Ленин абсолютно не владел ситуацией на Кавказе.

Потеря Баку для него была, как снег среди августовской жары.

Надо было любой ценой вернуть бакинскую нефть. Ради этого Ленин не только послал в Баку целый полк, так еще и приказал «срочно доставить в Астрахань истребители и подводные лодки», с тем, чтобы проникнуть в Баку с моря и вывезти на подлодке Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова и всех остальных комиссаров, находившихся в бакинской тюрьме. После десятков рапортов от Шаумяна с 1905 по 1918 годы о тысячах бакинских рабочих разных национальностей, готовых жизнь положить в борьбе с царизмом, а позднее с империалистическими стервятниками, столицей нефти овладевает кучка индусов и арабов, одетых в английскую амуницию.

14 сентября англичане спешно покидают город, «Диктатура Центрокаспия» пала, в Баку вошли турки. Члены «Диктатуры Центрокаспия», опасаясь побега заключенных, успели вывезти их в пески Туркестана.

Тогда же Орджоникидзе напомнил Ленину о своей телеграмме, в ней сообщалось: «Союз соглашателей, предатели меньшевики, дашнаки готовят сдачу Баку».

Почему Ленин пренебрегал сигналами, далеко не единичными о том, что С.Шаумян ведет собственную игру, в которой пробольшевицкая ориентация Бакинской коммуны – всего лишь камуфляж? Ради миллионов пудов нефти Ленин готов был поверить кому угодно, выполнить совершенно химерическую просьбу Шаумяна – создать Закавказскую федерацию и преподнести ее в дар своему другу Степану и его верным комиссарам. Так что Степан и его банда комиссаров играли дерзко и вызывающе нагло. Никому, кроме Шаумяна, не удавалось водить за нос вождя так долго и так болезненно для его самолюбия. Прокол с бакинскими комиссарами Ленину аукнулся и обошелся очень дорого. Сталин не простил вождю прокола и на стадии «изготовления» легенды о 26 верных ленинцах открыто заявил Шепилову: 26 комиссаров – блеф.

Исторические «заслуги» Шаумяна.

Единственное, чего Степан добивался, – это полной потери центром контроля за событиями на юге.

В записке от 3 июля 1918 года Ленин поручает: «Передать Теру (*Тер-Габриелян – председатель ЧК Баксовнаркома. – Ш.М.*) , чтобы он все подготовил для сожжения Баку в случае нашествия (*турецких или британских – Ш.М.*) войск и чтобы печатно объявил это в Баку». Документ этот свидетельствует: Ленин абсолютно не владел ситуацией и не подозревал об истинных намерениях Шаумяна и его «соратников по борьбе».

12 февраля 1919 года Ленин дает распоряжение председателю астраханского Реввоенкома А.Шляпникову. Вспомним: 3 июля 1918 года, то есть семью месяцами ранее, он требовал Баку сжечь. Теперь Ильич требует подставить бакинских рабочих под пулеметы британского корпуса. Вчитайтесь в текст телеграммы от 12 февраля 1919 года: «Примите энергичные меры, чтобы использовать настроение бакинцев для быстрых и решительных действий (*они требовали ухода англичан и прихода в Баку турецких войск – Ш.М.*). Гарантируйте безопасность переходящим к нам».

Замысел прост и гениален: организовать забастовки и бросить толпу на пулеметы, а на стон раненых пролетариев в город влетают отзывчивые буденновцы, которым в этом случае имидж освободителей от гнета мировой буржуазии гарантирован.

Между прочим, британцы вели себя в Баку весьма корректно, как и полагается уважаемой империи с устоявшимися колониальными традициями. Оттого и план Ленина сорвался. Ну, не было у бакинцев настроения бросаться под пулеметы англичан. Пролетариат бакинский вышел на работу, качалки качали, мануфактура ткала сукно, и население благодарило британцев, затем сменивших их турок за то, что пресекли хаос и грабежи, разоружили армянские банды. Британцы разрешали маевки, стачки, забастовки, шествия – да сколько угодно.

Из обращения Бакинского комитета РКП(б) к рабочим от 1 мая 1919 года: «150 тысяч бакинских рабочих праздновали День международной пролетарской солидарности. Они вышли на улицы города с развевающимися красными знаменами и боевыми лозунгами: «Да здравствует Советская Россия», «Долой английских оккупантов», «Да здравствует Советская власть в Азербайджане». То есть англичане разрешили отметить митингом праздник 1 мая. Гуляйте, сколько хотите, но завтра на работу.

Только с исчезновением с исторической сцены Шаумяна и его комиссаров до Ленина стала доходить достоверная информация о весьма прохладном отношении Баку к советской власти, и именно во многом благодаря С. Шаумяну.

По отношению к причастным к расстрелу 26 комиссаров состоялся процесс в 1921 году в Ашхабаде, а спустя пять лет – в Баку.

11 августа 1920 года на заседании Бакинского совета было оглашено постановление ВЦИК за подписью М. Калинина и А. Енукидзе о создании комиссии по перезахоронению 26 комиссаров. С этого момента стала создаваться легенда о «стойких большевиках, верных ленинцах 26 бакинских комиссарах». Сложить с себя ответственность, вывести войска из города, сдать без боя жизненно необходимый революции город нефти – апофеоз «славной» деятельности Шаумяна и возглавляемых им «легендарных» 26 бакинских комиссаров. По окончании 1 съезда народов Востока в Баку в сентябре 1920 года останки комиссаров в цинковых гробах были преданы земле в одном из скверов в центре города.

Значение и роль мифа о 26 комиссарах в истории Октябрьской революции недостаточно исследованы. Хотя благодаря 26 комиссарам сотни аспирантов защитили диссертации и стали остепененными преподавателями. Назвав столицу НКАО в честь Степана Шаумяна, открыто заявили миру, кто есть идеал армянских политиков и историков, вождей армянского национализма. Этот путь и привел к краху армянское национальное движение. Теперь надо искать новый путь, что и вызывает массовые панические атаки как у элиты, так и у населения, поскольку никаких других героев, никаких других мифов и легенд нет. Потрясение и разочарование в связи с исходом населения из Карабаха и потерей Степанакерта. Паника как следствие длительного стресса, ужаса, возникшего от несостоятельности национального стиля, разрыва иллюзий и реального отношения мира к выбранным вами героям, на поверку оказавшимся обыкновенными мошенниками. В 2020 году мы лишили их не только Карабаха, лишили иллюзорного мира, в котором Степик Шаумян всегда побеждает.

Но время все расставляет по своим местам. И сегодня уже стало известно, что Степана Шаумяна просто не было среди захороненных в общей могиле. А был ли вообще убит Степан Шаумян? В этой связи вполне резонно звучит версия о том, что Степан Шаумян благополучно избежал расстрела и умер естественной смертью в глубокой старости в одной из стран дальнего зарубежья.

Кроме того, занимающийся изучением этого вопроса доктор исторических наук, бывший советский политзаключенный Георгий Хомизури, живший долгое время в Армении, считает, что история о 26-ти комиссарах является мифом, также как и вся советская история: «За что же все-таки казнили комиссаров? В советских изданиях ответ на этот вопрос обходится молчанием. Далее, кто убил комиссаров? По этому делу расстреляли около 50-ти человек, но ни один из них не признал себя виновным. Почему большевики не предприняли ни единого шага для освобождения комиссаров? Почему Ленин после 20 сентября ни разу не упомянул имя Шаумяна, словно того и не было? А ведь Ленин его как будто бы очень ценил. Вопросы и вопросы. И без доступа к архивам на них ответить невозможно».

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ЗАРИФА ГАСЫМОВА

Поэт

Поэт, ты умер молодым
От глупого свинца Дантеса,
Оставив нам лишь снег и дым
И тайны вечную завесу.

Как рано ты смежил глаза –
Не удалось спасти поэта...
А кто хотел тебя спасать?
И кто сумел бы сделать это?..

Поэт, ты умер молодым
Хотя прошли уже столетья,
Тебе вовек не стать седым,
Твоих стихов свежи соцветья.

Ты умер молодым, поэт,
А сколько б мог еще творить ты...
Вернуться бы на двести лет,
Связать оборванные нити!

Зачем?..

Зачем тревожить прошлое
И нагонять печаль?
Пусть было все неправильно,
И пусть сегодня жаль.
Зачем тревожить прошлое
Не лучше ль увидеть,
Как распускает лилия
Серебряную прядь.
Зачем тревожить прошлое?
Не думай о плохом,
Вуаль тоски отброшена,
Хоть в горле стынет ком
Зачем тревожить прошлое -
Нам жить еще и жить!
Не лучше ль просто радости
Земной кувшин испить?..

Город детства

**Ордубад –
 мой город детства!**
Здесь прошли мои года.
Этот воздух, эти горы
не забыть мне никогда.
Пахнет детством,
пахнет хлебом,
пахнет бархатной травой.
И ведут как будто снова
закоулки за собой.
Здесь совсем еще девчонкой
я бежала по траве...
Ордубад, мой город детства,
ты навек в моей судьбе!
Снова слышу голос деда,
голос бабушки моей...
Абрикосовое лето –
в мире места нет родней.
Абрикосовое лето,
родниковая вода...
Ордубад, мой город детства,
Не забыть мне никогда!

Когда умирают мамы

Когда умирают мамы,
То стрелки часов замирают.
Когда умирают мамы
Мы детство свое забываем.
Когда умирает мама,
С ней умирает мгновенье,
Что нашей жизнью зовется,
Мгновенье, что в вечность вольется...
Когда умирают мамы,
То время глядит устало...
Зачем умираете, мамы?!..
Как жить без вас скучно стало...

ИБРАГИМ МЕЛИКОВ, ЛАРИСА ОПАНАСЮК

С ЗАБОТОЙ О ЧЕЛОВЕКЕ В СЕБЕ!

Недавно в московском издательстве «Вече» вышли в свет две книги избранных произведений Ильхама Бадалбейли:

И нечто больше... Стихотворения, поэмы. М.: Вече. 2023. 352 с.

Большое сердце. Проза, драматические произведения. М.: Вече. 2023. 256 с.

Когда выходит книга, принято поздравлять поэта. Это рассматривается как его успех и достижение. Конечно, с обыденной точки зрения, это так. Но это отражение физики человеческого существования. Помимо физики, есть еще метафизика бытия. В ее ракурсе каждая книга – это подарок судьбы. Мы, то есть читатели, должны быть благодарны поэту за возможность приобщиться к миру его творчества. Счастье творца – в акте творчества, а не в результатах. В продуктах творчества само творчество уже застывает и заканчивается. Поэт уже наслаждался самим процессом творчества, он уже испытал своё удовольствие и пережил свое блаженное состояние. Творчество – это как прием пищи: человек получает удовольствие от вкушения, а не от результата.

Но созданное произведение – это дверь в роскошный внутренний мир поэта. Это возможность, пусть не в той же, но хотя бы в какой-то мере насладиться тем же, что и поэт. Книга поэта – это не проповедь, а исповедь. И это – великодушное приглашение автора в свой мир. Обычно дверь запирают, но эта не заперта, хотя и не открыта. Надо приложить небольшое усилие, и она откроется. И можно наслаждаться.

Поэтому мы должны быть благодарны автору, в данном случае Ильхаму Бадалбейли, за эту предоставленную возможность. Признаком самого лучшего расположения обычного человека считается, когда он приглашает вас к себе в дом. Поэт же приглашает вас в целый мир.

Что собой представляет мир Ильхама Бадалбейли? В моем представлении – это мир человека. Звучит, согласен, банально. Понятно, в любом случае это так. Мир не только поэта, но и любого человека – это мир самого человека. И по-другому быть не может. Но в это простое утверждение я вкладываю особый смысл. Речь идет не о просто человеке, а, как сказал бы великий Платон, об идее человека, о его сущности и утверждении этой сущности во всем многообразии бытия. Весь лейтмотив поэзии И. Бадалбейли заключен в этих двух коротких строчках:

*Нельзя убивать человека
И человека в себе.*

Первая строчка общеизвестна, и об этом мы всегда говорим. Это положение, как известно, зафиксировано даже в Библии. Это императив физического и морального бытия. Но И. Бадалбейли идет глубже. Нельзя не просто убивать человека – это, безусловно, значимо, но гораздо важнее не убивать человека в себе. Это и вершина поэзии И. Бадалбейли. Просто не убивать человека связано с отношением к другим, а вот не убивать человека в себе – это требование к самому себе. Человек, чтобы соответствовать себе, своей сущности, не должен убивать прежде всего человека в себе. И если он будет следовать этому, то требование не убивать другого человека отпадет само собой.

Нельзя не только убивать человека в себе, но и вообще – не убивать человека в человеке. Основателю школы софистов Протагору принадлежат слова: «Человек – мера всех вещей». Но Протагор говорит всего лишь о человеке, и именно поэтому он только софист, разрабатывающий псевдомудрость, а не мудрец. Для мудрости и гуманности значим не просто человек, а человек в человеке, и конкретно – человечность. И даже осмелюсь предположить, что под библейской заповедью «Не убий» подразумевается именно «Не убий человека в человеке». К этому восходят вся мораль и вся религия человечества. И к этому призывает своей поэзией И. Бадалбейли.

Человек – это судьба. Судьба – это не цепь событий жизни, это метафизика жизни. Человек по жизни совершает определенные действия, старается что-то изменить, нередко это удается, но в минуты прозрения он начинает понимать, что им движет невидимая рука судьбы. Реальный человек чувствует судьбу, и отношение к ней – это для него жизненная проблема. Судьба – то, что уготовано каждому человеку, но у него есть и свобода. Он совершает жизненные поступки, исходя из своей воли (а по-другому он не может), но далеко не всегда осознавая, насколько это согласуется с судьбой. Рефлексирующий поэт понимает, что с одной стороны, есть судьба, но с другой – жизнь предоставляет человеку опьяняющий простор:

*С судьбой ли в лад? Судьбе ль наперекор?
И, поклонясь родимому порогу,
Я ухожу в степной хмельной простор.*

Это предшествует всему в нашей жизни, поэтому поэт называет свое стихотворение «Пролог». Символично и весьма эстетично, что с него начинается и данная книга.

Человек – творение Божье, созданное по образу и подобию творца. Подобие творца в человеке – это выражается в его способности творить:

*Человек
Увидел
В человеке
Высшее
Творение творца.*

*И тогда он вышел в мир,
На сцену,
Чтобы душу
Выплеснуть до дна.*

Как существо, имеющее творческую сущность, человек многогранен и выступает во множестве ипостасей:

*Я актер,
Но я и автор пьесы.
Я суфлер,
Дублер
И режиссер.
Комик,
Трагик,
Травести,
Повеса.
Адвокат,
Судья
И прокурор.*

В каждом человеке живет Бог, поэтому поэта заботит жизнь каждого человека:

*Человеческая жизнь –
Бесценна,
Потому что жизнь –
Всегда одна.*

Каждый человек – это, безусловно, целый мир. Но жизнь одного человека немислима без других людей, поэтому забота о жизни каждого, кто населяет Землю, сопряжена с заботой о всей планете:

*Каждому свой дом
Всего дороже,
Только помнить
Надо и о том,
Как бы ни любил свой край,
Но все же
Мы – Земляне.
И Земля –
Наш дом.*

Человек – существо моральное, а потому – свободное, ибо он принадлежит не миру природы и необходимости, а, как сказал великий И. Кант, нравственной свободы. Нравственная свобода – предоставленная возможность выбора между добром и злом, этот выбор – судьба человека. Человек не может пренебречь этим выбором, ибо человеческое существование протекает только в пространстве этого выбора. Навивно, как Ф. Ницше, предполагать, что можно стать по ту сторону добра и зла, ибо по ту сторону добра и зла человек может стать на самом деле, только, подобно животным, лишившись выбора. Либо же создавая себе иллюзию и попадая в изошренные ловушки зла. Как нельзя уйти от судьбы, так и нельзя уйти от этого выбора. Человек обречен на выбор добра и зла, ибо, как говорит И. Бадалбейли:

*Нет третьего,
И не было дано.*

Обратной стороной свободы выступает ответственность. Обывательское толкование свободы соблазнительно, так оно игнорирует вопрос об ответственности. Свобода – это понимание собственной ответственности. И когда философ сказал, что человек обречен на свободу, он имел в виду, что человек обречен на ответственность. Раб не несет ответственности, ибо он не свободен. Но свободный человек сам ответственен за себя, ибо он свободен:

*Утешься собственной свободой,
Ты знал ей цену,
Обрети покой.
Теперь ты пожинаяшь
Всходы
Семян,
Посаженных твоей рукой.*

Мир человека неоднозначен и парадоксален. В этом плане примечательно название сборника «Парадоксы». Человек живет в обществе, мы говорим о человеческом обществе, но это общество противостоит человеку. Великая тайна, которую скрывает общество от человека, – это то, что человек свободен. Общество наделяет человека разумом, рациональностью, лишая его воли и свободы. А тем самым обще-

ство подчиняет человека себе, делая его несвободным. Вся художественная литература, а еще больше поэзия, показывают и доказывают, что человек – существо не столько разумное, рациональное, сколько иррациональное, эмоциональное, волевое. Человек – это существо, которое не может жить «правильно» по меркам разума, а им управляют эмоции, желания, интересы. Это и есть настоящий реальный человек. Это и есть человеческое в человеке. И это всё мы находим в поэзии И. Бадалбейли.

Не разум, логика, расчет, объединяющие человека с компьютером и роботом, а бьющееся за любовь сердце делает человека достойным своего имени. Живой человек жив своими переживаниями, высшее из которых – любовь:

*Мир любви!.. Задумчивый овал
Чистого лица в морском приливе...
Бог меня любовью наказал,
Бог меня любовью осчастливил.*

А заключительный вердикт и наставление поэта всем людям звучит императивно-категорически:

*Где нет любви, /там нет горенья,
там тлеют /вялые сердца.
Любовь! – /Костер, самосожженье!*

Человек – существо не столько разумное (разум, как ни парадоксально, лишает его человеческих качеств), сколько эмоциональное. Жизнь – это то, что проживается и эмоционально переживается, и только потом мыслится разумом. А человеческие эмоции предполагают воображение со своими ассоциациями. Поэзия доказывает, что человек – существо субъективное, живущее своими впечатлениями. Поэт – это не только мастер слова, но и, по словам Д.С. Мережковского, гений созерцания, следовательно, можно сказать, герой впечатлений.

Одним из значимых явлений, под впечатлением которых находится Ильхам Бадалбейли, является море. В настоящее издание включены поэмы с красноречивыми названиями: «Воспоминание о море», «Острова в море», стихотворение «Я и море». Но образ моря не только в них, он периодически всплывает и в других произведениях.

Как с тобой мы, море, схожи, – говорит И. Бадалбейли в стихотворении «Я и море», имея в виду, что оно не только живое и одушевлено, и одухотворено. В этом и состоит прелесть подлинной поэзии, основу которой составляют мастерство и талант. Душа поэта настолько безмерна, что ее хватает, чтобы объять, вдохнуть жизнь и оживить в том числе и неживое.

В этом же ряду стоит ранняя поэма с метафорическим названием «Острова в море». Острова – это острова памяти. Память о чем-то, в представлении автора, образует соответствующий остров. А море – это, конечно, вдохновляющий любимый образ поэта, но вместе с тем имеется в виду море воспоминаний, которые выражают сущность поэта:

*Во мне живут воспоминанья –
мне радостно от них
и грустно.
Не в жгучих тайнах бытия
ищу свои
первоосновы.
Так прост ответ –
всего три слова:
воспоминанья – это Я.*

Прожитое время не бесследно ушло в прошлое, а сохранилось в воспоминаниях. Можно даже сказать, все существует и происходит в конечном счете для того, чтобы сохраниться в памяти. Свет воспоминаний постоянно освещает жизненный путь человека. Как бы время ни пыталось предать забвению события прошедшего:

*Снарядами воспоминаний
пробита брешь в броне годов.*

В море И. Бадалбейли свое место нашла память о родителях. Поэт сохранил душевно-трогательную память о маме:

*В душе моей /горит огонь
любви, /завещанной мне мамой...*

Об острове памяти об отце он говорит грутально-сдержанно:

*Во мне живет завет отца –
Быть человеком до конца.*

Остров памяти – это и родной Баку. Хотя поэт родился не в Баку, но он стал его родным, как и для миллионов других, чья жизнь была связана с этим прекрасным городом:

*Баку, я о тебе, Баку!
К чему пустые славословья...
Я в каждую свою строку
вложил любовь к тебе сыновью.*

Но Баку нельзя представить без Каспийского моря:

В моей душе нерасторжимы /Баку и Каспий.

Каспий стал другом поэта, вдохновившим и благословившим его поэтическую стезю:

*Все горести свои, печали
нашептывал ночной волне.
И здесь, у старого причала,
сложились первые стихи.*

Поэт – человек, для которого эмоции и чувства становятся образом жизни. Именно они лежат в основе настоящей поэзии. Это признает и сам И. Бадалбейли, который в начале поэмы говорит:

*Да,
я поэт!
Во мне желанья
горят
и полыхают чувства.*

Но поэт не может обойти любовь, иначе он – не поэт. И любовь, конечно же, у И. Бадалбейли связывается с морем:

*Любовь и море –
две стихии –
сплелись
в судьбе моей
в клубок.*

*Любовь! –
Сестра родная моря,
в ней нежность моря,
моря спесь.*

В поэме «Воспоминание о море» образ моря наполняется ещё большим поэтическим содержанием и, что естественно для И. Бадалбейли, без никакого забвения мира воспоминаний. Для поэта море – целый мир. Вроде море – просто водоем, говоря по-научному, географическое образование, входящее в гидросферу. Но у поэта совсем другое впечатление:

*Я к морю шел, как будто в храм.
Так на поклон святым местам
Идут толпою пилигримы.*

Поэт раскрывает причину такого восприятия. Море одухотворено, и как такое, пребывает не только во власти брэнного времени, но и становится образом вечности, разрывающей временную цепь земного бытия:

Боже! /Как море с вечностью – /похожи!

Море не только живое, поэт усматривает в его жизни судьбу, напоминающую судьбу человека:

... Так сплелись в клубок /Твоя судьба, моя и моря.

Жизнь протекает во времени, и то, что мы называем жизнью, – это есть время жизни. Но время в то же время уносит жизнь, поэтому любовь к жизни порождает чисто человеческое желание остановить время:

*Как быстро слагаются в годы
Быстролетящие дни.
Все просят у моря погоды.
Я же: «Её сохрани!»*

Конечно, это наивно, ведь остановить время человек может, лишь прервав жизнь. Но это так естественно и человечно... Да, никто не спорит, время быстро-точно. Но у человека есть спасение – память:

*Море радости, море беды,
И несмытые наши следы,
Все усеявшие берега,
Наша память их сберегла.*

В восприятии настоящего мы предвзяты, наш грезы о будущем иллюзорны, и только память, заботливо хранящая наш жизненный опыт, нас отрезвляет:

*Я – память.
Твой вчерашний день,
И я имею право
Все высказать тебе – как есть.*

Память противопоставляет времени вечность и тем самым позволяет из всего брэнного вывести нетленное, не впасть в иллюзии в настоящем и осмысленно строить будущее. Поэтическое осознание этого И. Бадалбейли преподносит так:

*И все-таки порой необходимо
Остановиться, посмотреть назад.*

*Ведь в нас, сегодняшних, хоть и незримо
Но прошлого устремлены глаза.*

Хочется завершить свои размышления о поэтическом сборнике И. Бадалбейли замечательными строками из поэмы «Воспоминание о море»:

*Когда нахлынет рой воспоминаний,
Благодари судьбу за этот час.
Пусть вспыхнувший в душе огонь желаний
Пробудит к жизни лучшее, что в нас.*

Надо заметить, многое, представленное в данном издании, навеяно воспоминаниями поэта. И они, как он сам говорит, пробуждают «к жизни лучшее, что в нас».

И. Бадалбейли заканчивает свою пьесу «Злоключения визиря, или Что посеешь, то пожнешь», опубликованную в сборнике «Большое сердце», следующими словами: *Мы просто сказку вам пересказали, / А в чем мораль? Да никакой морали.*

Но по этому вопросу хочется поспорить с автором, ибо, как представляется, мораль всё же есть. Ведь пересказать историю, передать определенное переживание – это уже мораль. Это, во-первых. И, во-вторых, то, что мы называем непосредственно моралью, тоже присутствует в его произведениях. Она есть, но она представлена не в виде нравоучения, а мастерски вкраплена в само повествование. Она передается чрезвычайно утонченно. Автор не хочет ее навязывать читателю, он хочет, чтобы тот сам дошел до нее. Мораль произведений Ильхама Бадалбейли не в отсутствии морали, а в утверждении принципов самой морали. В них представлена не просто субъективность автора, а субъективный опыт переживания Истины. Истина не объективна, и она может проявляться только в нашем субъективном мире, а И. Бадалбейли и преподносит свой мир, где присутствует Истина.

Рассказ «Вспомнить все» представляет собой образное выражение философского переживания на тему памяти, бренности бытия, экзистенциальной тоски по ушедшему. Конечно, то, что быстротечное время запечатлевается в нашей памяти, – это, безусловно, благо. Но, с другой стороны, появляется сожаление, что это всё прошло. Человек оказывается раздираем противоречием. Данный рассказ – это облеченная в прозаическую форму идеи, выраженной в поэме «Воспоминание о море»:

*Во мне живут воспоминанья –
мне радостно от них
и грустно.
Не в жгучих тайнах бытия
ищу свои
первоосновы.
Так прост ответ –
всего три слова:
воспоминанья – это Я.*

Рассказ «До прихода судьбы» не содержит никакого острого или интригующего сюжета. Даже, как говорится, толком нельзя сказать, о чем этот рассказ. Девушке надо встретиться со своим любовником в гостинице, но его нет в своем номере, и героиня рассказа дожидается его в номере его соседа. Рассказ о том, что происходит, как заявляет автор в названии рассказа, до прихода судьбы, в данном случае спортивного, каковым является возлюбленный девушки. Читатель окунается в целое море переживаний. Но это не обыденные переживания суеты нашей жизни. Есть ли в них мораль? Возможно! А возможно, и нет.

Автор приглашает всего лишь испытать определенное состояние. Конечно, ему это удастся. А что за ним? И есть ли оно? Для кого-то достаточно испытать это состояние. А кто-то увидит в этом метафору нашей жизни: ведь судья – может быть символом Судного дня и судьбы: с человеком происходят какие-то события по жизни, он совершает поступки, строит планы, но во все это вмешивается судьба, а в данном случае – приходит судья, которого ждут то с большим желанием, то – как неизбежное событие, то – с желанием, чтобы это вообще не происходило. Примечательно, что в рассказе речь идет о спортивном судье, который судит соответственно спортивные игры. Но если жизнь – игра, то спортивный судья легко превращается в судью по жизни, выносящего человеку свой приговор.

Рассказ «Последний день медового месяца» как раз о приговоре судьбы, выносящемся девушке, которая только вышла замуж и в последний день своего медового месяца получает известие о гибели своего мужа. Читатель сопереживает и, понятно, сочувствует героине. Судьба порой бывает жестока и беспощадна и в человеческом восприятии – несправедлива. Но такова жизнь – приговор судьбы человек не может отменить. Можно только предположить в данном случае, что подобный исход событий является результатом замужества героини: может быть, если она не вышла бы замуж, то и не было бы такого печального исхода. Да, это всего лишь предположение. Но обратное тоже не доказуемо!..

«Контакт» – рассказ о человеке, впавшем в результате автомобильной аварии в состояние комы, в котором ему мерещится контакт с инопланетянами. Иллюзии настолько смешались с реальностью, что их невозможно отделить друг от друга. И здесь можно видеть просто описание не такого уж редкого соответствующего события, но можно усмотреть метафору. А разве в жизни без всяких аварий и экстремальных явлений мы всегда отделяем реальность от иллюзий? Разве человек, будучи как бы в «здоровом уме и твердой памяти», не пребывает в состоянии некой добровольной «бодрствующей комы» – с одной стороны при отключенном осознании и, с другой – погружения в мир грёз и иллюзий?

В сборник «Большое сердце» включены, как их автор назвал, живые рассказы: циклы «Мой Вургун» и «Встречи по касательной», содержащие трогательные истории и впечатления о встречах, как говорит сам автор, «по касательной» со знаменитыми людьми эпохи. Здесь фигурируют Самед Вургун, Муслим Магомаев, Константин Симонов, Вагиф Мустафазаде, Юсиф Самедоглу. Во-первых, роль имели место встречи, это касается не только автора этих воспоминаний, но и самих знаменитостей, раскрывая их порой неизвестные грани их жизни. И во-вторых, они значимы как восприятие самого И. Бадалбейли. Они раскрывают его самого, его характер и личностные качества, в них он делится своими впечатлениями, своей оценкой, своими переживаниями и своими жизненными ценностями.

В сборник «Большое сердце» входят также три драматургических произведения, которые имеют свой, если так можно сказать, литературный фон или литературную основу. Они вполне самостоятельны, но созданы на основе других произведений. Это Пролог к спектаклю «Ворон» по одноименной пьесе-сказке Карло Гоцци, который, как мне кажется, прекрасно и достойно дополняет знаменитое литературное произведение. Далее – комедия в стихах «Злоключения визиря, или Что посеешь, то пожнешь» по мотивам пьесы Мирзы Фатали Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства», которая, на мой субъективный взгляд, превосходит знаменитое произведение знаменитого автора – именно потому, что написано в стихотворной форме – более увлекательно, доступно и легко.

Хоть автор и заявляет об отсутствии морали этого произведения, она, без всякого сомнения, присутствует в нем. Есть, безусловно, в произведении повествование, но что, как не философскую мораль, содержат периодически повторяющиеся слова?

*Весь мир театр, сцена, на которой
Мужчины, женщины – здесь все актеры.
Неважно, кто ты – раб или король,
Здесь каждый не одну играет роль.*

Или такие строки:

*Наша жизнь – игра в лото,
То ли вытащишь – не то?
В том, что происходит в мире,
Виновато решето.
Не было бы решета,
Жизнь была б совсем не та.
Все, что происходит в мире,
Происходит неспроста.*

Произведение предназначено для театра, но театр, согласно выводу автора, – это жизнь:

*Весь мир – театр, так сказал Шекспир,
И стало быть театр – это мир.*

Еще одна жизненная мораль вложена в уста шутов:

*День пройдет, и год пройдет,
С глаз завеса упадет.
В мир дорогу сквозь завесу
Правда все-таки найдет.*

Шутка – это ирония, выносящая свой моральный приговор действительности. Она построена на моральной оценке действительности. Уберите из шутки моральную оценку, и она перестанет быть таковой. Шутка – это высмеивание истиной лжи, подлинности фальши, морали безнравственности. Отсюда вытекает и роль шутов: они как бы несерьезны, как бы шутят, но в том, что они говорят, – суровая правда. Также в комедии И. Бадалбейли. Шуты – это на самом деле прикидывающиеся и переодетые философы.

Шутка, юмор, ирония – это самая адекватная форма выражения мудрости. Свою иронию И. Бадалбейли приписывает лицемерному хану, выражающемуся, по его собственному убеждению, «мудро». Почти как у знаменитого Эразма Роттердамского в «Похвале глупости», где глупость выдается за мудрость:

*Как все же мудро этот мир устроен.
Меняются обычаи и нравы,
Во все века во всем лишь ханы правы.*

Но он не так глуп, он может быть и вполне мудрым:

*Изменчива судьба, изменчив мир,
Вчерашний раб, сегодня – ты кумир.*

Но всё же уровень мудрости шутов недосягаем. Когда разбивается лодка хана и он погибает, шуты тут же озвучивают свою беспощадную и беспристрастную мудрость:

*Мир вокруг – сплошной туман.
Ключ от тайны нам не дан.
Лодка все решает в мире,
А не ленкоранский хан.*

И вполне естественно, непредсказуемость жизни могут понять отрешенные от нее и непрעדвзятые шуты:

*Наша жизнь – игра в лото,
То ли вытацишь, не то.
В том, что происходит в мире,
Виновато решето.*

«Большое сердце» – это пьеса, созданная на основе своих же отдельных стихотворений и представляющая собой, как заявляет сам автор, коллаж-фантазию в стихах и прозе. Мораль этой пьесы очевидна. Она в самом названии – сердечности, человечности. Сердечность стала серьезной проблемой существования человека. С обывательской точки зрения, она даже мешает человеку жить. Старьевщик, герой пьесы, говорит: «Видишь, сколько народу. И что ты думаешь, что у них у всех есть сердце. Да ни черта такого у них нету. И ты будешь такой же, как все... Это хороший бизнес. Я сдам в контору твое сердце, мне это в план зачтется. А у тебе больше ничего болеть не будет». С ним готов согласиться даже «Интеллигент», продавший ему своё сердце: «Да как же это так получается, как же я без сердца-то. И то правда, нигде ничего не болит. Правду говорят, что ни случается – к добру».

Но сам поэт никогда с этим не смирится. Жить для него – жить с сердцем, чтобы жизнь была достойна называться человеческой. Он готов принять все тяготы судьбы, но расстаться со своим сердцем он не может:

*У судьбы лицо есть, есть изнанка.
Тут и там я,
Там и тут живу.*

Ему важно не просто быть, а быть собой:

*Чтоб вернуться к прежним идеалам,
Оборвав бездумный спор с судьбой,
И укрыться теплым одеялом
Тишины,
И снова стать собой.*

А свой высший смысл жизни он выражает так:

*Сквозь пелену мной прожитых годов
Я вижу дни рождения и тризны.
В борьбе со злом я жизнь отдать готов,
Лишь честь, в моем понятии, выше жизни.*

И здесь хочется обратить внимание на то, что, безусловно, тема пьесы – величие человеческого сердца, но в то же время такую тему воспевать может лишь человек, сам обладающий большим сердцем.

Ильхам Бадалбейли – это русскоязычный азербайджанский поэт, переводчик, писатель. Со стороны может показаться, что русскоязычная азербайджанская литература уже не актуальна, она может восприниматься как отголосок советской эпохи. На самом деле это совсем не так. Традиции русскоязычной культуры в Азербайджане уходят глубоко в прошлое, они зародились еще до советской эпохи. Есть целый пласт русскоязычной азербайджанской культуры, без которого ее невозможно полноценно представить. В современной азербайджанской литературе есть писатели, которые пишут, понятно, на азербайджанском, есть писатели, пишущие и на азербайджанском, и на русском, к примеру, Чингиз Гусейнов, но есть те, которые пишут только на русском, такие, как Натиг Расулзаде, Чингиз Абдуллаев.

Ильхам Бадалбейли относится к числу последних. Правда, это можно объяснить тем, что он живет в Москве, но от этого он не перестает быть азербайджанцем. Он пишет об азербайджанской психологии и образе отнюдь не хуже тех, кто непосредственно живет в азербайджанской среде.

Для азербайджанцев в наше время важно не только то, что существует на родном языке, но есть потребность развития культуры на русском. Конечно, сама по себе интересна русская литература, но для азербайджанцев особо значима азербайджанская русскоязычная литература. Немало в наше время азербайджанцев, которые воспринимают азербайджанскую литературу в переводе на русский.

Еще совсем недавно для многих азербайджанцев, особенно бакинцев, русский язык был родным. Говорят, что бакинцы – это особая нация, в которой национальность не имеет значения. Но языком бакинцев является русский. В советские годы говорить по-русски в Азербайджане было признаком респектабельности, как в свое время признаком респектабельности в России было говорить по-французски.

Русский язык в Азербайджане, и особенно в Баку, был не просто, как говорили, языком межнационального общения. Он формирует соответствующий менталитет. Азербайджанцы, которые говорят по-русски, отличаются от азербайджанцев, которые не знают русского. Не зная английского языка, можно легко постичь американский менталитет. Но порой, даже зная русский язык, тяжело понять русскую душу. Здесь нет никакой политики, никакой идеологии, это вопрос, касающийся исключительно культуры.

Русский язык создает в азербайджанской культуре свой целый мир. Есть русскоязычная культура как часть мира азербайджанской культуры. А азербайджанская русскоязычная культура – это часть русского мира.

Феноменальность русскоязычной азербайджанской литературы заключается в том, что это уже не совсем азербайджанская, но в то же время не совсем русская литература. Это некое поле взаимодействия. В этой литературе представлена не русская, а азербайджанская душа, но в пространстве русского языка и культуры. Это литература синтетическая, в ней очень утонченно переплетаются русские и азербайджанские смыслы и языковые обороты. Специфическое выражение, колоритно звучащее на азербайджанском, вдруг обретает вполне русское звучание. И, наоборот, сугубо русский оборот вклинивается в азербайджанский контекст. Только умиление вызывает, как сугубо русское слово «дудки» И. Бадалбейли вложил в уста Теймур-ага в комедии в стихах «Злоключения визиря, или Что посеешь, то пожнешь»:

Ну, дудки, /Со мною не пройдут такие шутки.

Можно привести и другие примеры:

*Судите сами и рядите сами.
Ведь вы и сами, так сказать, с усами.*

С трудом представляется, как подобные обороты можно перевести на азербайджанский:

Я возьму в попутчики позёмку.

Или ещё более колоритное:

Нахлобучив набекрень ушанку.

Так два начала, органично и непринужденно, переплелись в творчестве Ильхама Бадалбейли. Но это произошло потому, что эти две культуры живут в нем самом.

ЛЯМАН БАГИРОВА

РАССКАЗЫ

На поправку

Полушутливая фантазмагория, которая вполне может случиться в ожидании Нового года. Чего только не случается в наше время!

«Край ты мой любимый, снежный, завьюженный, зеленый, весенний, летний, алый, земляничный, ромашковый, морской, осенний, рыжий, грибной, желудевый, каштановый, во все времена прекрасный – тобою душа моя очищается, ты моя отрада и вдохновение» и т.д. и т.п. – К чертовой матери все, никуда не годится! И слово-то какое воронье, тоскливое – «край», «грай», «кар-кар»!

Незыбленский с яростью нажал на клавишу «удалить». Текст распался на глазах! Это был уже четвертый вордовский документ, который, по мнению автора, годился лишь для родственников чёрта по материнской линии.

Незыбленскому кровь из носу надо было сдать в журнал рассказ, проникнутый любовью к природе родного края. И желательно больше и патетичней. От этого зависел гонорар.

Нет, он не нуждался в деньгах. Слава Богу, были и стабильная работа, и сносный заработок. Но... маленькая случайная удача, выросшая в большое тщеславие, не разрешала отойти от компьютера. Когда-то Незыбленскому удалось запечатлеть очень красивый кадр: догорающий закат на городской набережной. Смеха ради Незыбленский послал его в местный журнал и забыл про это. Каково же было его изумление, когда фотография под изысканным, но неоднозначным названием «Закат воскресенья» завоевала первое место на фотоконкурсе «Край ты мой родимый». Фамилию Незыбленского тиснули крохотным шрифтом под снимком, а через несколько дней мобильный осчастливил неизвестным звонком.

– Вас беспокоят из редакции журнала. Были бы рады и другим вашим фото-снимкам. И хорошо было бы, если вы написали бы небольшой сопроводительный текст к ним. Ну, так сказать повествование, к которому прилагались бы ваши фотографии как иллюстрации. Мы нуждаемся в таких людях. Гонорары небольшие, но регулярные. Будете нашим внештатным сотрудником. Подумайте.

Эх! Коготок увяз – всей птичке пропасть. Через некоторое время Незыбленский уже ежемесячно публиковал в газете свои незамысловатые тексты и фотографии, исправно получал гонорары и благодарные отклики читателей и был вполне доволен жизнью.

Но с этим проклятым очерком про любовь к природе родного края ничего не выходило. Одно за другим в мозгу возникали знакомые слова, складывались в послушные красивые фразы о том, как родная природа преображает, одухотворяет и вдохновляет человека на добрые дела, как сам он становится лучше, чище, благороднее, и не было за этими фразами ни-че-го!

Незыбленский вдруг вспомнил фразу из прочитанной в юности книги. Эпопею Мориса Дрюона «Проклятые короли» можно было в свое время приобрести за сданную макулатуру, и книжную полку Незыбленского украшали семь томов захватывающей исторической драмы. Первую книгу «Железный король» Незыбленский любил больше других и почти наизусть знал текст: «Пусть нет на свете никого красивее Филиппа, он умеет лишь глядеть на людей, но ему нечего сказать людям».

Незыбленский усмехнулся. Эта характеристика средневекового короля точь-в-точь подошла бы и ему. В сердце было пусто, и низать пустые красивые слова фразы, как бусы, не доставляло никакого удовольствия. Дело было плохо. Гонорар, по всей видимости, накрывался.

– Черт! – еще раз выругался Незыбленский – Твою ж ты... Черт!

Он явственно услышал позади себя вздох. Такой деликатный уккоризненный вздох, когда человеку хотя бы намекнуть на непристойное поведение.

– Черт, – еще раз повторил Незыбленский, уже неуверенно, больше для того, чтобы убедиться: он не ослышался.

– Молодой человек, – окликнул его глуховатый, но ясный голос. – Я давно уже здесь, достаточно было один раз позвать меня.

Незыбленский подскочил в кресле и развернулся. Позади него в кресле под торшером сидел пожилой человек в коричневой замшевой куртке и вельветовых штанах.

– Спать пора! – пискнул мозг Незыбленского. – Вот уже и мальчики кровавые, тьфу, старики коричневые в глазах. – Все, заработался! Черт с ним с рассказом!

Человек взглянул на Незыбленского и улыбнулся. Улыбка у него была мягкая, усталая и совсем не дьявольская.

– Не бойтесь. Как видите, у меня нет копыт, – он приподнял одну ногу, обутую в серый слиппон, – хвоста, – он покосился через плечо, – рогов и прочей дьявольской бутафории. И воздух серой я тоже не озонирую. Это все Гете виноват: зацементировал в человеческом сознании наш образ. Правда, там он тоже без рогов, когтей и хвоста, но с копытами, в красном камзоле, при шпаге, только зачем вся эта театральщина? И, как видите, у меня нет берета, грязной рубашки и разных глаз, как у Воланда. Это литературные изыски. В реальности мы ничем не отличаемся от вас. Да, закройте вы рот, мне прямо неловко.

Незыбленский в ответ что-то промычал.

– Понимаю, вы вправе удивляться и даже возмущаться. – Старичок боднул головой воздух и застенчиво хехекнул, словно прокашлялся. – Не каждый день встречаешь таких гостей.

– П-п-простите, как вы...

– Попал сюда? – окончил фразу старичок. – Дорогой мой, это входит в наши обязанности: появляться там, где ждут и зовут. А вы меня звали, согласитесь, настойчиво. Ну, позволяйте представиться: Чертополохов Дюбук Уфирович.

– Мэ-ы-ы, – выдавил Незыбленский.

– С фамилией, думаю, вопросов не возникло, – терпеливо пояснил Чертополохов, – а имя и отчество – старинные дьявольские наименования: Дюбук означает «странствующий дух», а Уфир – «врач ада». Батюшка мой, действительно, был главврачом Ада, и с именем мне не ошибся. Я, как видите, нечто вроде страхового агента, странствую в надлунном и подлунном мире. Но перейдем к делу. Вы, как я понял, страдаете творческим кризисом, который можно выразить двумя словами: «Не пишется»?

Незыбленский попытался облизнуть губы. Не вышло – рот высох.

– И не беспокойтесь! – Чертополохов засуетился. – Выпейте лучше чаю, я слышу, чайник уже свистит на кухне, или чего покрепче, – он подмигнул в сторону серванта, где за плотно закрытой дверкой таилась бутылка хереса. – Я сам все сделаю.

Он снова устроился в кресле и не спеша сцепил руки на коленях.

– Во-первых, хочу сразу предупредить. Никаких договоров о продаже или передаче души, скрепленных кровью, когтями, печатями в виде черепа или чего подобного – не будет! Мне ваша душа нужна, как прошлогодний снег. И никакой прибыли в ней нет.

– Это почему же? – осмелел Незыбленский.

Херес подействовал на него ободряюще, и разговор начинал ему нравиться.

Старичок покачал головой с видом крайнего разочарования.

– Потому что она маленькая и незрелая. В ней есть обрывки чужих мыслей, слов, эмоций, но все они зависят от импульса. Случится импульс, какой-то порыв извне, эти мысли и эмоции будут искренними. Не случится – будет просто мешанина из фраз и образов. Кстати, очень утомительных. Вы чувствуете утомление после того, как испишете несколько листов бумаги своими нетленками?

– Бывает, – согласился Незыбленский. – Только не бумаги, а экран компьютера.

– Ну, простите, привык по старинке. Но суть та же. И утомление это тяжелое, нерадостное, верно? Как говорится, ни уму, ни сердцу?

Незыбленский кивнул. Зараза Чертополохов, словно в душе читал!

– И в то же время вы боитесь признаться себе в этом бесплодном утомлении. Выжимаете из своего мозга остатки свежего чувства, чтобы на бумагу лег хотя бы слабый его отсвет?

Удар был нанесен ниже пояса. Незыбленский чуть не задохнулся от боли.

– Хотите избавиться от этого? – невозмутимо продолжал старик. – Повторяю, ничего подписывать не надо. Я просто вас закодирую, как алкоголика от пьянства. Писать больше не будете, мучительно выжимать из себя искренние слова и фразы – тоже. Будете ходить на работу, выполнять привычный круг обязанностей. С гонорами, правда, придется распрощаться, но зато скоро и пенсия не за горами. А на душе будет спокойно, словно ненужный груз сбросили. Ну, что вы смотрите? Я не Мефистофель и не злобный великан из сказок Гауфа.

– Эхм, – осклабился Незыбленский и выразительно потер между собой большой, указательный и средний палец правой руки.

– Что я с этого буду иметь? – Не поверите, гораздо больше, чем классические черты с человеческих душ. Выдумки вместе с рогами, копытами и запахом серы давно надо оставить в прошлом. Вы станете обыкновенным, среднестатистическим человеком – это самая большая награда для меня. Помимо душевного спокойствия и безмятежности, в перечень моих услуг входит избавление от глупого чувства долга и возможных мук совести, тщеславия, честолюбия, поисков сюжета, идеи и формы.

Отныне, глядя на закаты, восходы, летящий снег, цветы, красивых женщин, накрытый стол, свет вечерних фонарей, вы будете просто отмечать в сознании: «хорошо, ладно, симпатично» и все прочее из этого синонимического ряда. Не будет больше никаких подборов эпитетов для описания и размышлений, куда бы потом это описание вставить. Вы будете спокойно спать по ночам, а не вскакивать всклокоченный, чтобы записать внезапную удачную фразу или рифму. А потом не спать до утра и с воспаленными глазами шагать на работу.

– Бывает же, верно? – снова боднул воздух Чертополохов. – В общем, будете просто жить, не мудрствуя лукаво, и голову свою не утруждать. И без того ей, бедной, достается от каждодневных забот. Ну, я все сказал, теперь вам решать. А пока вы думаете, я чайку попою.

Чертополохов с наслаждением потянулся. В спине у него что-то хрустнуло.

– Радикулит, возрастное, – смущенно пояснил он. – Я же говорю: мы точно такие, как вы. Ничем не отличаемся. По сути, мы и есть вы.

– Вы думайте, думайте, – откликнулся он уже из кухни, и Незыбленский услышал, как льется кипяток в чашку. – Я, кстати, вам чай заварил, у вас заварки чуть на дне оставалось. Думайте, но, по-моему, преимущества налицо. Скорее всего, вы не обедали сегодня.

– Обедал, – ответил Незыбленский. Активность гостя стала уже раздражать его.

Чертополохов появился в дверях, и Незыбленскому показалось, что он увидел улыбку чеширского кота. Гость почти слился с коричневатой стеной. На ее фоне выделялся только оскал белоснежных протезов.

«Безликий, – осенило Незыбленского. – Ну, все верно: среднестатистический, обыкновенный, привычный, неприметный, безликий. Как он говорил: слова из синонимического ряда?.. Так, у него свой ряд. И свой интерес – безликость. А говорит: «Душа не нужна». Мелкая, незрелая... Хитёр, ох, хитёр! Конечно, не нужна, он-то ее все равно получит. Безликий человек – все равно, что без души, без...»

– Ну, как? Надумали? – Чертополохов почти допил чай и улыбался еще более широко и светло.

– Да, – не произнес, а словно каркнул Незыбленский. – Не хочу. Пусть лучше глупое чувство долга, муки совести, поиски формы и сюжета, и что вы там еще говорили, пусть лучше будут они, чем такая безмя..., без... – он запнулся. Чертополохов смотрел на него напряженно, но не зло. – Безликость, – выпалил Незыбленский. – Не хочу.

– Хотите оставить душу незыблемой? – услышал он ироничный голос. – Ну, что ж, в принципе я ничего другого и не ожидал. Осел останется ослом...

– Знаете что! – вскипел Незыбленский.

– Тихо! – Чертополохов сдвинул брови. – Я все-таки старше вас, и намного. – Держите себя в руках. Спасибо за чай. Я ухожу и оставляю вас наедине с вашими идиотскими поисками фраз и мыслей. И мой вам совет: когда снова попадете в тупик, не зовите меня каждую секунду. Имейте уважение к возрасту. Да и себя поберегите. Вместо меня может явиться кто-то из наших, и я не ручаюсь, что он окажется таким же покладистым.

– Вас много, – пробурчал Незыбленский, – не сомневаюсь. – Последнее слово он произнес очень тихо, но Чертополохов услышал.

– И правильно делаете. Нас столько же, сколько и вас. Вполне естественно, что сразу откликнутся на ваши призывы. У вас красивый вид из окна, – продолжал он без перехода. – Я с первой минуты залюбовался им. Кусочек неба, кусочек моря, кусочек черных сосен, старая башня смешно вписалась в левый верхний угол, розовая крыша соседнего дома и зеленые звезды – чудо! Словно узор на витражном стекле. Жизнь все-таки прекрасна!

Незыбленский вскинул голову. Но за окном была равномерная черная муть. Только зеленая зимняя звезда мерцала в необъятной высоте. Спал родной любимый город, и дыхание его было свежим и чистым, как у ребенка.

– А..., – повернулся Незыбленский, но Чертополохова уже не было. Будто не было никогда. Даже чашки, из которой он пил чай, на столе не было.

Незыбленский не спеша настроил камеру телефона на ночную съемку. Вышел на балкон. Зимний воздух ударил в легкие запахом апельсинов и хвои.

Новый снимок в журнал был назван «Звезда над родным городом».

– А текст? – спросили в редакции.

– Можно в этот раз стихи? – вопрос Незыбленского прозвучал категорично.

– Ваши? – благосклонно улыбнулись в ответ

– Нет, не мои, но я настаиваю на них. – И, заметив, как лицо собеседника сразу стало высокомерным, прибавил: – В следующий раз напишу свой текст. О природе родного края. – И улыбнулся: – Непременно.

– Ну, хорошо, давайте. Ой, какое большое. Но вы в курсе, за чужие тексты мы не платим. Так что в этот раз получите только за фото.

– Хорошо.

Нового номера журнала Незыбленский ждал с нетерпением. Под его «Звездой над родным городом» крохотными буквами было набрано чужое стихотворение.

Но Незыбленский читал его, отбивая такт ногою. На душе у него было радостно, как у человека, идущего на поправку после болезни.

*Я, побывавший там, где вы не бывали,
я, повидавший то, чего вы не видели,
я, уже т а м стоявший одной ногою,
я говорю вам – жизнь все равно прекрасна.*

*Да, говорю я, жизнь все равно прекрасна,
даже когда трудна и когда опасна,
даже когда несносна, почти ужасна –
жизнь, говорю я, жизнь все равно прекрасна.*

*Вот оглянусь назад – далека дорога.
Вот погляжу вперед – впереди немного.
Что же там позади? Города и страны.
Женщины были – Жанны, Марии, Анны.*

*Дружба была и верность. Вражда и злоба.
Комья земли стучали о крышку гроба.
Старец Харон над темною той рекою
ласково так помахивал мне рукою –
дескать, иди сюда, ничего не бойся,
вот, дескать, лодочка, сядем, мол, да поедем.*

*Как я цеплялся жадно за каждый кустик!
Как я ногтями в землю впивался эту!
Нет, повторял в беспамятстве, не поеду!
Здесь, говорил я, здесь хочь оставаться!*

*Ниточка жизни. Шарик, непрочно свитый.
Зыбкий туман надежды. Дымок соблазна.
Штопаный, перештопанный, мятый, битый,
жизнь, говорю я, жизнь все равно прекрасна.*

*Да, говорю, прекрасна и бесподобна,
как там ни своевольна и ни строптива —
ибо, к тому же, знаю весьма подробно,
что собой представляет альтернатива...*

*Робкая речь ручья. Перезвон капли.
Мартовской брагой дышат речные броды.
Лопнула почка. Птицы в лесу запели.
Вечный и мудрый круговорот природы.*

*Небо багрово-красно перед восходом.
Лес опустел. Морозно вокруг и ясно.
Здравствуй, мой друг воробушек,
с Новым годом!
Холодно, братец, а все равно – прекрасно!¹*

¹ Стихотворение Ю.Левитанского.

Рина

Основано на реальных событиях 1991 года

Октябрь на юге – месяц стеклянный. Только в октябре так стеклянно звенит воздух – он еще помнит недавнее лето, но уже чувствует ноябрьские ветра. Они скоро задуют с моря, закрутят в пыльные коконы палую разноцветную листву, песок, мусор и погонят эти коконы по улицам города. Даже близость моря не в состоянии смягчить жестяной хохот ноябрьских ветров. Но это будет потом. А пока стоит стеклянный октябрь, словно между небом и землей выставили огромное серо-голубое стекло, в котором иногда вспыхнут напоследок горячие краски лета.

Иногда такая причудливая игра света встречается у людей с неопределенным цветом глаз. В народе такие глаза называют хамелеонами. Но к ящерицам, способным менять окраску тела, это не имеет отношения. Просто глаза-хамелеоны словно состоят из крошечных граней. В зависимости от направления света или даже от настроения человека грани эти вспыхивают то голубым, то серым, то зеленым, то черным цветом.

На углу 4-й Хребтовой, напротив полицейского участка, стоял двухэтажный красный дом, каким-то чудом еще уцелевший от сноса. Выстроенный еще в тридцатые годы прошлого века, он был украшен пятиконечными звездами, фальш-колоннами и арочными проемами окон. Что сделало его красным: цвет ли штукатурки, время или стыд за сталинские репрессии – не известно, но в дождливую погоду вдоль стен стекали красные струйки, словно дом плакал кровавыми слезами. Это было одновременно красиво и жутко.

Дом был знаменит тем, что в нем жила гадалка с пышным именем Октябрина. Правда, полным именем ее никто не звал, но у всей округи на слуху было короткое Рина. Это короткое, как всплеск волны, и острое, как ланцет, слово произносилось суеверным шепотом. Все женское население района от 16 до 80 лет знало точно: Рине дана колдовская власть над людьми!

Это была худощавая невысокая женщина неопределенного возраста и очень востроносенькая. На бледном, голубовато-белом лице хрящеватый нос и глаза-хамелеоны выглядели завораживающе. Глаза меняли окраску в зависимости от настроения хозяйки. Когда Рина была весела, они вспыхивали темно-синим, почти черным блеском, словно превращались в один бездонный зрачок. Тогда Рина мгновенно молодела и напоминала хорошенькую субретку. На вид ей можно было дать не больше сорока лет. Но если Рина была усталой или печальной, глаза становились серо-зелеными, блеклыми, и женщина сразу старилась лет на двадцать.

А уставала она часто, так как не зарастала к ее дому тропа из жаждущих узнать или изменить свою судьбу. Все знали (сарафанное радио работает бесперебойно!), что Рина – чуть ли не последняя инстанция в житейских вопросах. Засиделись в девках – добро пожаловать к Рине! Она молча укажет место за столом (всегда определенное! Никому не позволяла на свое место садиться!), уставится глазами, поведет острым носом, словно вдыхая душу клиентки, и отрежет, как ножом:

– Полгода ничего не будет. Жди. Потом появится хорошая партия. Сумасшедшей любви не будет, но надежный. Будешь счастлива.

– А любовь? – сомневалась девица.

Рина, не мигая, вглядывалась в глаза клиентки.

– Говорю, что знаю. Страстей не будет. Будет семья. Крепкая, надежная, долгая. Останешься довольна, если не будешь выкобениваться.

– Но...

– Без «но». Так... Матери у тебя нет.

– Нет, – грустно отвечала девушка. – Умерла год назад.

– Молодая ушла, не по годам. Поэтому и дух ее беспокойный около тебя остался, старается для тебя, как лучше, управляет твоей судьбой. Через полгода. Верное дело, будешь довольна.

Через восемь месяцев радостная клиентка звонила Рине:

– Я замуж выхожу! Спасибо вам!

– Ты кто? – не сразу узнавала гадалка (мудрено ли при таком плотном графике!). – А, ну, да-да. Поздравляю. Я же говорила, все ладно будет.

И так постоянно! Проблемы с замужеством-женитьбой – к Рине! Детки долго не появляются – к Рине. Нелады на работе, в финансах, делах – все к Рине. И самое главное – помогало ведь! Может, обращались к ней уже совсем отчаявшиеся или сомневающиеся и цеплялись за ее слова, как за соломинку. А вера, как известно, горами движет. Сама она скептически относилась к своему дару.

— Вот еще выдумали... Какой там дар или талант, просто чувствую, как людям можно помочь, и стараюсь. А люди заладили: прорицательница, ясновидящая. Слово-то какое противное, как ящер: ясновидЯЩАЯ, мутновидЯЩАЯ, тьфу... Вот помощник или консультант – другое дело, это по мне.

Об имени своем она говорила так:

– Дед назвал. Он в революцию с Фрунзе вместе воевал, сына – папу моего – в честь него Михаилом назвал. Хотел и меня Михалиной наречь, но тут уже мама и бабушка воспротивились. А бабушка так вообще масла в огонь подлила – бедовая была, любила дразниться! Говорит: «А почему не Николиной, в честь Николая Второго? Тем более, что шестого мая родилась, в день рождения последнего государя-императора!» Дед – красный командир – как взвился при этих словах! «Что?! Да чтобы в моем доме... Да я...» Папа мой насилу их утихомирил, сказал, мол, пусть будет Октябриной, как преданность идеалам Октября. Маме имя глянулось, а дед с бабушкой побухтели немного, но одобрили. Хотя логичнее, наверно, было бы Майей назвать, раз в мае родилась, но предки уж больно упертые попались. Ну, а что? Имя как имя. Так и живу, не жалею, тем более, что все Риной называют. Вот так и три поколения уже в этом красном доме живут: сначала дед с бабушкой, потом родители, теперь я с мужем и детьми.

Из магического реквизита в доме Рины не было ничего! Ни мерцающих зеркал, ни тусклых металлических подносов, ни песка, ни живой или мертвой воды, бобов, карт, костей, цыганских игл и свечей. Был только ни чем не покрытый квадратный стол посередине комнаты и кот. Стол был обыкновенным, производства местной мебельной фабрики, а кот – обычным добродушным полосатым Васькой, а вовсе не каким-то загадочным inferнальным существом. В общем, все «тихо, просто было в ней», в маленькой двухкомнатной квартирке с крохотной кухней и балконом. И все просто и безмятежно было в хозяйке дома, вот только узкий острый нос, словно лесной зверь, постоянно вынюхивал пространство, да глаза вспыхивали то черным, то бледно-зеленым цветом. За столом многочисленные клиенты и узнавали свою судьбу, стоило Рине вонзиться взглядом в человека и вдохнуть воздух вокруг него.

Отбою от клиентов у Рины не было. В конце концов, забыла она о своем филологическом образовании. Красный диплом сиротливо покоился на полке. Гадание приносило живые деньги, гадание обеспечивало семье безбедность. Рина в месяц зарабатывала намного больше, чем ее муж-инженер.

Вы спросите, почему при таких доходах Рина продолжала жить в маленькой квартирке без особого ремонта? Так она отвечала просто, как отрезала:

– Лишнего не надо, а насущное имеем. Расточительство – грех.

И замолкала. Бог его знает, что таилось за тем молчанием, может, чувствовала что-то...

И, видно, как в воду глядела. В один прекрасный, вернее несчастный для женщин округи день, Рина объявила, что с гаданием покончено навсегда!

Вначале не поверили! Потом стали умолять: «Как же мы без тебя, не бросай!» Рина ни в какую!

Погоревали – и отстали потихоньку. Некоторые осторожно шептались:

– Может, видение ей было какое или знак, что прекратить надо. Бог его знает, темное это дело.

Рина вспомнила о своем образовании. Стала репетитором по русскому языку и литературе, подтягивала отстающих школьников, готовила в институты. Работала как оглашенная, уставала, но о гадании даже не вспоминала. А если кто робко намекал, отрубала:

– Было и прошло!

Постепенно забыли, как забывают обо всем в этом мире. И красный дом стали называть уже не домом, где живет гадалка Рина, а просто плачущим домом из-за красных струй, что стекали по его стенам в дождливую погоду.

Спустя много лет я встретил Рину в одном из городских парков в последние погожие дни октября. Воздух был стеклянным и звонким; осень словно играла на арфе последнюю тихую песню.

Я был уже главой небольшого семейства, работал в банке и чувствовал, что жизнь улыбается мне – молодому, здоровому, сильному и не обваренному еще ветрами потерь.

Рина сама окликнула меня:

– Лёкусь?!

Я вздрогнул. Последние 16 лет это детское смешное имя я слышал только от мамы, и то очень редко. Сослуживцы называли меня Алексеем Зиновьевичем, друзья и жена – Аликом. Лёкусь было тайное младенческое имя, выдуманное мамой, когда она – юная, смешливая – играла со мной и выдумывала на ходу стихи:

*Лёки, Лёки, Лёкуська,
Сладкий ты мой мальчишка.
Лёки, Лёки, Лёкусь,
Вот я за тебя возьмусь!*

Но откуда бывшая соседка Рина могла знать это имя? Да и она ли это...

Со скамейки меня окликнула грузная, широколицая женщина.

От ее былой востроносости не осталось и следа. Нос крохотной пипеткой утопал в темных мясистых щеках. Они словно живая манишка прикрывали шею, дрожали на плечах. Глаза тоже скрылись за складками век. Только блеск их остался прежним. Сейчас они были темно-синими, почти черными.

– Тетя Рина, Октябрина Мих...

Она махнула рукой, втянула воздух носом-пипеткой.

– Садись. Там же живешь? – Вопрос был больше для порядка, казалось, что Рина давно знает все.

После нескольких дежурных фраз она улыбнулась заговорщицки.

– Вижу, что на языке вертится. Не терпится узнать, почему с гаданием завязала? Видно, крепкую я всем задачку задала, а? – она рассмеялась, обнажив ровный ряд белых зубов с отличными острыми резцами. Они выпирали над остальными зубами и придавали лицу сходство с лесным зверьком.

– Дара у меня никакого не было. Не любила это слово и не люблю. Но вот чутьем судьба меня не обделила. И бабушка моя со стороны матери это знала. Они разные были, бабушки мои: одна бедовая, жена красного командира – моего деда, а другая тихая, и ходила так тихо, вкрадчиво, будто прислушивалась к самой себе. Говорила тоже мало и тихо и все ко мне приглядывалась. А когда мне исполнилось 12 лет, подарила стальной молоточек с янтарной ручкой, наподобие тех, какими врачи-невропатологи пользуются, только крохотный, как игрушка. И сказала:

– Дано тебе, внученька, чутье на чужую боль и несчастье. И умение их поправить тоже дано. Помогай людям, как сможешь, а перед тем, как выслушать человека, поддержи в руках молоточек, он тебе поможет увидеть Смерть.

Я не поняла тогда ничего, а бабушка серьезно так рассказала мне легенду, которую я уже потом прочла в книгах. О том, что жил когда-то чудесный доктор, учителем которого была сама Смерть. Научила она его распознавать целебные травы и лечить людей. Но сказала при этом:

– Одному тебе я буду являться, никому больше. Всегда увидишь меня рядом с больным. И если я над ногами его витать буду, смело берись за лечение – поправится больной. А если над головой – отступись, он мой уже. А если ослушаешься, попробуешь обмануть меня – сам вместо больного уйдешь со мной.

Я запомнила бабушкины слова. Потом, уже в институте, узнала, что это известный сказочный сюжет. Ну, как бы то ни было, а он помог мне. Смерть или кто там был – не знаю, но всякий раз перед тем, как выслушать клиента, я держала в руках молоточек, и если он становился теплым, то знала: помогу человеку. А если оставался холодным, то так и говорила – не выйдет ничего, не возьмусь. Ни за какие деньги. Поэтому, хоть и обижались на меня, но уважали. Знали, что зря говорить не буду.

А однажды пришла ко мне женщина, маленькая, худенькая. В лице ни кровинки – одни глаза огромные, как колодцы. И впервые мне стало жутко – такая тоска была в них. Но было и еще что-то, чего я до поры до времени не могла определить.

Рассказала, что вышла замуж по любви, в муже души не чаёт. А детей Бог не дал. К каким только врачам и бабкам-ведуныям ни обращались – все без толку. Приемного муж не хочет, только своего. Вот так и мучаются.

Она говорит, а я вижу около ее головы облако. И молоточек холодным оставался, сколько я его в руках ни сжимала. И еще вижу: есть у ее мужа другая женщина. Любит он ее, а эту жалеет и не может выбрать между ними. Понимаю, что не могу помочь, что единственное ее спасение в том, чтобы ушла она от мужа, а там уж как сложится. Я так далеко не заглядываю, но, может, лет через пять она бы встретила любящего человека, а может, так бы и прожила одна, но спокойно, не мучаясь. Только хотела как-то свернуть разговор, поделикатнее отказать, как вдруг она говорит:

– Мне 46 лет. И я недавно узнала, что беременна. Врач подтвердила.

И такая радость в ее глазах вспыхнула, словно на дне колодцев звезды зажглись. Вот это и было то, что я сначала не могла определить. Радость вместе с тоской перемешанная – самое страшное зелье.

Смотрю я на нее и холодным потом покрываюсь. Понимаю, что она смерть свою в себе носит, что этот ребенок убьет ее. Вижу, что сердце у нее большое и почки, что нельзя ей рожать, и не могу и слова произнести. Язык к гортани прилип. Только слушаю, а она щебечет так радостно и вместе с тем тревожно. Садовая славка так поет – нежно и вместе с тем беспокойно: зинь-зинь – чжек – тэк-так-чак, мол, все хорошо, но волнуясь я, волнуясь!

Рина замолчала и прикрыла глаза. Молчала она так долго, что я осторожно кашлянул. Рина открыла глаза. Они были блеклыми, серо-зелеными.

– Я ей сказала: «Не можешь ли ты на мое место пересесть, а то у меня глаза от яркого света болят». Она пересела, и облако оказалось у нее в ногах ...

– Все хорошо у тебя будет, – говорю, а сама молоточек в руках верчу, а он горя-я-ячий! – Только береги себя, не нервничай, отдыхай больше и никого не слушай, если кто говорить будет, что мол, поздно, и риск большой?.. Девочка будет, маленькая, но здоровая. Разве что зубки кривоватые будут, ну, да это не страшно. Не бойся ничего.

Я столько радости в одно мгновение не видела никогда. Словно ей подарили весь мир, всю Вселенную с ее морями, океанами, звездами. Руки мне целовать кинулась, насилиу отбилась. Деньги не взяла с нее, сказала: самой тебе важнее – фруктов-

ягод купи себе. Она ушла, пританцовывая, а мне сделалось нехорошо на душе. Понимаю, что пошла на подлог, и понимаю, что не могла сделать иначе. Но умирать, конечно, вместо кого-то не хочется: у меня тоже близкие-родные есть, я им нужна.

В это время дети из школы вернулись, им надо обед разогреть. Пошла я на кухню, молоточек на столе оставила, чего раньше никогда не делала, а когда вернулась – его уже не было. Исчез, словно испарился! Дети клялись, что не брали и вообще не видели. Я каждый уголок в комнате осмотрела, каждую щелочку – как сквозь землю провалился!

И тут я поняла, что это мне и наказание, и прощение. Прощается мне обман мой, но знак дается, чтобы оставила свое ремесло. Так и поступила.

Кстати, у клиентки девочка родилась. 14 декабря, зимородочек... Здоровая, крепенькая. Муж из семьи не ушел. Ту, другую, оставил. Они мне потом, когда малышке три месяца исполнилось, в благодарность огромную корзину продуктов принесли: и мясо, и фрукты, и сыры, и сладости. И очень сокрушались, что я свое ремесло оставила. Потом в другой город переехали, но мы переписывались иногда с женщиной. Она мне писала, что все у них хорошо, и девочка растёт умной и здоровой, только вот зубки кривоватые, но это ничего, выправить можно.

Ну, а остальное ты знаешь... Вернулась к своей профессии, репетиторствовала. Потом в село переехали, домик там купили. Дети выросли, работают, мы с мужем состарились, пять внуков у нас. Сейчас вот приехала на несколько дней сыновей навещать. Хорошо-то как. Люблю я это время года – чистое, словно стекло!

Она зажмурилась от удовольствия. Когда она вновь открыла глаза, то они были темно-синими, почти черными, и в них поблескивала огоньками листва.

– Не жалеете? – вырвалось у меня. – Это же все только домыслы. А так поступать по отношению к своему дару не бессердечно ли?..

Она усмехнулась, и глаза ее медленно позеленели.

– Я уже говорила, что не люблю слово «дар, талант». Просто чутье у меня было, а с ним надо быть осторожным. А насчет бессердечности... Так вот, лови ответ от филолога! Я, кстати, училась на совесть и многое еще помню!

И она, покачиваясь огромным телом и чуть сопя в нос-пипетку, продекламировала нараспев:

Бессердечность к себе – это тоже увечность.

Не пора ли тебе отдохнуть?

*Прояви наконец сам к себе человечность –
сам с собою побудь.*

Успокойся.

В хорошие книжки заройся.

Не стремись никому ничего доказать.

А того, что тебя позабудут, не бойся.

Всё немедля сказать – как себя наказать.

*

Если рваться куда-то всю жизнь, можно стать полоумным.

Ты позволь тишине провести не спеша по твоим волосам.

*Пусть предстанут в простом освещении лунном
революции, войны, искусство, ты сам.*

*И прекрасна усталость, похожая на умиранье, –
потому что от подлинной смерти она далека,
и прекрасно пустое бумагомаранье –
потому что ещё не застыла навеки рука.*

*

*Хорошо ничего не желать,
хоть на время спешить отложив.
И тоска хороша – это всё-таки переживание.
Одиночество – чудо.
Оно означает – ты жив.¹*

– Нужно еще что-то добавить? – спросила Рина, и в черных глазах мелькнули озорные чертики. – Нет?! Ну, тогда будь здоров, Лёкусь! Маме кланяйся от меня!

Выходя из парка, я обернулся. Она, чуть покачиваясь, сидела на скамейке, и октябрьский воздух словно стекло отражал ее фигуру.

Рондо в прозе или наставления пифии

*Но ты учишь вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.*

А.Блок

Тихо летел над землей сине-золотой вечер. Накрывал собою дворик на Первой Южной улице, где в тени старого платана раскачивалась на коврах и подушках Дильгуше² – местная пифия. Приходили к ней за предсказаниями и стар, и млад, и, правду сказать, никому отказа не было. Кому сон растолковать, кому тоску душевную развеять или беспокойство утолить – все бежали к Дильгуше.

Но больше всего любила старая Дильгуше наставлять молодых девушек на выданье. Усядутся они стайкой вокруг нее, а она вещает нараспев: пуще всего на свете бойтесь надежд. Они, как мираж в пустыне: помянут прохладой и свежестью, опьянят ароматом цветущих садов, а потом исчезнут, и останется человек один на один с раскаленными песками. Надежда, как жердочка над пропастью: кому повезет – удержится, а кому нет – летит в черную пропасть. Только и пропасть эта непростая, а извилистая, коленчатая, четырехдонная. У каждого дна свой цвет. Первое, мутно-зеленое – разочарование горькое, второе, темно-багровое – отчаянье безысходное, третье, землисто-серое – безразличие ко всему, ну, и последнее дно, черно-рыжее – смертная глина.

– Так уж лучше без надежд, без обманных огоньков их жить, но и без пропасти четырехдонной, – важно изрекала Дильгуше, перекачивая в беззубом рту кусок сахара и запивая его чаем.

А девушки смотрели как замороженные на тонкую сладкую нитку слюны, что появлялась на губах старухи, и думали, что, как бы то ни было, а без надежды жить невозможно. Что даже эта когда-то красивая, но безобразно одряхлевшая женщина, так яростно гоняющая сахар во рту, тоже хочет удержать сладость жизни. Или хотя бы такое воспоминание о ней. А что иное надежда, как не сладость жизни?..

А еще предостерегала Дильгуше молодых девушек от пламенных чувств. Они словно костер в степи – вспыхнут высоким огнем, взлетят к небу и рассыплются золотыми искрами. На костер хорошо смотреть издали, а вблизи он обожжет. Чувства должны быть схожи с огнем очага – он и обогреет, и накормит, и осветит жилище.

– Вот в тебе, – указывала она кривым темным пальцем на смешливую ярко-глазую Сафью, – огонь бушует нешуточный, счастлив будет тот, кто его укротить сумеет. А твоя душа, – кивала она в сторону молчаливой робкой Таты, – еще не проснулась и оттого похожа на огонь свечи: читать при нем можно, но никого пока не согреет и не накормит.

¹ Стихи Е.Евтушенко.

² Имя «Дильгуше» переводится с фарси как завораживающий, пленительный, очаровывающий.

Смотрели девушки на покачивающуюся голову старухи, слушали ее речи, и каждая думала, что она-то непременно затеплит в своей жизни волшебный огонь очага.

– Но самое страшное, – устремляла перед собой голубоватый невидящий взгляд Дильгуше, – не это. Пуще пропасти четырехдонной, пуще пламенных чувств – человек, прорастающий внутрь тебя!

– Как это? – разом ахали-воскликали девушки, а Дильгуше, выдержав торжественную паузу, изрекала:

– Как бамбук! Он растет очень быстро, и человек также прорастает внутрь другого.

Девушки замирали от любопытства, и Дильгушэ наслаждалась триумфом. В просторной летней кухне саманного дома под тенью старого платана она восседала на сундуке, устланном пестрым ковром и узорчатыми подушками. Перед ней на низеньком столике громоздились тарелки со сладостями, маленький чайник с чаем и пиала. Верная себе, старуха еще с юности пила чай только из любимой синей пиалы с золотым узором! Держа ее в ладони как сине-золотой нераспустившийся цветок и раскачиваясь из стороны в сторону, Дильгушэ была похожа не то на греческую пифию, не то на индийского факира. И девушки слушали ее, очарованные, как слушали бы факира или пифию...

– Запоминайте, мои хорошие, что я вам скажу, откройте свои юные ушки и повесьте их на гвоздь внимания, ибо то, что скажу я, не скажет вам никто!

Это утверждение было по меньшей мере спорным. Почему – никто? Но Дильгушэ не любила вдаваться в объяснения. Она просто вещала:

– Изначально знайте: мужчины – глупые, женщины – умные! Бог не обидел мужчину талантом, среди них талантливых людей больше, чем среди женщин. Но талант – это еще не ум. А вот женщина умна от природы, если, конечно, не задавит свой ум всякими глупостями, что пишут в своих книжках талантливые мужчины! Если мужчина умен, то значит женского в нем больше, чем мужского, а это уже плохо по другим причинам!

По девичьей стайке пробегал шелест смущенного смеха, а Дильгушэ, сделав внушительный глоток из пиалы, продолжала:

– Но иногда даже самая умная женщина плывет по волнам нарисованного моря и позволяет увлечь себя на такую глубину, из какой трудно потом выбраться. И боится остаться сама с собой. Но боится лишь тот, у кого внутри пуста. И ее надо наполнить чем-нибудь или кем-нибудь. Во что бы то ни стало. Понимаете?

– Нет! – дружно выдохали девицы, но Дильгушэ это не смущало.

– Ничего, потом поймете! Никогда не бойтесь оставаться сами с собой. Берегите себя, защищайте свою душу. Иначе тот, кого вы пустите как гостя, расположится в ней, как хозяин. Прорастет в вас, как бамбук, заполонит всю без остатка, и вас просто не будет, бамбук съест вас. Вы будете видеть глазами другого, слышать его ушами, чувствовать его кожей. Будете просто землей, на которой растет бамбук. И когда ваша земля иссякнет, бамбук переползет на другое место.

Изрекши эту глубокомысленную фразу, Дильгушэ скептически обводила взглядом слушательниц. В их глазах зеленели и цвели редкие сорта самопередвигающегося бамбука, но не было ни единого намека на понимание! Нужно было срочно подкрепить философскую сентенцию примером.

– Моя троюродная сестра Нуна, мир ее праху, была очень умная, трудолюбивая и красивая девушка. И талантом Бог ее не обидел: вышивки ее вместо картин художников на стену можно было вешать. В юности даже на конкурсах каких-то призы брала за свои работы. Один недостаток был у нее – любила своего мужа, как сумасшедшая, дышала им. Мы сначала подсмеивались, мол, молодой жене так и полагается своего мужа обожать. Но у нее это не прошло и через пять, и через десять лет. Что вздыхаете?! Ничего хорошего в этом нет! Это я вам говорю!

Через десять лет от красивой, умной и веселой девушки не осталось ничего! Она превратилась в тень мужа: думала, как он, говорила его словами, даже ела и двигалась, как он. Вышивать перестала: муж ворчал, что цветные нитки стоят дорого, и это все баловство одно, что женщине ее лет нужно серьезными вещами заниматься: дом вести, детей воспитывать и мужа слушать. А ведь поначалу это он ее слушал, ее мысли и слова повторял, только через некоторое время и немного по-другому, чтобы все думали, что это его собственные речи. Да только ли он?.. И свекровь, и вся его родня ее слова повторяли, только переиначив немного. А она так любила, что и не почуяла этого. Вот так бамбук в нее и впился, и пророс, и через двадцать лет никто и подумать не мог, что это та самая Нуна. Тенью мужа стала. А он важный, толстый, не стеснялся даже при людях к ней обращаться: «Э-э!» Не Нуна уже, а «Э-э». Когда его не стало, то она даже заплакать не могла. А все потому, что на слезы тоже силы нужны. А у нее ничего не осталось, потому что всем был он – бамбук. Не стало его, не стало и земли, которую этот бамбук иссушил. Через два года и Нуна отправилась вслед за мужем. И все вокруг говорили: великая любовь. «Ах, как она его любила, какая хорошая женщина была, какая жена!» Только не любовь это была, а бамбук. Ей и делать ничего не оставалось, как умереть, потому что самой ее уже давно не было. А человеку самим собой надо оставаться. И с самим собой. Тогда он сможет возродиться. Кроме себя самого, нет у человека ближе друга и помощника. Бог над ним, и Бог в нем. Люди придут и уйдут, друзья станут врагами, враги – друзьями, любимые покинут или умрут, всё может измениться в любую минуту, и только самого себя человек не оставит, пока жив. Понимаете?

– М-м, нет, – мямлили девушки, но Дильгушэ, улыбаясь во весь свой беззубый рот, взмахивала темной рукой, как дирижерской палочкой.

– Ничего, потом поймете! – и прибавляла шепотом, утыкаясь в сине-золотую пиалу с чаем: – А, может, и не поймете. Может, уберезет вас судьба от этого понимания!

Тихо летел над землей сине-золотой вечер. Накрывал собою дворик на Первой Южной улице, где в тени старого платана раскачивалась на коврах и подушках Дильгушэ. Завораживала, очаровывала, пленяла речами, посылая в ночное небо воспоминания о надеждах.

А что иное надежда, как не сладость жизни?..

Из записок бывшего почтальона

*О, глаза стариков – бездонные...
В них – огонь благодарности вечной,
Если МИГ уделите Вы им...*

Любовь Канаева

Моя старуха... Отчетливее всего она вспоминается мне в последние дни февраля – последнего месяца зимы.

Вообще в третьих месяцах времен года есть что-то волшебное. Они словно порог нового и благословляющий поклон ему: май кланяется лету, август – осени, ноябрь – зиме, а февраль – весне. Третьи месяцы наделены пронзительной силой: никогда так ярко и сильно не пахнут травы, как в мае, никогда не бывают такими крупными яблоки и звезды, как в августе, никогда ветер не воеет таким раненым зверем, как в ноябре и никогда не бывает таким тускло-слюдяным небо, как в феврале. Оно похоже на больные катарактой глаза. Глаза моей старухи. Я помню их взгляд...

... Лето 1987 года выдалось для меня удачным. Я поступила в университет на заочное отделение истфака.

Мама, мечтавшая видеть меня врачом, иронично подняла бровь, сказала: «Поздравляю». И что-то вроде: «Надеюсь, после тебя история не будет уже переписываться». Я не поняла ее слов и не особенно в них вдумывалась. Смысл их дошел до меня много позже. История, как оказалось, не просто переписывалась, а перелицовывалась много раз.

Я была счастлива. У меня было все для счастья: молодость, миловидность, здоровье, мама, дом, молодой человек, работа и вот теперь еще и институт. Жизнь улыбалась мне всеми рассветами и закатами!

Я любила свою работу. Почтовое отделение 1148 – маленькое помещение в две комнатки, а сколько радостных минут было пережито там. Чего стоили хотя бы речи самого старшего нашего почтальона – Романа. Из получения писем и посылок он разводил целую философию и уверял, что на ощупь может определить, деловое ли письмо или личное, обыкновенная или, как он говорил, – «скучная» – посылка или праздничная.

– Вот, смотри, – он крепко прижмурил глаза, – я беру в руки письмо, заметь, – нет, ты хорошенько заметь! – я не смотрю на него, мои глаза закрыты, и начинаю его ... нюхать. Смотри внимательно!

Широкий, ноздреватый нос со свистом втягивал воздух около конверта. Через несколько секунд Роман бросал письмо на стол, открывал глаза и торжествующе изрекал:

– Личное!

Или письмо бросалось на стол со скучающей миной на лице:

– Деловое.

Попытки оспорить мистические Романовы способности, мол, если на конверте указан адрес какого-нибудь учреждения, и так понятно, что оно деловое, воспринимались им как личное и тяжкое оскорбление.

– Э-э-э, – восклицал он. – Разве вы можете понять? Личные письма всегда имеют запах. Они пахнут чувствами, разными – хорошими, плохими, но у всех чувств есть запах. А деловые письма и телеграммы не пахнут ничем, только клеем, и то чуть-чуть. Даже если в телеграмме сообщается, что кто-то родился или умер. Все равно они безликие. И то же самое с посылками. Если посылка просто так, по зову души посылается, в ней воздуха много, сколько бы она ни весила. А если по долгу, по необходимости – они всегда тяжелые, им заботы веса придают.

Эта иерархия писем и посылок веселила нас до невозможности; мы хохотали, а Роман обреченно махал рукой и уходил в другую комнатку. И ворчал там, что, мол, удружила ему судьба – на старости лет быть барбосом в цветнике из четырех роз.

Четыре розы были мы!

Земфира Сергеевна, чрезвычайно гордившаяся своим пушкинским именем. Ей, как самой старшей, был выделен сравнительно небольшой участок – в пять домов на одной улице. К концу дня, окончив разносить почту, она садилась за стол, обхватывала голову руками и причитала, что ей только бы дотянуть до пенсии, а там она за будет эту работу, как страшный сон.

Люда – женщина-пацанка. В свои 46 лет носилась с тяжелой сумкой почтальона по самому большому участку, как тушканчик по пустыне! Маленькая, юркая и быстрая, как огонек. К полудню, когда мы еще и половины адресов не обходили, у нее почти вся работа была окончена.

Валя – молчаливая 39-летняя женщина с лицом античной статуи, большими и такими прозрачными глазами, что в них можно было смотреть, как в зеркало. Но мы невольно избегали их потустороннего взгляда, и только Земфира вздыхала полузаvistливо: «И дал же Господь такие глаза! Ноэль Фортуна вылитая».

На наши недоуменные взоры следовал терпеливый ответ, что, мол, была когда-то французская актриса с мужским именем Мишель, играла она в фильме с названием «Нозль Фортюна», и были у нее до необыкновенности красивые глаза – прозрачные и глубокие. Мы не слышали ни об этом фильме, ни об актрисе, но Валя с тех пор для нас была окутана какой-то французской тайной. У Вали был самый удаленный от почтового отделения участок, и, что удивительно, корреспонденция у нее была самая необычная: если посылки, то непременно пахли пряностями и сухофруктами, а письма словно попугаи – яркие, усыпанные разноцветными марками, если журналы и газеты, то тоже какие-то особенные, типа «Советской культуры», «Советского экрана», «В мире книг». то тоже какие-то особенные, типа «Советской культуры», «Советского экрана», «В мире книг». Только телеграммы были безликими.

И я. Четвертая роза. Самая смешливая и юная на тот момент. У меня был средний по величине участок – три улицы, одиннадцать домов.

В честь своего поступления в институт я отнесла на работу коробку шоколадных конфет «Белочка». Намеревались устроить праздничное чаепитие. Планы нарушил Роман. Ему ни с того ни с сего вздумалось определить меня на другой участок!

– С того и с сего! – услышала бы я сейчас его строгий голос. – У Земфиры дела какие-то неотложные дома, отпуск взяла внеочередной. На твой участок сам пойду – мне он к дому ближе с любой улицы. А ты ее пока отработашь. Близко, нетрудно, до полудня справишься. Пресса самая обычная: «Советский спорт», «Правда», «Работница», «Крестьянка», «Костер». Разберешься!

Да... Вот тебе и чай с «Белочкой». Ладно, хоть идти недолго. Что там у нас? Улица Гвардейская, дома 55, 56, 57, 58, 59, квартиры... Сорок три в общей сложности. Ого! Ничего себе, читающая публика в этих квартирах. Всего три письма, остальные газеты-журналы. Немудрено, что у Земфиры руки отваливались после такой тяжелой сумки.

Вот она, улица Гвардейская, через два переулка от нашего отделения. Три дома по одну сторону, два – по другую. Удобно. Сейчас все раскидаю по ящикам и свободна!

Дверь на третьем этаже дома №55 открылась бесшумно, словно растворилась в пространство. В нос ударил дым, мгновенно зачесались глаза. Сквозь слезы и жестокий сизый чад я различила два маленьких карих глаза и узкое личико.

– Вы наш новый почтальон? – тихий голос словно прорастал из дыма. – Мне письма нет?

Я посмотрела на номер квартиры. Обычно, на респектабельных солидных дворах номера квартир золотились вверху. На более скромных – были намалеваны краской. На этой, покрытой жестяным листом, выкрашенным в белый цвет, не было ничего. На стене рядом ручкой было выведено 83. На эту квартиру у меня не было почты. Я пожалала плечами.

– Может, зайдете? – разлепился малюсенький сведенный рот. – Я вас печеными каштанами угощу. Наша почтальон их очень любит, я ее всегда угощаю.

Надо же! А Земфира-то никогда и словом не обмолвилась, что балуется печеными каштанами. А тут для нее, оказывается, пир готовят.

Я не успела и промычать что-то в ответ (именно промычать, потому что дым разъедал не только глаза, но и горло), как узкая, как птичья лапка, ручка ухватила меня за запястье, и тихий голос вновь пророс возле моего уха:

– Не откажите, а? Пожалуйста. Посидите со мной.

Было что-то жутковатое в этом голосе и вместе с тем такое умоляющее, что я пробормотала:

– Только на минутку. Мне еще несколько квартир надо обойти.

Через пять минут я пила чай, грызла большие печеные каштаны и знала о Казимировне все. И то, что она дочь поляка-путейца, приехавшего еще в тридцатые в наш город, и то, что в юности она была золотоволосой красавицей, и что родители

ее долго мечтали о ребенке и дали обет: если родится девочка, назвать ее Марией в честь Богородицы.

– Я вся в маму, только глаза карие. А у мамы были синие, как у Лорелеи. Но зато я блондинка с карими глазами, это такая же редкость, как брюнетка с голубыми! Все-таки женщина до последнего дыхания – Женщина! Никогда не упустит случая подчеркнуть свою уникальность. Пусть даже и перед родной матерью!

Через десять минут раздумывавшаяся Казимировна выкладывала передо мной фотографии из семейного альбома.

– Это папа, – тыкала она пальцем в какого-то невысокого человека в национальном польском костюме. – Это он на костюмированном балу.

– А это я у мамы на руках. Мама, как Мадонна, правда? – На фотографии действительно была запечатлена очень нежная и хрупкая молодая женщина с пухлым младенцем на руках.

– А это мой будущий муж – моряк Каспийского флота. Правда, красавец? – выцветшая фотография легла на стол, как игральная карта. Никакого красавца на ней я не увидела – только очертания какого-то дерева и белый человеческий силуэт.

– Мы поженились через год после войны, в мае. И прожили счастливо всю жизнь. Когда он вернулся, шел сильный дождь, а я выбежала во двор снимать белье с веревок. И вдруг кто-то закрыл мне глаза руками. Я так испугалась, что ударила его мокрой простыней. А это был он. Потом говорил, что за всю войну ни одной царапины не получил, а тут получил травму от мокрой простыни и любимой руки. На нашей свадьбе гулял весь Дербент. Мы пели, что нет на свете месяца лучше, чем май.

– А это наша дочка. На маму мою похожа, такой же ангелочек. Ой! Я вас совсем заговорила. Ешьте каштаны, в соль макайте, они с солью вкуснее. И чай пейте. – А это уже свадьба дочки, красивое платье было у ней, белое и все в маленьких звездах, жаль, отец не дожил...

Казимировна перебирала фотографии так бережно, словно хотела передать им тепло своих рук. И говорила, говорила... Словно хотела поскорей выговориться и боялась, что ее прервут.

Через час я уже знала, что ее дочка замужем и живет в Якутии, где у мужа важная работа. Что в Якутии так холодно, что солнце похоже на вишню во льду, но в домах очень тепло, и все ходят в одежде без рукавов. И что у нее есть две внучки, тоже красивые, как ангелочки, и очень умные, и хорошо учатся. И что бабушка их никогда не видела, потому что им приезжать очень далеко и трудно, а она переезд не осилит.

– Но они пишут! – спохватилась Казимировна. – Вот! – и она гордо прихлопнула ладошкой тонкую стопку конвертов, перевязанных голубой ленточкой. Дочка пишет, а внучки в каждом письме прибавляют: «Бабушка, привет!» Посылки шлют тоже иногда. Вещи. Красивые. Я их все храню. Приедут – надену! А я им пишу, чтобы приезжали, я им каштанов напеку, таких каштанов, как у меня, им нигде не попробовать, потому что я хитрость знаю: их немного под крышкой потомить надо, потом крышку приоткрыть, потом снова закрыть. Они тогда пропекаются со всех сторон и даже лопаются красиво. Им понравится, не может не понравиться.

– Очень понравится! – вырвалось у меня. Мне показалось, что если бы здесь вдруг оказался наш Роман, он сказал бы, что от писем ничем не пахнет. Они безлики, как телеграммы.

Через час и сорок минут я стояла на пороге и упрашивала Казимировну не писать мне в сумку кулечки с каштанами, но она была неумолима.

Через два часа и десять минут я полностью окончила разносить почту. И, шагая домой, твердо знала, что буду приходить к Казимировне просто так. С почтой или без. Буду приходить сейчас и потом, когда Земфира выйдет на работу. Буду слушать рассказы, которые быстро выучу наизусть, потому что Казимировна будет повторять

их всякий раз. Буду приносить ей какие-нибудь продукты и небольшие обновки. И есть каштаны, которые никто, как она, не умеет печь. И смотреть в ее глаза – карие, подернутые катарактой глаза одинокой Лорелеи.

Почему она вспоминается мне именно сейчас, в последние дни февраля? Мне, почтенному доктору исторических наук, профессору, от которого давно ускакала его веселая почтальонская юность? Может быть, потому, что февраль – последний месяц зимы. И, стоя на пороге весны, он посылает ей невесомый поцелуй прошлого. Просто так, для истории.

Или для памяти сердца...

Осенний вечер на даче

Севде Агаларовой

Кто не был на старых, полузаброшенных дачах в начале осени, тому неизвестно особое их очарование. Южные дачи, с покривившимися почерневшими плетнями, разросшимися и одичавшими яблоневыми садами, сухой травой, устилающей каменные дорожки, о вас моё повествование! Пусть озарит его одинокая вечерняя звезда, горящая над верхушкой тополя. Пусть слышатся в нем писк и ворчанье котят, резвящихся в зарослях ежевики и трели черных дроздов. Пусть доносится аромат свежесваренного чая и самоварный дым, настоящий на кипарисовых шишках. Пусть журчат смех и неспешные разговоры, пусть глухо падают яблоки с тяжелых веток и редкие капли дождя с неба. Пусть живет в нем всё то, что делает нашу жизнь неповторимой и прекрасной, – наши добрые воспоминания, сберегающие нам память и сердце.

Я к вам лечу воспоминаньем

А.Пушкин

Закатное солнце полыхало сильнее обычного, видно, напоследок решило облить жаром землю. Но, как солнце в закат, природа тоже катилась сентябрём в осень. Скоро станет особенно прозрачным и гулким воздух; высоким и уже совсем по-зимнему бледным небо. Притихнут скворцы и зарянки. Скоро, скоро! И только жаворонкам не в тягость любое ненастье. Они еще не раз споют нам, звеня на немыслимых высотах и даря надежду: «Цвить-цвить-звирс-с-сь! – В-в-весной вс-с-се в-ернетс-с-ся, ж-ж-жизнь в-в-вернетс-с-ся!»

Но пока год катился сентябрём в осень, и каменная площадка была покрыта красно-сиреневым ковром осыпавшихся цветов.

– Вырубил бы к чёртовой матери, да жалко, – вздохнула хозяйка. – Красиво цветут, но мусору от них полно. Один вроде как кустарник, – она повела рукой по узловатому стволу, усеянному красными трубчатыми цветами, а второе – вот занесла нелёгкая! – дерево! Само выросло огромным, листья, как у мимозы, а цветы, как огромные сиреневые колокольчики. Но осыпаются сильно оба, не успеваешь подметать! И, как назло, чем больше подметаешь, тем больше на следующий день осыпавшихся цветов. Словно на принцип со мной пошли – своенравные!

– И не надо убирать! – подхватила подруга хозяйки, улыбочивая полная дама средних лет. – Это же какая красота – красно-сиреневый ковер! Сейчас мы на него стол поставим и чай будем пить с яблочным вареньем. Правда?!

– Ой, – спохватилась хозяйка. – Конечно! Совсем заболталась с этими вашими коврами. Но, если честно, хлопот много. Цветы вянут, жухнут, грязи от них много на площадке. Ну, я за самоваром в подвал. Кто мне помочь?

– Первое – это кампис, – сказала я, когда мы выносили вёдерный самовар на площадку. – Лиана. Цветет красиво, словно большими гранатовыми цветами, но мусору от него и муравьев действительно много. А второе дерево – жакаранда. «Сиреневый рай» его ещё называют. Тоже «принципиальное»! Сколь красивое, столь и хлопотное. Постоянно подметать-убирать надо.

– Вот я и говорю, – кивнула хозяйка. – Своенравные.

– Красивые все такие, – заметила её подруга. – Я ещё покладистых красоток не видела. Словно дань за свою красоту требуют. Кто чем: повиновением, восхищением, или, как эти, – махнула она рукой в сторону деревьев – уборкой. И ведь знают силу свою – за красивыми и ухаживать не в тягость.

– Да, уж, несправедлива природа, – усмехнулась хозяйка. – Самовар гудит, а ну, все к столу!

От самовара вкусно несло кипарисовым дымом. Казалось, что синий налет на круглых самоварных боках тоже от сизых кипарисовых шишек. Хозяйка поставила на стол вазочку с вареньем, и над ним сразу же зажужжали осы.

– Фу, – отогнала она их. – Пробуйте! В этом году варила, урожай на яблоки невиданный. И это при том, что деревья старые, больные, надо обрезать, удобрять, а на всё времени не хватает. Теперь уже в конце зимы надо ими заняться, привести в порядок. Но и так подвал весь яблоками заполнен, а райское в этом году плодоносит. Жёлтые яблочки, как игрушки, висят!

Варенье и в самом деле было янтарным, и в нем словно ёлочные игрушки поблёскивали крохотные коричневые яблоки со смешными хвостиками.

– Я хвостики никогда не отрезаю, – заметила хозяйка. – От них приятный древесный вкус, и за них удобно держаться.

Она засмеялась и отправила в рот ложку варенья. А потом быстро вынула крошечный огрызок за хвостик и аккуратно положила его на салфетку.

– Вот так! Красиво и аккуратно.

– Я и говорю, – хитро подмигнула ее подруга – Красивое всегда требует хлопот и дани. Восхищением ли, одобрением ли, подчинением ли.

Солнце погасло, бросив на скатерть четыре красных перекрещенных луча, словно над белой тканью протянули раскаленные мушкетерские шпаги. И сразу, как это всегда бывает в горах, потянуло холодом. На руки наши легли серые тени.

– Дань за красоту, – задумчиво протянула хозяйка. – Своенравие... Может, и так. Знала я однажды женщину, которая дорого заплатила за своё упрямство, но ни секунды не раскаивалась в нем. И знаете, была потрясающе красива именно такой – упрямой, своевольной, жестокой. Вот, как эти, – добродушно махнула она на красно-сиреневый ковер под ногами. – Уперлись, что положено им мусорить, вот и мусорят! Но они хоть растения, а то человек! Если бы вы только её видели...

Была она красива особой какой-то то ли восточной, то ли испанской красотой – тонкая, высокая, смуглая, с изящными руками и ногами, точёной фигурой – загляденье! Но больше всего привлекали мелкие коричневые родинки на лице, шее и руках. Было что-то волнующее в этих родинках, особенно, когда она говорила. Родинки над верхней губой покрывались потом и дрожали, как живые. Это завораживало, мужчины глаз от неё отвести не могли. Муж в ней души не чаял, ходил, как околдованный, и это после двух детей и десяти лет брака. Его, мне кажется, она просто терпела рядом с собой – да и кого он мог привлечь? Полный, рыхлый, лысеющий и при этом очень подвижный – не человек, а шарик, того и глядишь – взлетит. И взгляд такой собачий, преданный, кажется, прикажи ему прыгнуть в пропасть или зарезать кого-нибудь – прыгнет или зарежет. И как человек не интересный, ни яркого слова, ни красивого жеста – ничего! И дети – мальчик и девочка, погодки, были похожи на него – мучнисто-белые, рыхлые, правильные до скуки.

О ней разные слухи ходили – людям только волю дай посплетничать о других. Тем более, такая яркая, манкая. Но! Скорпионий яд в рот всем тем, кто болтал о ней почем зря!!! Мужу она не изменяла, это я точно знаю. И не потому, что дорожила им, а просто считала это ниже своего достоинства. Такая вот душевная брезгливость и чистоплотность была в ней – не нести в дом грязи.

И всё-таки было в ней то, что говорило: не нашла она еще «своей грязи». А вот если найдёт, если захватит её что-то по-настоящему и всю душу перевернёт – то не остановится ни перед чем! На принцип пойдёт, на самое дно грязи упадет, но сделает по-своему! Так и случилось.

Работала она в какой-то биологической лаборатории, что-то там сеяла в чашках Петри. День изо дня одно и то же: микроскоп, колбы, чашки, реторты. Белые кафельные стены, белые халаты. Из примечательного только необыкновенной красоты дверь в лабораторию – деревянная, резная, с каким-то замысловатым рисунком. Это старинное здание после революции отдали под лабораторию, а дверь так и осталась осколком былой роскоши.

И как-то это белое стерильное царство взорвал алый блеск! В прямом смысле. Пришла на работу новая работница, вся из себя дамочка-кралечка, грациозная, как кошка, и наивная, как оленёнок!

– Тебе бы книги писать, – расхохоталась подруга хозяйки. – Это надо же такие сравнения с ходу подобрать.

– Так и было, – с жаром перебила хозяйка. – Видела я её. Была очень женственной и нежной. И одежду подбирала со вкусом, всё сидело на ней ладно. И всегда носила на правой руке часы на браслетке из рубинов. Старинное украшение, такое дамское, изящное – маленький циферблат, вокруг алые круглые рубины, а на браслетке – такие же, только крупнее и овальные. И лучистые, так и сияли на солнце, что глазам было больно. Красота неопишуемая! Все восхищались.

Наша с родинками несколько дней присматривалась к этой с часами, а потом и говорит:

– Какая работа тонкая, изумительная. И тебе очень идет! А не боишься на работу каждый день носить? Всё-таки драгоценные камни.

– Да кто мне что сделает, – улыбнулась та в ответ. – Кому эти часы нужны? И что с ними делать, если не носить? Мариновать, что ли? А так от красоты и настроение хорошее!

– Конечно, ты права, – согласилась наша. – Но все-таки, мало ли что может быть. По дороге на работу или пока переодеваешься, халат надеваешь, потом снимаешь, вдруг затеряются. Может, всё-таки дома оставишь?

– Нет, что ты, сколько лет ношу, никогда ничего не было. Бог даст и не будет! Но Бог не дал. В один из дней пропали часы!

Хозяйка обыскалась: под каждую скамейку, стул, стол заглядывала, все реторты-колбы перетряхнула – нигде нет. Как корова языком слизнула. При этом точно помнила, что на работу пришла в них.

Решилась деликатно спросить у нашей. Мол, если видела и взяла (в шутку ли или бес попутал) – верни. Та встала в позу: ничего не видела и не брала, и как ты вообще осмелилась меня этим вопросом оскорбить?!

Та снова в поиски.

Остальные работницы боятся, что никаких часов не видели и не брали, и, скорее всего, говорили они правду, потому что сидели в другой, дальней комнате, а эти две кумушки постоянно были рядом.

Прошло несколько дней. Одна грустит о своей пропаже, другая виду не подает. Всё, как обычно. Но муж часовладелицы, оказалось, был шапочно знаком с мужем нашей героини и, будучи человеком резким и прямолинейным, так и заявил:

– Передай жене, что шутка затянулась. Кроме неё, взять некому. Пусть вернёт!

Тот отправился домой и всё, как есть, сказал жене. Может, в первый раз набрался храбрости и решился на жёсткий разговор. И вот тогда она призналась! Но при этом заявила, выкрикнув ему в лицо:

– Хоть режь, хоть убивай! Не отдам! Мои они и будут мои! Что хочешь делай – не отдам!

Муж и криком, и уговорами, и угрозами, и даже силу применил – ни в какую! Стоит насмерть: бледная, прекрасная, глаза горят, по щекам злые слёзы текут и всё повторяет:

– Не отдам! Глаз свой я на них положила, мне они по душе, мне! Хоть убей, не верну!

– Что мне делать? – жаловался потом растерянный мужчина. – Я и так, и сяк, и даже ударил её сгоряча! Она ни в какую. Не отдаст. С собой что-то сотворит, но не вернёт! Ну, не разводиться же мне в конце концов с ней! Детей полной семьи лишу, да и... люблю я эту мерзавку! Всю душу она у меня вынула, тяжело с ней, но и без неё ещё хуже. Может, я как-то деньгами постараюсь возместить или куплю какое-нибудь другое украшение. Какое скажете, какое твоей жене понравится. Но...

– Тьфу! – негромко выругался муж часовладелицы. – Подавись своими «другими украшениями» и деньгами. Мужчина в доме называется! С женой совладать не можешь!

– Да, – покорно, но как-то с вызовом ответил он. – Не могу. Так и ты не можешь.

– Что?!!

– Не кричи. Что же ты – хороший, мудрый муж-хозяин своей жене не подсказал, что грех так смущать людей? Моя ведь несколько раз говорила, предупреждала: «мало ли что может случиться, убери с глаз подальше». Она ведь честно с искушением боролась, с собой боролась, а твоя провоцировала несчастье! Ей же и в голову не могло прийти, что у моей на душе творится. И на ком больше греха?..

– Да пошел ты, философ нашелся! Тряпка! В твоей жене, как я посмотрю, больше мужества. Права или не права – стоит на своем! Да, ну вас...

Так и закончилось это дело.

Не знаю, что муж сказал своей кралечке-жене с глазами оленёнка, но та больше разговор о часах не заводила. И вела себя, как обычно, доброжелательно. И наша была спокойной, только натянутой, как струна. Впрочем, это ей шло – еще больше подчёркивало красоту и стройность.

И все-таки с работы она уволилась! Не выдержала постоянных издёвок. Муж кралечки отомстил весьма оригинальным образом! Каждый день он встречал жену после работы и всякий раз, как видел нашу, напевал на мотив народной песни:

*– У меня была курочка белая
Еще вчера она была целой.
А сегодня её уже нет!
Да ославится вор на весь свет!*

И так постоянно! И голос у него был очень хороший, звучный, ясный. Изводил нашу этой песней. В конце концов она уволилась. И потом уже не работала.

– Повторилась история с Фридой, вернее с её платком? – вспомнила я булгаковскую героиню.

– Что-то в этом роде. Только та не была виновата, а эта... Боролась с искушением, как могла, но... слаб человек...

– Ничего себе, слабая, – возмутилась подруга хозяйки. – С этакой слабостью упёрлась насмерть: «не отдам, и всё»! Где же слабость?!

– Как раз в этом! Чтобы признать свою ошибку, куда больше мужества нужно.

С сознанием вины жить трудно, но еще тяжелее жить оплётанной. Тем более таким: горячим, норовистым и красивым женщинам. Они в «своей грязи» вымажутся по уши, но все равно не признают её грязью. Такая уж порода...

– Красота требует жертв? – усмехнулась подруга.

– Нет. Эту фразу совсем в другом значении употребляют. Лучше, как ты вначале говорила: «Красивое всегда дани требует». Вот, как эти...

Она указала на площадку. Ножки стола уже сантиметров на пять утопали в осыпавшихся красных и сиреневых цветах.

– И это за то время, пока мы чаёвничаем! Ничего себе! Я же говорю – мусору с них гора!

– А что ты хотела?! Только что рассказала о человеке, стоящем насмерть в своей неправоте, а тут всего лишь растения. Сама понимаешь. Хочешь – выруби, хочешь – оставь, но тогда уже и приноравливайся к ним. А измениться они не могут. Такая порода. Зато и красота от них – дух захватывает!

– Вот и я о том же, – то ли обреченно, то ли миролюбиво вздохнула хозяйка. – Красивые...

Уже совсем стемнело: над тополем зажглась одинокая вечерняя звезда, двор освещала только лампочка под навесом, а в саду нет-нет да и вспыхивали зеленым огнем кошачьи глаза. Целое семейство: отец, мать и трое котят, видно, решили поохотиться ночью.

– Они у нас мышеловы, – сказала хозяйка. – Очень боевые, как в зарослях мышей почуют, так сразу всей оравой туда! Благодаря им ни одной мыши в доме нет. Но наглые! Как что, сразу к столу бегут, норовят на сиденья забраться или скатерть стащить. Я их так и зову: «Наглые».

Один из котят посмотрел на меня вопросительно-жалобно: «Я – Наглый?!»

– Ну, зачем вы так? – заступилась я. – Они мышеловы, знают себе цену, верой-правдой служат, какие же они наглые? А давайте это слово перевернём, пусть будут – Аглаи! – осенило меня. – Не Наглые, а Аглаи!

– Все?! – рассмеялись женщины.

– А, что? Отец – Аглай, мать – Аглая, дети – Аглаи. И красиво, и им не обидно!

– Мряув! – одобрительно муркнуло семейство.

... Эх! Кто не был на полузаброшенных, старых дачах в начале осени, тому неведомо их очарование. В нём словно во флаконе волшебных духов соединились радость и печаль былого. И аромат их пленителен, ибо «былое» не означает «забвенное».

Свет из голубого окна

*...вся блистая,
Знаменуя вечный пир,
Чаша неба голубая
Опрокинута на мир.*

Владимир Бенедиктов

День обещал быть... причудливым. Ни тоскливым, ни хмурым, ни ласковым, а именно причудливым. Первым это обозначило небо, нарядившееся в облака странной тарелкообразной формы. Облака были неподвижны; несведущий человек мог бы принять их за НЛО и перепугаться. Человек с воображением – представить в таких тарелках весь древнегреческий Олимп и тоже перепугаться.

Но Мстислав Месутов – биофизик, кандидат наук и младший научный сотрудник Института биологии знал, что это всего лишь лентикулярные облака – явление, хоть и редкое, но все же природное, а все, что относится к природе, может и должно быть изучено пытливым научным умом. Надо сказать, что ум Месутова был пытлив не только в науке. Тридцатишестилетний белокурый и чуть лысеющий биофизик был не чужд возвышенных сфер искусства. Он писал стихи и небольшие рассказы, музицировал на рояле и даже сочинял музыку! Правда, собственные композиции никому и никогда не играл, таил их даже от любимой жены и двух дочек.

Так вот, в этот причудливый день, когда над землей словно перевернули голубой таз с приклеенными к нему белыми тарелками, Месутов вдруг ощутил странное волнение. Так бывает или перед большой тоской, или большой радостью – душа замирала, но к добру или к худу – неизвестно.

«Свет из голубого окна льется», – вспомнились Месутову слова матери. Та была уроженкой дальней горной деревни, такие облака были там не редкость, но научного объяснения им никто не давал, а выражались кратко и поэтично: «Свет из голубого окна». Нечто подобное происходило сейчас с душой Месутова – словно открылось неведомое голубое окно, и оттуда хлынул свет.

В доме между тем полным ходом шли приготовления к праздничному обеду. Старшая дочка Месутовых – пятиклассница Дарина – стала победителем в математической олимпиаде и получила сразу две школьные грамоты: почетную и похвальную.

По этому поводу было решено устроить маленькое семейное торжество. Жена сновала из кухни в комнату, вынося закуски, зелень, сыр и свое фирменное блюдо – ля-пуле, представляющее собой фаршированную орехами и курагой курицу. На ее приготовление уходило не менее пяти часов, и жена Месутова – тоненькая веснушчатая блондинка – любила подробно объяснять, как она снимает с куриной тушки кожицу чулком, удаляет все кости, потом промалывает мясо в мясорубке, добавляет орехи, специи и сухофрукты и заполняет куриную кожу этим фаршем, придавая ей вид цельной курицы, а потом запекает. Родные и друзья давно выучили этот рецепт, но он повторялся всякий раз, и все понимали, что женщине очень хочется, чтобы ее похвалили за домовитость, и не просто так, а с вздохами, ахами и охами восторга. И честно сказать – на похвалы не скупилась – исходящее ароматом и золотистым свечением блюдо и впрямь было отменным.

– К столу! – веселый голос жены прервал меланхолию Месутова. – Нашу умницу поздравлять! Уже все готово!

За круглым столом на веранде загородного дома собрались шесть человек: семья Месутовых, отец и теща главы семьи. У дочерей Месутовых был один дедушка и одна бабушка. Летом не было ничего лучше, как собираться в загородном доме – гордости старшего Месутова, заслуженного инженера. Каждый камень в доме был уложен его руками или под его руководством, каждое дерево посажено им.

– Ну, как, хорош стол? – спросила жена Месутова. – И погода выдалась ласковая. Это в честь нашей умнички! Небо тоже поздравляет ее! А вы заметили, какие сегодня облака красивые?

– Лентикулярные, – серьезно ответил Месутов. – Да, редкое явление.

– Ты чего такой задумчивый? – улыбнулась теща. – Все хорошо?

Месутов уже хотел ответить, что, да, все хорошо, но его перебила четырехлетняя Тата – маленькое звонкое чудо с тугими кудряшками:

– А сто такое етикуайние? Сто, сто, сто? – как все избалованные и красивые дети, она хотела быть в центре внимания каждую секунду.

– А это, – пряча усмешку в усах, подхватил внучку на руки дед, – это такие красивые небесные оладушки. Вот как бабушка здесь готовит вам, а там точно такие, только большие и белые.

– А у неба тозе бабушка есть? Она тозе оладушки жайит? – Тата явно заинтересовалась небесно-кулинарным процессом.

– Конечно, есть, – стараясь быть серьезным, отвечал дед. – И бабушка, и дедушка, и папа, и мама.

– И Даля? – Тата называла старшую сестру только Далей! – И Компас? – махнула она рукой в сторону флегматичного белого кота, спавшего на ветке вяза.

– И Даля, – завершила ее бабушка. – И Компас. Ешь, егоза!

За столом смеялись, восхищались кулинарными талантами хозяйки дома, отчего она расцветала, прочили блестящее математическое будущее умнице Дарине, и Месутов улыбался, поднимал тосты за процветание семьи и здоровье близких, весело шутил, но все пристальнее вглядывался в незримый свет из голубого окна своей души.

«Вот, – думал он, – лентикулярные облака появляются, когда в атмосфере есть сильные горизонтальные потоки воздуха. Они образуют волны над горными или холмистыми вершинами. А еще они появляются, когда воздух насыщен влагой, и из-за непрерывной конденсации водяных паров облака не меняют своего положения и стоят в небе, как приклеенные. То есть существует какая-то точка предела, до которой перемена невозможна, и все идет, как должно, как и полагается. И на этом строится жизнь, как крепкий дом. А если эта точка предела пройдена? Что тогда?»

– Соль передай, пожалуйста, – жена озабоченно смотрела на свое фирменное ля-пуле. – Досолила нормально? Не пресно?

– Все отлично, – Месутов улыбнулся и машинально продолжил жевать.

– Тебе точно нравится? – подозрительно спросила жена. – Ты какой-то вялый сегодня.

– Все хорошо, – Месутов перехватил взволнованный взгляд тещи и улыбнулся еще шире. – Сегодня ты превзошла саму себя! Это пища богов!

Тревога в глазах погасла. Веселый смех и шутки вновь зазвучали за столом. Месутов смотрел на близких и думал:

«Что тогда? Наша жизнь несется дальше, и в ней каждому дано несколько поворотных моментов, когда можно изменить все. Меняются люди, бывает другая любовь и другая ненависть, мы можем изменить рацион, образ жизни, готовить вместо ля-пуле ля-утку или ля-шпинат, можем поменять места жительства, изменить наши искусства и умения, но хуже всего столкнуться с тем, что нужно менять все, чем ты жил, на что привык опираться. Как с облаками – изменится уровень конденсации водяных паров, и все: распадутся облака, и изменится картина мира. И тогда словно переворачиваются голова и душа, зачеркивается собственная жизнь. Мы все – воплощение идей, мы несем их с гордостью, мы уверены, что жизнь устроена именно так, как мы думаем, какой она должна быть. Мы верны своим идеям, мы следуем им, мы зависим от них, как лентикулярные облака зависят от конденсации паров, мы сами, в конце концов, – эти идеи, и когда мы вдруг понимаем, что все, чем мы жили, – ложь, вот тогда это настоящий ад, это огонь, который сжигает душу».

– Папа-а-а, – мелодичным колокольчиком прозвенел голос старшей дочери. – Почему ты так плохо ешь? Мама обижается.

– Я берегу себя для десерта, – нашелся Месутов. – Мама так вкусно готовит, что я боюсь лопнуть и не увидеть яблочного пирога! А я так люблю его!

– Ёпнуть! – взвизгнула Тата. – И я, и я! Я тозе хочу ёпнуть! С пиёгом!

– Лопните втроем, – вновь усмехнулся дед. – Не вертись! Будет вам пирог!

– Конечно, – возликовала жена. – Сейчас принесу.

– Я помогу – поднялась теща. Женщины скрылись на кухне.

– Сын? – Отец воззрился на Месутова.

– Все хорошо, папа. – За долгие годы жизни вдвоем, после смерти матери, они научились понимать друг друга с полуслова и уважали молчание друг друга.

«Огонь, который сжигает все живое, переворачивает все с ног на голову. А как же тогда свет из голубого окна, эти облака с их надежной неподвижностью? Она как обещание порядка, уюта, мира. Но ведь их не будет, когда точка предела будет пройдена. Нет! – чуть не воскликнул Месутов. – Только не это. Пусть будут поворотные точки, пусть будут даже точки предела. Но только пусть они будут к лучшему. Пусть не бьют по нашим душам, по нашей любви, по нашим близким, по всему, что нам дорого. Пусть они будут для новых идей, новой энергии, новых дел. Но только не для отчаяния. Пусть ничто не заставит нас отречься от самих себя, пусть не выворачиваются наизнанку души. Душа – не мясо для отбивных; если постоянно испытывать, бить и трепать ее, то лучше она не станет. Мы были, мы есть, мы будем – пусть будет жизнь, наша бесценная, единственная жизнь, как бы ни металась она по времени. И пусть вечно струится на нее свет из голубого окна – лентикулярные облака, пре-красные своей неподвижностью».

– Нет, ты какой-то и впрямь странный сегодня, – голос жены звучал встревоженно, в тревоге ее дрожала обида. – Надулся, не радуешься, нормально не ешь, с детьми и то не поговорил. Плохо себя чувствуешь?

– Я Даринке подарок приготовил, – выпалил Месутов и рассмеялся. – Музыкальный этюд. Называется «Свет из голубого окна».

– Что? – почти хором спросили жена, отец и теща.

– Вы же ворчали, что я вам никогда своих мелодий не играю. Вот сейчас сыграю. Специально к триумфу Дарины готовил!

Сказал и подивился сам себе: «Ай да Месутов, ай да враль». А вслух прибавил:

– Идемте в комнату, к инструменту.

Расселись чинно, как на концерте Вана Клиберна. Маленькая полукруглая комната будто предназначалась для рояля, он идеально вписался в сферическое углубление в стене.

– Эхе-эхе! – шутливо откашлялся Месутов и отвесил такой же шутливый поклон. Собравшиеся зааплодировали, а Тата так и вовсе готова была отбить себе липкие от пирога ладони. Месутов, словно фалды фрака, приподнял полы домашней куртки, уселся за инструмент и взял несколько нот.

Мелодии – ласкающей, нежащей человеческий слух, не было. Было несколько протяжных тонких звуков, словно кто-то невидимый посылал издалека узкие голубые стрелы, и они не рассекали, а трепетали в воздухе, как волшебные птицы. И все же это была музыка, ее первые шаги. А потом она сама – огромная, накрывающая пространство, хлынула прозрачной небесной волной. Обещала надежду, лелеяла сердца: «Всё ещё будет хорошо, всё, всё!»

И эти «всё, всё, всё» падали в тишину серебряными колокольчиками, уносили тревогу, дарили улыбки.

– Какой ты у меня талантливый! – жена горделиво окинула собравшихся.

– Папа-а-а! – с восторженным визгом повисли на отцовской шее дети, в глазах тещи читалось спокойствие: «Слава Богу, за хорошего человека дочь выдала, счастлива она». А отец...

Отец чуть шевелил губами, словно хотел что-то сказать и не мог. Наконец, произнес тихо, но в привычной для себя ироничной манере:

– Это ты сам?

Месутов кивнул.

– Назвал как-то?

– Да. «Свет из голубого окна» и...

– Смотрите! – прервал его крик жены. – Смотрите же!

Облака по краю окрасились во все цвета солнечного спектра. Теперь казалось, что в голубом тазу громоздятся не белые, а розовые, изумрудные, палевые, дымно-красные, вишневые и синие тарелки.

– Чудо какое... – выдохнули взрослые. Дети прыгали и прикрывали глаза рукой от света.

– Какое там чудо, – махнул рукой Месутов. – Обычное явление – иризация лентикулярных облаков. У них она бывает особенно часто. Кстати, ничего радужного такая радуга не предвещает, скоро дождь может пойти, так что не задерживайтесь особо на воздухе.

– Да ну тебя, умник, – усмехнулся отец. – Дождь еще будет или нет – не известно. А красота такая – вещь редкая и она уже есть!

И повторил, задумавшись:

– И вправду: свет из голубого окна. Лучше не скажешь!

Апрельская «невеста»

Быть, как стебель, и быть, как сталь.

Марина Цветаева

Некоторые люди не любят рассказы от первого лица. Считают их ... эгоистическими. Мол, все только о себе да о себе. «Я увидел, я помню, я стал свидетелем, я думаю», – все сквозь себя, любимого.

А мне они нравятся. Неспешные повествования от первого лица – в них слышится биение сердца. И это не только образное выражение. Все, что человек пережил или прочувствовал, живо и трепетно, а оттого и доверительнее. Не потому ли маленькие дети – безошибочные камертоны чувств, больше любят, когда им не читают, а рассказывают сказки. Книжный текст процеживается через голос родного человека, обретает новые краски и новое звучание, становится ближе и уютнее.

Как-то довелось мне услышать занятную теорию возникновения письма слева направо и справа налево. Так, согласно ей, письмо слева направо было посланием от сердца к миру, а справа налево – от мира к сердцу. Вряд ли теория была научной, но в поэтичности ей уж точно нельзя было отказать. От мира к сердцу – человек принимает душой радости и скорби жизни, чтобы сохранить их в своей памяти. И от сердца к миру – щедро делится своими мыслями, наблюдениями и впечатлениями с людьми. Что называется, от первого лица.

У нас с друзьями есть традиция... Нет, не ходить в баню 31 декабря, а время от времени устраивать вылазки куда-нибудь на природу, в лес ли, на море, к озеру, в горы. Встретить рассвет, полюбоваться на закат, затеряться в маках на лугу, нарушить сонную одурь какого-нибудь пруда, затянутого тиной, – все, что угодно, но лишь бы вырваться на день-два, не больше, из городских будней. Да и просто дорога – серая, бесконечная лента, шуршащая гравием и асфальтом под колесами машины, – разве не полна была очарования? С нее начинались наш отдых, наша отрешенность от забот, наше веселое дорожное счастье.

Но в этот раз дорожное наше счастье оказалось слишком уж озорным. Вернее, озорничали мы – четверо знакомых, сцепленных долгой связкой общения. Именно общения, а не дружбы, предполагающей более сильную, более глубокую душевную привязанность. Обратная сторона силы – боль. Такие крепкие узы, как дружба или любовь, при разрыве оставляют и крепкие раны. Но наше общение было необременительным, авантюрным и оттого чудесным. Мы даже называли себя в шутку – «четыре мушкетера». Только Атосом, Портосом и Арамисом были мы – три дамы: подруга, ее дочь и я.

А затюканным д`Артаньяном – единственный представитель мужского пола, наш милый спутник неопределенного возраста, потому как при вечернем освещении ему можно было дать не больше 25, а при дневном – все 40. Но от мушкетерской дружбы наше общение заимствовало главное – девиз «Один за всех и все за одного!», и придерживались мы его неукоснительно.

Д`Артаньян был затюканным оттого, что мы гоняли его нещадно! То хворосту для костра набери: «Ты же мужчина, не нам же, женщинам, валежник таскать!» То самовар громадный раздуй, то место для шашлыка оборудуй, то разведай у местного населения, где более или менее интересные достопримечательности, или более дешевые и качественные продукты.

Надо сказать, что д`Артаньян в отличие от своего гасконского прототипа не отличался хитроумием и даже не пытался улизнуть от наших поручений, но зато и за походным нашим столом мы ухаживали за ним наперебой! И первую чашку ароматного, настоянного на чабреце и мелиссе чая предлагали ему, и самые нежные и сочные куски шашлыка, обсыпанного луком и сумахом, придвигали.

Наевшись и напившись, д`Артаньян блаженно потягивался и, поддразнивая нас, заводил: «Если б я был султан...». Мы хохотали, дразнили его в ответ, и первые звезды, зажегшиеся на небе, кажется, завидовали и нашему смеху, и пузатому самовару, и кипарисовому дыму от костра. Он тонкой сиреневой струйкой поднимался вверх, словно дразня звезды: «Что, завидно?! Вам никогда не будет так тепло, как мне! Еще бы – я рожден земным огнем, а вы – всего лишь космосом!» Звезды в ответ на это нахальство лишь печально мерцали...

Но вернусь к тому, почему наше счастье в этот раз оказалось слишком уж озорным. Катя по безлюдной дороге, смеясь и в четыре глотки вопя «La camisa negra»¹, мы чувствовали себя пьяными от счастья и беззаботности. И счастье, что при этом подруга умудрилась не выпустить руля машины, – тут уже было бы не до песен!

Руль подруга действительно не выпустила, а вот с пути мы сбились. Сумерки быстро сгущались. Перспектива ночевать вместо хостела в чистом поле или на лугу нас не окрыляла. Романтика костра, шашлыка, самовара и кипарисового дыма – вещь, конечно, хорошая, но не на всю, еще довольно холодную, апрельскую ночь. Звезды, скорее всего, в этот раз взяли бы реванш. Они бы не печально мерцали, а злорадно мигали: «Вот вам! Будете знать, как дразниться!»

Навигатор, словно сговорившись со звездами, наотрез отказался подсказать дорогу. Он безбожно врал, предлагал сделать какие-то нелепые загогулины и объехать неведомые объекты. Промучившись так минут двадцать, подруга решительно заявила:

– Все! Больше не поеду. Тут, как мне говорили, недалеко какая-то деревня, сейчас свернем туда и в первом же доме попросимся на постой.

Моя подруга умеет быть стальной, когда считает нужным. Все наши попытки возразить, что это неловко, и не известно еще, примут ли нас, и вообще откроют ли дверь, разбивались о две ее непреложные доктрины:

– «Неловко» знаете что?..

И:

– За деньги любая дверь откроется!

Она притормозила у какого-то столба и, резким движением открыв дверь, зашагала в темень. Фонарик мобильного телефона освещал лишь небольшое пространство под ее ногами. Мы поплелись за ней.

Дорога была темной и мягкой, словно ступали мы не по земле, а по плюшевому одеялу. Впереди смутно виднелись очертания каких-то построек и деревьев, но, сколько было пройдено и сколько еще осталось идти, мы не знали. Слово исчезло само понятие пространства, и мы оказались в ином измерении – призрачном, немного

¹ «La camisa negra» («Чёрная рубашка») – очень задорная и ритмичная колумбийская песня.

жутковатом и... уютном. Это ощущение сбивало с толку, но и подбадривало. Уютом был пропитан воздух. Иное измерение пахло теплым хлебом, кислым молоком и яблоками – привычными и добрыми запахами человеческого жилья.

Пройдя еще несколько шагов, подруга постучала в деревянную дверь. Минут через семь она открылась. На пороге стояла женщина лет шестидесяти и настороженно вглядывалась в нас.

Подруга вкратце объяснила, в чем дело. Женщина слушала внимательно, чуть наклонив голову, потом кивнула и жестом пригласила войти.

Мы шагнули и... поплыли в кружевах. Даже в синей мгле отчетливо вырисовывались белые волны каких-то цветов. Цветущие кусты были повсюду. Дочка подруги громко восторгалась, мы тоже не удержались от восхищения.

– Это «невеста» цветет. Спирея по-научному. Время ей сейчас, – коротко бросила хозяйка, и в глухом ее голосе я уловила нотки гордости. Видно было, что человек она немногословный, но ей приятен наш восторг. – Осторожно, ступеньки, – предупредила она, и мы очутились в просторной прихожей с тремя полуотворенными дверями. Одна из них вела на кухню, другая в большую гостиную, а третья, темная и узкая дверь – в маленькую, словно кладовка, комнату. Дверь в нее хозяйка закрыла сразу же, как только мы вошли. От крашеных коричневых полов, кухонных полок, стола, дивана, табуреток, оконных рам и стекол исходил едва уловимый запах яблок. Везде царил особая чистота и аккуратность, какая встречается в домах степенных хозяек, давно и крепко наладивших свой быт и жизнь. В доме не было ничего «слишком». Ни яркого кричащего убранства, на которое иногда падки сельские кумушки, желающие, чтобы у них в доме было все, «как у городских». Ни живописной старины «в стиле бедности», типа ветхой мебели, закопченных горшков и застиранных занавесок с заплатками. Нет, все было тихо, просто и добротно. Пушкинская характеристика Татьяны Лариной: *«Никто бы в ней найти не мог, / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar»* как нельзя лучше подошла бы к этому дому.

В большой комнате хозяйка развернулась к свету, и мы, наконец, рассмотрели ее.

Это была моложавая женщина высокого роста с белым, очень гладким, но чуть припухшим лицом. Волнистые короткие волосы с сильной проседью обрамляли его. Сжатый маленький рот, небольшой круглый нос, мягкий подбородок. Но прежде всего запомнились глаза, вернее взгляд. Он светился из-под набрякших век, и странный блеск их напоминал тающие ледяные глыбы. Они еще хранят в своей глубине синеву, но поверхность уже рыхлеет и переливается оттенками серо-голубого, зеленого и желтого цветов. Серо-голубое домашнее платье простого, но изящного покроя сидело на ней ладно – обрисовывая фигуру, но не облекая ее. Вообще от всего ее облика веяло благородством и сдержанностью. Такие люди, как правило, предпочитают больше слушать, чем говорить. Они пытливы от природы, но без неряшливой настойчивости, отличающей любопытных людей.

– Спать можно здесь, – показала она на большую двуспальную кровать и небольшой диван рядом с ней. – А вам, – обратилась она к д`Артаньяну, – можно поставить раскладушку на кухне. Устроит?

Еще бы! Мы были рады свалиться и на полу, лишь бы уснуть. Подруга с дочкой заняли кровать, я устроилась на диване, а наш д`Артаньян с радостью обживал раскладушку.

– Умывальник и все удобства во дворе. Если чаю захотите или поесть – разогрейте чайник, а в буфете есть хлеб, в холодильнике масло, сыр, творог. Разберетесь. Нет, ничего не возьму, – властным движением отстранилась она от подруги, пытавшейся вложить ей в ладонь деньги за ночлег. – Вы сегодня мои гости. Чем богата, как говорится... За машину не тревожьтесь, у нас народ тихий, никто не тронет. Если по-

надобится вещи какие-нибудь сложить, то с полки уберите книги и гантели. Это внука моего, он приезжает ко мне летом, а сейчас они лежат без надобности. Ну, спокойной ночи.

С этими словами хозяйка скрылась за дверь, ведущей в маленькую комнату.

Подруга с дочкой уснули сразу. Немного поворочавшись на своем ложе, тоненько засвистел носом и д`Артаньян. С меня же, как это всегда бывало на новом и неожиданном месте, мгновенно слетел сон.

Лунный свет заливал комнату, струился в окно молочным потоком. Изогнутые ветви спиреи-«невесты» качались в нем, как маленькие лодки. От пола и дивана сильно тянуло яблоками, и я осторожно выскользнула в коридор и застыла там, босая, в квадрате лунного света на прохладном полу.

Удивительное чувство охватило меня. Казалось, у дома есть своя музыка, звучащая только в такие ночи, и сейчас она подхватит его и улетит в млечный поток.

Но дом, слава Богу, никуда не улетел, а тишина разорвалась не музыкой, а спокойным и чуть ироничным голосом хозяйки:

– Не спится?

Я вздрогнула и помотала головой.

– Не бойтесь, – усмехнулась она. – Я не кусаюсь.

– Яблоками пахнет, – пробормотала я. – С непривычки, наверное, не спится.

– Я в воду для мытья полов всегда яблочный уксус добавляю. Первое средство от паразитов и микробов. И запах приятный. У меня много яблонь, сад большой. Хотите яблочко? Правда, прошлогоднее, новый урожай только в июле. И то, это будут летние, скороспелки.

– Я люблю такие, – вырвалось у меня. – Они сочные, кисло-сладкие.

– Да? – улыбнулась она. – Я тоже. Ну, если захотите, то милости прошу летом. Полакомитесь на здоровье. Идите ко мне, раз уж не спите, а то простудитесь босая.

Мне никогда раньше, да и потом не приходилось видеть таких комнат. Она была... парящей. Это определение не пришло, а мгновенно врезалось в мой ум, как только мы переступили порог.

Жемчужно-белыми были деревянные стены, покрывало на узкой кровати, платяной шкаф, накидка на кресле и маленький журнальный стол. Мягкий свет струила лампа под молочным абажуром. Будто хозяйка бережно, день за днем собирала жемчужное ожерелье. А самой ценной жемчужиной в нем был портрет молодой женщины на стене. В лице ее угадывались черты хозяйки.

– Это вы? – осмелилась спросить я.

– Если бы, – коротко засмеялась она. – Эта та, на которую я хотела быть похожей всю жизнь. Но не получилось. Это великая балерина Галина Уланова. Мне говорили, что я лицом немного похожа на нее.

– Вы занимались балетом? – какая-то сила заставляла меня задавать вопросы!

– Нет. Но увидела однажды по телевизору спектакль с ее участием и поняла, что это самое лучшее, самое высокое, что есть во мне. С тех пор и заболела балетом, вернее танцем Улановой. Ее Джульеттой в «Ромео и Джульетте», Жизелью, Золушкой. Сначала муж и дочка, а потом и зять, и внук подсмеиваются надо мной, говорят, что я как зомбированная, когда по телевизору Уланову показывают. А я на них не обижаюсь. Должно же у человека что-то для себя, для души оставаться? Верно?

Я кивнула.

Хозяйка резким движением запахнула халат и указала мне на кресло:

– Садитесь.

Чувствовалось, что человеку очень хочется рассказать о том, что ему дорого.

Полночи, половину дивной молочной ночи хозяйка, имя которой я так и не удосужилась спросить, ткала передо мною свою любовь. Иными словами нельзя было бы выразить ее рассказ.

– Знаете, на что был похож танец Улановой? – чуть захлебываясь, словно боясь, что ее перебьют, говорила она. – Вы видели когда-нибудь, как растет ландыш? В самых глухих и тенистых местах леса, около прудов. Будто скрываясь от глаз. И то, цветы его до поры до времени укрыты широкими листьями. А потом они словно взлетают из зеленого ложа и парят над ним. Как маленькое жемчужное облако. Вот так танцевала Уланова. Прозрачно, хрупко, словно нежный цветок, который в любую секунду растворится в воздухе. Тающая мечта, неуловимая, прекрасная, трепетная. И такой же утонченной и недостижимой была в жизни. Ее даже называли «Великой немой». Она словно стеснялась жить, быстро пробегала по коридорам театра, чтобы только не встретиться ни с кем взглядом. И до конца жизни, до 88 лет, всегда в перчатках и на каблучках, словно парила над землей.

Я вспомнила все, что читала об Улановой. Сведения были разными – от бесконечно хвалебных до странных и печальных, особенно в конце жизни балерины. Но сейчас, в эту молочно-лунную ночь ворошить горькие страницы чужой биографии не хотелось.

– Имя «Галина» означает «тихая», – заметила я. – Может, оно и определило характер?

– Может, и так. Но при этой хрупкости в ней чувствовалась стальная воля. Век на ее долю выпал нелегкий. Да еще и в театральном мире интриг хватает. Но за всю жизнь она ни о ком дурного слова не сказала, никогда. А это дорогого стоит.

Хозяйка умолкла, потом подняла на меня глаза. Взгляд ее был чистым, промытым изнутри любовью.

– А знаете, что самое трогательное?.. Ведь люди, которые ее не знали и даже на сцене не застали, а видели только по телевизору, считали близкой, своей. Письма от простых людей со всех уголков страны шли в ее дом. Ее искусством измерялись чистота и правда.

Она вдруг легко поднялась, подошла к шкафу и вынула из него жестяную коробку.

– Я здесь собирала вырезки из газет и журналов. Все, что находила об Улановой. И смотрите, вот самое дорогое.

На стол скользнула газетная вырезка. Прочитать ее было невозможно, настолько она истрепалась. Но хозяйка знала содержание наизусть.

– Это газета от 9 мая, а год уже не помню. Воспоминания двух ветеранов войны. Один рассказывал, что в какой-то деревне, отбитой у немцев, нашли портрет Улановой, пробитый пулей. Подняли его, поставили на столик в землянке, и каждый день клали рядом полевые цветы. А второй по имени Августин рассказал потрясающую историю о том, что он и двое его друзей-ленинградцев были влюблены в искусство Улановой. Уходя на фронт, они записали ей на магнитную пленку письмо, в котором были строки: «Будем воевать за вас». И отослали ей.

Но вернулся с войны только Августин, друзья его погибли. И тогда он решил увидеть ее во что бы то ни стало. Ходил около ее дома, не решаясь зайти даже в подъезд. Она ведь слыла затворницей, попасть к ней в гости удавалось не каждому. Но все же они встретились. И выяснилось, что то письмо Уланова бережно сохранила. Тогда Августин показал ей планшечку, в которой было три фотографии: матери, невесты и ее, Улановой, в роли Марии из «Бахчисарайского фонтана». Она была символом того, за что они сражались, – чистоты, высоты и мечты.

Ночь близилась к концу; лунные тени позеленели, и ветви спиреи в саду ходили уже не на лодки, а на морскую пену.

– Я вас утомила, – спохватилась хозяйка. – Вы так и не уснули. Но сейчас пять часов, ваши проснутся, наверное, не раньше девяти. Идите к себе, отдохнете немного, утренний сон самый сладкий. А я завтрак приготовлю. Люблю, когда у меня гости!

– Красивые у вас цветы. Очень.

– Да? – Это второе «да» из ее уст прозвучало куда более молодо и кокетливо, чем первое. – Это моя гордость. Скрещивала несколько сортов спирей, прививала ветки с разных кустов, и, наконец, получилось. Такая вот красавица – апрельская «невеста». Это в народе спирею так называют – «невеста», оттого, что она вся цветами, как кружевной фатой, накрыта. Обычно она в июне-июле цветет, а мне хотелось ранний цвет – когда сад еще черный, голый и только эти кусты цветут, словно летят над землею.

– И название, наверное, придумали новому сорту, – усмехнулась я. – Дайте, угадаю. «Улановка»?

Она метнула на меня быстрый взгляд.

– Угадали. Ее именем и тюльпаны называли, и звезды, а я мечтала новый сорт ландышей вывести и назвать в честь нее. Но с ландышами не получилось, не любят они в саду расти, а вот с «невестами» – да. Лишь бы после меня за ними присматривали, да и за яблонями тоже, – прибавила она задумчиво. – Чтобы с землей возиться, ее любить надо, а мои не очень любят.

– Ну, может, будут еще, не расстраивайтесь раньше времени.

Она промолчала. Небо уже посерело, а над влажной землей в саду поднимался легкий пар.

– В апреле земля преет, – отозвалась хозяйка. – Скоро с яблонями работать – где подкопать, где побелить, подрезать-подвязать. Да и с ними, – махнула она в сторону «невест», – тоже повозиться придётся. Чтобы цвели пышно и долго.

– Знаете, – вдруг вырвалось у меня, – мне сейчас вспомнился один французский фильм, «Все утра мира». В нем учитель спрашивает ученика: «Для чего нужна музыка? Тот отвечает: «Для звука, для славы, для любви, для молчания». Но все не то. И, наконец, ученик, отчаявшись, говорит: «Может быть, музыка нужна для того, у кого кончились слова, ради потерянного детства или ради времени, которое было до нашего рождения, до того, как мы начали дышать или увидели свет». И видит в глазах учителя слезы...

Может быть, это действительно так? А танец Улановой – это предтеча неведомого, свет, который только предстоит увидеть, или вот эти «невесты» над черной землей. А?

– Как вы сказали? «Все утра мира»? – помолчав с минуту, откликнулась она. – Если смогу, посмотрю. – Ложитесь, отдохните, а то завтра разморит в дороге.

И, резко развернувшись, скрылась в своей комнатке.

Мы встали к 10. На столе нас ждал завтрак: сырники со сметаной, масло, сыр, хлеб, чай и варенье из райских яблок. Подруга еще раз попыталась вложить в руку хозяйки деньги за ночлег, но та метнула на нее такой синий льдистый взгляд, что подруга отступилась.

Зато уж в машине ее ворчанию не было предела!

– Не люблю быть должна, – бурчала она. – С какой стати она должна была нам предоставлять ночлег, а потом еще кормить завтраком и ничего за это не брать... Разберите уж вы свои доли, – кивнула она мне с д. Артаньяном.

– Да будет тебе, – благодушно мурлыкнул д. Артаньян. – Женщина нам услугу оказала и денег не взяла, чем плохо? Надо было адрес взять, в следующий раз можно пряником к ней заехать, остановиться.

– Не буду! – отрезала подруга. – Не могу я так. Мне легче четко договориться с хостелом об оплате, внести ее и не быть обязанной никому. Не хочу!

Машина чуть покачивалась на ходу, и дочка подруги прижимала к себе букет спирей. Точно такой же букет, уже мой, завернутый во влажную газету, лежал на задней полке около окна. Хозяйка вручила нам их перед отъездом.

– У меня их все равно тьма, – сказала она, почему-то смутившись. – Только не знаю, довезете ли до города. Они такие нежные и быстро никнут, словно тают.

– А, может, не растают? – ответила я. – Это же сорт «Улановка» – хрупкость и сталь. Может, и довезем до города.
Хозяйка улыбнулась. И, садясь в машину, я скорее угадала, чем расслышала:
– Приезжайте еще!

Орден сорокаминутного рассказа

*В многозвездную полночь раскрыто большое окно,
От вишневого белого цвета во тьме не темно.
На полмира гремит не привыкший к покою рояль,
И на каждый аккорд всей душой отзывается даль.*

Лев Озеров

На двери дома № 46 по улице Т.Костюшко красовалась табличка. Красовалась, потому что по сравнению с серо-голубой выцветшей и выщербленной деревянной дверью была поистине роскошью. Оранжево-золотая, блестящая, она важно распускала свои лучи, и каждый из них будто вещал: «Смотрите, какие мы красивые, какое сияние мы излучаем». Сама дверь рядом с табличкой выглядела чужакой Золушкой возле нарядных сестер. Ей словно было стыдно за свой затрапезный вид. Впрочем, как знать... Может, втайне она гордилась этой неказистостью, предчувствуя деревянной душой своей, что придет время, когда облупившаяся краска, и скрипучие, потертые доски будут называться броским словом «винтаж». И что тогда наглая яркость таблички по сравнению с тихим благородством винтажа? Так, кимвал бряцающий!

Но до признания тихого благородства еще надо было доскрипеть, а пока приходилось терпеть соседство с наглой оранжевой выскочкой. Та же, видно, от сознания собственного величия сверкала еще больше. Крупные золотые буквы на ней извещали мир, что за этой обшарпанной дверью живет профессор музыки Антон Рымник и что он дает частные уроки четыре раза в неделю с 11.00 до 17.00 по классу фортепиано.

Надпись ниже буквами помельче гласила: «Приводить мальчиков на прослушивание с 10 до 13.00 в свободные от уроков дни».

И под этой строчкой совсем маленькими, словно пугливыми буквами вилась надпись: «Убедительная просьба девочек не приводить».

Во времена нынешние эта фраза могла бы пробудить нездоровые ассоциации, но раньше ничего, кроме удивленного интереса, она не вызывала.

Когда у достопочтенного профессора спрашивали о причине столь явной «нелюбви» к девочкам, он разражался страстной речью. О, филиппики Цицерона ничто в сравнении с нею!

– Вы не понимаете! – кипятился профессор, и короткие волосы его, разделенные безукоризненным пробором «бабочка», начинали смешно топорщиться. – У девочек слабые руки, а музыка, как хлеб, требует сильных рук и точного удара. Лучшие пекари – мужчины, у них руки в мозолях от теста, но хлеб, вымешанный ими, воздушен. Он словно поёт, исходя хлебным духом, и дарит райское блаженство. Такой хлеб не едят, но кромсают, а преломляют и вкушают!

И то же самое с музыкальными инструментами. Послушайте игру мужчины и женщины на рояле, на скрипке, гитаре, на любом инструменте, и вы почувствуете колоссальную разницу. Женщина исполняет произведение, мужчина извлекает голос из самых глубин инструмента, заставляет петь его душу. И не женщина в этом виновата, природа так распорядилась! Руки у мужчин сильнее, и они правят музыкой, как опытные возницы повозкой. Кони сразу чувствуют, слабая или сильная рука держит поводья, – так и инструмент сразу покоряется крепким пальцам и рождает полный роскошный звук.

– Но, – робко пытался возразить неосторожный собеседник, – ведь есть же инструменты, на которых играют только женщины. Арфа, например...

– Вздор, дорогой мой, вздор! – взвизывался профессор. – Это потому, что нет мужчин-арфистов. Были бы, – я уверен, – вы сразу почувствовали бы разницу. Музыкант должен управлять инструментом, а не наоборот!

Переспорить его было невозможно. Да и пресекались любые попытки это сделать. Профессор откидывался на спинку стула и начинал опасно раскачиваться на двух его ножках. При этом глядел на собеседника так победно-невинно, что тому ничего не оставалось делать, как замолчать.

Профессор музыки выглядел скорее как офицер германского генерального штаба. Подтянутый, молодцеватый, в безупречно сидящем сером костюме, в сорочке, застегнутой до последней пуговицы, туго затянутом галстуке, он двигался ритмично и четко, словно отсчитывал удары метронома. Лицо его...

Впрочем, оно заслуживает отдельного описания.

Есть лица словно живая иллюстрация стихотворной строчки: *«Другие, как башни, в которых давно/ Никто не живет и не смотрит в окно»*. Лицо профессора было именно такой башней. Узкое, словно состоящее из одного профиля, с пронзительными черными глазами, настолько маленькими и глубоко посаженными, что запоминался только взгляд, который они метали из глубины глазниц. Взгляд, единственный, оживлял серое пространство лица: тонкий хрящеватый нос, поджатые губы, острый, как тесак, подбородок с неожиданной мягкой ямочкой посередине. А безукоризненно прямой пробор, деливший пепельно-серые волосы на два идеальных полукруга, довершал образ – педант-математик, знающий цену словам и действиям.

Ученики от профессора ... выли! В прямом и переносном смысле! Методы преподавания были жесткими. Антон Эдуардович не чурался и физических мер воздействия! Особо нерадивые или туповатые ученики быстро знакомились со знаменитой логарифмической линейкой профессора. Стоило им несколько раз запнуться на каком-нибудь трудном пассаже, как линейка со свистом рассекала воздух и опускалась на руки исполнителя. Не слишком больно, но ощутимо. Маленький музыкант глотал слезы, а профессор продолжал невозмутимо отсчитывать такт:

– И –раз, и –два, и –три – си бемоль! А теперь сначала! Я сказал: «сначала»!

Ученик косился на пожелтевшую линейку, которой профессор размахивал, как дирижерской палочкой, и снова вгрызался в непослушный пассаж.

Линейный метод действовал, пока чертов этюд не исполнялся так гладко и гармонично, что профессор прикрывал глаза и расплывался в улыбке. Потом хмыкал удовлетворенно и бормотал, что порой именно битье определяет сознание!

Когда жена робко пеняла ему на недемократичность, он отрезал непререкаемо:

– Демократии в моем доме не бывать. Потому что! Без всяких потому! Где есть демократия, нет порядка! Где нет порядка, льется больше слез и крови!

От этих слов воздух в доме сгущался, как холодец, и казалось, что профессор режет его большими серыми ломтями.

О жестких методах преподавания родители учеников знали, но все же упорно доверяли только Рымнику. Никто, как он, не мог поставить руку будущим пианистам и привить основы музыкального образования.

– К тому же, – порой вздыхали родители, – с нашими оболтусами только такой строгий учитель и справится. Одними у-тю-ти-путями всесторонне развитую личность не воспитаешь!

Справедливости ради надо сказать, что методы «ставления руки» тоже были довольно зверские и напоминали старинный жестокий и действенный способ обучения плаванию, когда ребенка пяти-шести лет вывозили на лодке на середину реки и бросали в воду, приговаривая: «Плыви, как знаешь!»

Бедный ребенок с выпученными глазами, захлебываясь от воды и ужаса, что есть сил молотил руками и ногами, пока не доплывал до лодки. Ему давали немного передохнуть и снова бросали в воду. Так продолжалось до тех пор, пока движения не становились уверенными и спокойными. Тогда обучение можно было считать окончанным. Навык к плаванию каменно отпечатывался в мышцах рук и ног, в правильном дыхании и распределении сил.

Профессор музыки Антон Рымник поступал примерно так же!

Прослушивание новичка происходило так.

Профессор пристально вглядывался в потенциального ученика и выдерживал театральную паузу. Затем предлагал повторить несложную музыкальную фразу, чтобы проверить слух. Если бледному от страха ребенку удавалось пролепетать нечто похожее, профессор растягивал губы в улыбке и изрекал глубокомысленно:

– Надо думать, что из тебя можно сделать толк. – И дальше, обращаясь уже к не менее перепуганным родителям:

– Ну, хорошо. Я возьмусь сделать из него нечто обнадеживающее. Ваше дитя будет понимать в музыке!

На первом уроке профессор небрежно хватал детскую кисть и бросал ее на клавиатуру.

– Легче! Легче, тебе говорят! Держи руку свободной, все делай легко! Представь себе, что ты бабочка и летаешь по клавишам. Что ты вцепился в них, как клещ в собачью морду? Порхай, лети, музыка – это аэроплан, а не танк! Рука должна ткать мелодию в воздухе, а у тебя она гроыхает, как ржавый железный шкаф. К музыке надо подходить бережно, предвкушая счастье, и тогда оно откликнется тебе. Ты меня понимаешь? Легче, говорю тебе!! – голос профессора срывался на крик.

Первый год ученичества был для детей сущим адом. Многие не выдерживали, слезно молили родителей забрать их от злодея-профессора и потом забывали музыку, как страшный сон. Но те, кто выдерживал год...

О, те, кто выдерживал этот год!..

Пролив океаны слез и ругая на чем свет стоит учителя, они с удивлением обнаруживали, что руки их обретали волшебную легкость и воздушность. Что худые мальчишеские пальцы, упрямо соскальзывающие с непослушных клавиш, наливались силой и уверенностью. Что глаза, до сих пор напряженно вглядывающиеся в клавиатуру и готовые излиться влагой при каждом окрике, могли, наконец, прикрыться веками и созерцать рождение музыки – самого изысканного чуда на свете. Она ткалась в воздухе невидимыми нитями-звуками, и дивные эти нити создавались ими – бывшими неумехами-учениками.

Учитель слушал такую игру, наклонив голову и держа логарифмическую линейку параллельно лбу. Когда стихали последние звуки, и он, и ученик сидели несколько секунд молча, потом профессор вытирал тыльной стороной ладони лоб и объявлял задумчиво:

– Надо думать, из тебя все-таки вышел толк. – Затем кричал в коридор жене: «Чаю нам!» и, подойдя к роялю, произносил коротко:

– Пс-сст!

На профессорском языке это означало: «Прочь от инструмента, теперь я буду играть!»

Такой награды достаивались немногие и не сразу. Ученика словно вихрем сдувало от рояля.

Играл профессор всегда одно и то же – «Элегию» Рахманинова. Играл так, словно погружался на дно души и плыл в ее звездных глубинах. И с последним аккордом обретал обновленную, омытую звездами душу.

Ученик и супруга профессора слушали замороженно, пока этот последний аккорд не растворялся в стенах.

А потом профессор осторожно, словно на ощупь, начинал рассказывать о Рахманинове. И с каждой фразой воодушевлялся все больше, словно играл доселе неслыханную и никогда не написанную, но самую прекрасную пьесу композитора.

– Вот, – начинал он, откашлявшись. – Есть два антипода музыки – Скрябин и Рахманинов. Первый весь в небе, в полете, в мажоре. Под конец жизни он вообще отменил минорные ноты в своей музыке. И вся она была пронизана светом, огнем, пламенем, даже в названиях своих работ использовал слова, связанные со светом. О нем поэт Бальмонт сказал: *«Завихрил лики в токе звуковом. Они светились золотом и сталью»*. У Скрябина руки, будто феи, танцевали над клавишами.

А Рахманинов, наоборот, весь в глубине, низине, в земле. Он словно месил клавиатуру, вспахивал ее, как грабарь землю, и она становилась легкой и послушной и подавала ему свой голос – чистый, пряный, густой, неповторимый голос глубин человеческой души.

А какие у него были руки – жилистые, сильные, обмолоченные музыкой, прекрасные руки творца! Он и хозяйственником был крепким, любил землю, отдыхал, трудясь на ней, разводил сады, выписывал из-за границы самые современные агротехнические устройства.

Профессор увлекался и рассказывал ученику чуть ли не добрую половину биографии любимого композитора. Говорил о нем, как о самом близком и дорогом человеке – трепетно и нежно. И лицо его в эти моменты не походило на башню, в *«которой давно никто не живет и не смотрит в окно»*.

Давно уже истекло время урока, в просторной рымниковской прихожей стояли другие ученики, которых тихонько, чтобы не сбить вдохновенную речь, впускала жена профессора.

Наконец, профессор уставал. Погружался в кресло и словно сразу обмякал. Тело утрачивало стальную пружинистость, он слабо махал рукой, делая ученику знак уйти, и прикрывал ладонью глаза.

Хозяйка так же тихонько выпроваживала мальчика и, наклонясь к его уху, шептала:

– Ты молодец! Умница! Антон Эдуардович очень доволен тобой.

Счастливец, не совсем веря своим ушам, поднимал на женщину удивленный взгляд. Тем же удивлением, но уже разбавленным завистью, были полны взгляды стоявших в коридоре!

– Чему ты удивляешься? – продолжала жена Рымника. – Не слышал разве, про Рахманинова сорок минут тебе рассказывали! А это многое значит!

Кавалер Ордена Сорокаминутного Рассказа, не помня себя от радости, сбегал по крутым лестницам профессорского дома, а хозяйка, улыбаясь, входила в комнату.

– Что ты ему сказала? – Голос профессора был бесстрастен, как обычно, а лицо снова напоминало нежилую башню.

– Ничего особенного. Что ты очень доволен и удостоил Ордена сорокаминутного рассказа!

– Ну, и правильно! Из мальчика выйдет толк. Заводи следующего! – И, заметив вопрошающий взгляд жены, успокаивал:

– Не тревожься. Второго Рахманинова сегодня не будет! Они не так часто случаются!

ВАЛЕРИЙ СЛУЦКИЙ

СЛУЦКИЙ Валерий Александрович Родился в 1954 году. Жил в Ленинграде. Окончил ЛГПИ им. Герцена.

Был участником легендарного литературно-художественного сборника неофициальных литераторов «Круг», выпущенного объединением «Клуб-81» (изд-во «Советский писатель», 1985 г.), публиковался в поэтических сборниках, в том числе, в ежегоднике «День поэзии». В 1988–1990 годах заведовал отделом поэзии журнала «ВЕК» («Вестник еврейской культуры»).

Автор сборников стихов «Стихотворения 1970–1977» (2002), «Omnia» (1993), «Новый век» (2002), сборника переводов «Из еврейской поэзии XX века» (2001), а также книг «Азы достоверного смысла» (2005), «Школа стихо-творения» (2009), философских эссе «Третья определенность» (2006). Участник сборника «Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли» (Бостон, 2018).

С 1990 г. живет в Израиле (поселение Кдумим).

В последние годы стихи и переводы публиковались в журналах «Времена» (США), «7 искусств» (США), Иерусалимский журнал, сборнике «Год поэзии 2023» (Украина) и др.

«Нет «смысла жизни», смысл – она сама».

Предваряя стихи Валерия Слуцкого, хотела бы обратить внимание читателей на их своеобразие. Это стихи, «обнимающие» жизнь в ее противоречиях и гармонии, имеющие характерную интонацию, содержащую оттенки грусти, печаль, но ведущие к светлой перспективе через осмысление того, о чем говорится в стихотворении.

Не погружая читателя в пучину неуправляемых эмоций, поэт как будто выступает с позиции стороннего наблюдателя, который стремится:

*...видеть отвлеченное в буквальном,
Буквальным в отвлеченном дорожа.*

Поэзия Валерия Слуцкого касается глубинных переживаний человека, его отношений с собственной судьбой. Даже когда кажется, что речь идет о простых вещах, он склонен к философским обобщениям, которые прочитываются в кадансе – конце стихотворения. Поэтическое мастерство Валерия Слуцкого также проявляется в красоте образов, слаженности рифм и ритмов, что помогает читателю обрести равновесие, преодолеть драматизм описываемых переживаний.

Например, в стихотворении «Время берет свое, числившееся моим», в котором вспоминаются дорогие подробности жизни из точки, близкой к ее завершению, печальная ретроспекция оборачивается светлой надеждой:

*...надежда на лучшие времена,
Списана – это себе оставь.*

Т.е. стремящаяся к завершению жизнь все равно оставляет упование «на лучшие времена», при этом каждый читатель волен понимать слова «лучшие времена» по-своему.

Характерные для поэзии вообще размышления о смысле жизни поэт раскрыл в стихотворении «Земную жизнь пройдя до...», частично процитировав в первой строке Данте. Валерий Слуцкий выразил свое видение иначе и почти формульно:

*Нет «смысла жизни», смысл – она сама,
Как блага нет в ней, жизнь сама есть благо,
Которой данность – пробник для ума
В реальности святилища и флага.*

Жизнь – бесценный дар, благо, омраченное конфликтами, религиозными и политическими, но в конце стихотворения выражена вера в лучшее:

*Бог даст, очнемся в будущем. Каком?
Его помыслить нет первопроходца,
Но только всеми враз и целиком
Само каким-то образом поймется.*

Человечность – важнейшая тема стихотворений Валерия Слуцкого, основа и опора жизни, создающее начало, единственное, что способно объединять людей разных конфессий и политических взглядов. Человечность необходима всем и каждому.

*Начинаешь день с шага к столу под кроной,
Продолжая последующими «надо»,
Защищен, как в боевике, круговой обороной
Человечности творящего взгляда.*

Не менее значим путь человека от переживания ошибок к их осмыслению.

*По жизни из запомнившихся фраз
Одна, как путеводная звезда –
Не я, так кто? И если не сейчас,
Когда?*

Валерий Слуцкий пишет о глубинных материях, которые мало раскрыты в поэтическом опыте, хотя именно поэзия, какой, как известно, написаны многие священные тексты и, конечно, молитвы, может метафорически ответить на сущностные вопросы.

Его поэзия – новое слово, пишущееся не ради перманентного смакования одних и тех же эмоций, а для постижения жизни, ее основания и значения.

В ироническом стихотворении «Ты запустил насущные дела, –
Читаю беспощадный взгляд развала...», условный герой отвечает:

*Не путай с сутью слабость человечью.
Сперва порядок в мыслях. Верь в меня.*

Здесь, как и в других стихотворениях Валерия Слуцкого, выражены не только чувство или настроение, но дан проясняющий посыл, оборачивающий читателя к собственному внутреннему миру и побуждающий к размышлениям.

Елизавета Стрепетова

**По жизни из запомнившихся фраз
Одна, как путеводная звезда –
Не я, так кто? И если не сейчас,
Когда?**

**Ячейками злопамятного сита
Отсеивая добрые дела,
Оправдыванья память отмела.
И только в чем повинен не забыто.**

**Не я, так кто (не дал себе труда)
Мог различить страданье и причуду
Равно понять, где прихоть, где нужда...
И если не сейчас прощенным буду,
Когда?**

17-18.2.2022

**Время берет свое, числившееся моим.
Всё учтено, – говорит, – поищи, пошарь.
Ведомству «Жизнь» (договор, де, неотменим)
Взятый верни по описи инвентарь.**

**Ножики, прописи, с цаплями буквари,
Всю (сгодится другим) детскую чепуху,
Школьные «до парадной», скрипучие фонари,
Твой трамвай-троллейбус, пальто на рыбьем меху.**

**Клавиши пишмашинки, пепельницу, в пазы
Вещного ритма подобранные слова,
Чувство значимости, окрыляющие азы
Смысла, листы под копирку, читаемые едва.**

**Что хотел не усилием – явочным взять путем,
Дружбы, застолья, ёлочные огни,
Перемены к разному, возвращай, зачем,
Сокровенное, светлое не забудь, верни.**

**Откровение ясности, «лехаим» с отцом,
На шкафу без надобы тиражи,
Опустевшую будку под разросшимся деревцом
Как домашнее к прочему приложи.**

**Где и кому помог, перед кем вина...
Стоп...погоди... дальше – никчемность, ржавь,
То бишь, надежда на лучшие времена,
Списана – это себе оставь.**

19-21.3.2022

«Земную жизнь пройдя до...», скажем так,
До точки «не становимся моложе»,
Взираю без панических атак
На божий мир с творящимся «о Боже!»

Дивиться злу не позволяет вкус,
С безумьем спорить – опытность на страже:
Неси, мол, свой, тебе посильный груз
С готовностью – чем дальше в лес, тем гаже.

Нет «смысла жизни», смысл – она сама,
Как блага нет в ней, жизнь сама есть благо,
Которой данность – пробник для ума
В реальности святилища и флага.

Бог даст, очнемся в будущем. Каком?
Его помыслить нет первопроходца,
Но только всеми враз и целиком
Само каким-то образом поймется.

7-13.4.2022

Открывая глаза, говоришь себе: чудо! чудо!
Ты, отпущен сном, вернулся к себе и к людям,
К завереньям жизни, обнадеживающим «покуда...»,
К полюсам гаданий, из коих о коих судим.

Начинаешь день с шага к столу под кроной,
Продолжая последующими «надо»,
Защищен, как в боевике, круговой обороной
Человечности творящего взгляда.

Над провалами наводишь мосты словами,
Через зыби разностей – переправы,
Чтобы выразить ближним: я согласен с вами.
В полагании «быть» мы соборно правы.

8.10.2022

Край облака пылающим зигзагом,
Которым зыбь листвы рассечена,
Мое вниманье, в пику передрягам,
Перенаправив, держит у окна.

Не то что бы в ответ на воспаренья,
Нанесшие разумному урон –
Предъявлена буквальность озаренья
Небесным блеском высвеченных крон.

Не прочат просветленность высь и даль нам,
Не требуют пути и этажа,
Но – видеть отвлеченное в буквальном,
Буквальным в отвлеченном дорожа.

8-9.10.2022

Громыхает с оттяжкой гроза,
Проча град, но пока – вхолостую,
Где уже опасаясь за
Крышу дома, как парус, крутую.

Ураган не заряжен дождем,
У него на раскачку неделя,
За какой (не сказать: «переждем»)
Обречет на полгода безделья.

Рукомесла наружные брось,
Не успев завершить до потопа.
И живи с недостроенным врозь,
Зря в окно, как в глазок перископа.

Возвращай (накопились) долги
В части нерукотворного, коим
Мост спасенья (потоп помоги!)
Через бездну безумия строим.

26.10.2022

С пистолетом, ненужным покуда,
Сейф, над коим, изысканный столяр,
Не в пример (рукотворное чудо)
Боевому – дуэльный пистоль.

С дуговой рукояткой вещица,
Молоточным захватом кремня,
Он к тому, чего нет, приобщиться
Призывает, волнуя меня.

С безобидной глазницею дула,
Шестигранною ковкой ствола...
Лишь дознайся – была и минула,
Та реальность иль быть не была?

Кто им целил в стоящего боком,
Где отмерен шагами барьер?..
Знать о том, чего нет, и далеком
Может с точностью лишь легковер.

Не рождается истина в спорах,
Назначение версий – отпасть,
Кроме ясности – вспыхивал порох,
Как задетая искрою страсть.

30.10.2022

Ты запустил насущные дела, –
Читаю беспощадный взгляд развала, –
Не просто куча – куча-немала,
Такого (всё случалось) не бывало.

Тебя, как ты – развал, не разберёшь,
К каким от дел утащен эмпиреям?
Досадной отвлеченностью похож
На тронутого ямбом и хореем.

«Мне нелицеприятное вменя, –
Я совестливо ближнему отвечаю, –
Не путай с сутью слабость человечью.
Сперва порядок в мыслях. Верь в меня».

7-8.11.2022

НИЗАМИ ТАГИСОЙ

КЕМЕЛЬ ТОКАЕВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В XX веке казахский народ подарил национальному художественному слову таких ярких и неординарных творческих личностей, как Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансуров, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Беимбет Майлин, Гали Орманов, Такен Алимкулов, Габит Мусрепов, Ильяс Есенберлин, Оралхан Букеев, Абдижамил Нурпеисов, Ануар Алимжанов и мн. др., каждый из которых внёс значительную лепту в развитие художественно-философской мысли и национального эстетического слова. В этом ряду одно из доминирующих мест занимает и творчество не менее популярного писателя Кемеля Токайулы Токаева (1923-1986 гг.). К.Токаев вошёл в историю родной культуры как редактор нескольких изданий и оригинальный писатель.

Как нам известно, тюрки, в особенности тюрки-кипчаки, всегда с большим уважением относились к этногенезу и истории своих предков. В этом плане отметим, что Кемель Токаев происходил из рода Кушик племени Жалайыр Старшего жуза.

В годы коллективизации семья Кемеля Токаева была вынуждена покинуть родину, чтобы избежать голодной смерти.

Вот что пишет Президент Республики Казахстан Касым Жомарт Токаев в своей книге «Слово об отце»: *«На семейном совете было принято решение добираться до города Фрунзе с тем, чтобы переждать там тяжёлые времена и попытаться спастись от голода, буквально косившего казахские поколения.... Путь до Фрунзе был долгим и многотрудным».*

Во Фрунзе отец Кемеля Токаева договорился с русской семьёй о том, чтобы семья пожила некоторое время взамен на тяжёлую работу по уходу за хозяйством. В 1933 году в их крохотную мазанку пришла беда – сестренка Кемеля Токаева сгорела у печки, возле которой играла, мать скончалась, не пережив ужаса, ведь ребенок погиб у нее на глазах. Кемеля и его старшего брата Касыма, которые были в городе, милицейские приняли за сирот и отправили в детский приемник. Для отца Кемеля Токаева жизнь потеряла всякий смысл и он бесследно исчез.

Жизнь Токаевых была тяжелой, как и многих их соплеменников. Когда началась война, брат Касым ушел по призыву на фронт. А уже в 1942г. Кемель получил похоронку на брата. Вскоре и он был призван в армию.

После окончания сержантских курсов Фрунзенского пехотного училища Кемель Токаев был направлен в воинскую часть, которая входила в состав Сталинградского фронта. Через три месяца участия в боях он был ранен, но оставаться в военном госпитале не захотел и оказался в 7-ом гвардейском танковом полку прорыва, входившем в состав Первого Украинского, а затем Второго Белорусского фронта. Воевал он смело, был награжден двумя медалями «За отвагу» и орденом «Отечественной войны». Врачи чудом спасли его раненую ногу от ампутации.

После нелегкого периода реабилитации, после скитаний по госпиталям Гомеля, Омска и Алма-Аты Кемель возвращается на родину и в 1945г. поступает на первый курс филологического факультета Казахского государственного университета им.Кирова, в то время он ещё ходил на костылях. Спустя три года он уже работал журналистом в детской газете «Пионер Казахстана», а через два года стал главным редактором этого издания. Именно тогда он написал свою первую книгу «Звёздный поход», которую посвятил казахстанским пионерам.

Жизнь и творчество Кемеля Токаева и поучительны, и оригинальны. Самобытность его художественного почерка, новые темы и жанры, на которых он фокусирует свое творчество, вызывают живой интерес у читателей и ученых.

В предисловии под названием «Святой долг» к недавно изданному в Баку на азербайджанском языке сборнику повестей Кемеля Токаева «Ночной выстрел» первый секретарь Союза писателей Азербайджана народный писатель Чингиз Абдуллаев говорит о поучительности судьбы писателя, называет поколение, родившееся в период 1922-1924 годов, «героическим поколением», ибо большинство погибших на полях сражений во Второй мировой войне принадлежали именно к этому поколению.

В дальнейшем Кемель Токаев занимал ответственные должности в редакциях газет «Ленинская молодёжь», «Пионер Казахстана» (ответственный за русскую и казахскую редакции), «Социалистический Казахстан», после чего долгое время работал (1960-1977 гг.) главным редактором «Ведомостей» Верховного Совета Казахской ССР.

Из книги Президента Республики Казахстан Касым Жомарта Токаева «Слово об отце»: *«Отец, будучи выходцем из сельской глубинки, практически не знал русского языка. По стечению суровых обстоятельств война стала его первым жизненным университетом, где он получил уроки мужества и основные навыки общения на русском языке. Сохранились его личные блокноты, куда он своим красивым почерком вписывал грамматические примеры. Конспектировал и художественные произведения выдающихся русских писателей, заучивая наизусть целые абзацы».*

За свою творческую деятельность Кемель Токаев написал десятки книг о советских чекистах на казахском и русском языках, такие, как «Красный комиссар», «Кто преступник?» и пьесу «Волшебные секреты». Помимо перечисленных, его перу принадлежат повести и рассказы, как «Звёздный путь», «Зимняя ласточка» (выдержали несколько изданий – 1958, 1972, 1975 годах); «Ночной выстрел» (эта повесть также была переиздана в издательстве «Казахстан», 1976); «Таинственный след», «Золото с тамгой», «Последний удар», «Солдат ушёл», «Птица без гнезда» и т.д. Отметим, что из оригинального творческого наследия Кемеля Токаева в 2022 году Нариманом Абдулрахманлы на азербайджанский язык переведены повести «Золото с тамгой», «Ночной выстрел» и «Таинственный след».

Перу Кемеля Токаева принадлежит и автобиографическая повесть, написанная им на казахском языке «Особое поручение», повествующая о боях за Киев в ноябре 1943г. Перевод этой повести на русский язык осуществил Герой Советского Союза легендарный боец Бауржан Момышулы, командовавший в годы Великой Отечественной войны батальоном дивизии в боях за Москву осенью 1941г.

Б.Момышулы был и хорошим писателем. Жизни и героизму этого легендарного сына казахского народа посвящено множество книг. Еще во время войны, в 1944 году по горячим следам Александр Бек создал повесть «Волоколамское шоссе», опубликованную под названием «Панфиловцы на первом рубеже» в журнале «Знамя».

В Азербайджанском педагогическом институте русского языка и литературы имени М.Ф.Ахундова (ныне Бакинский славянский университет) нам читал лекции по русской советской литературе покойный профессор Александр Алексеевич Сваричевский, участник и ветеран Великой Отечественной войны, потерявший на войне правую руку. Он уделял особое внимание образу главного героя повести А.Бека «Волоколамское шоссе» Бауржана Момышулы, который отличался не только воинской доблестью, но и талантом военачальника.

Кемель Токаев известен широкому кругу читателей как писатель детективного жанра. Его первые прозаические опыты, в частности, повести и рассказы «Искра», «Таинственный след», «Где они поселились» и др. с острыми захватывающими сюжетами, поднятыми в них злободневными проблемами, завоевали уважение читателей. Он стал основоположником детективного жанра в казахской литературе.

Повесть К.Токаева, посвящённая нелегкому труду сотрудников органов внутренних дел, имела многозначительное название «Поток» («Таскын»).

«До появления этой книги подобного рода художественных произведений на казахском языке по существу не было, отец первым вступил на эту стезю» (из книги Касым Жомарта Токаева «Слово об отце»). Добавим, что Кемель Токаев стал основателем детективного жанра не только в казахской национальной литературе, но и в литературе других тюркских народов. Помимо вышеназванных произведений, им созданы также сочинения в жанре военного романа.

В произведениях К.Токаева («Солдат ушёл на войну», «Спецзадание», «Особое поручение» и др.) большое внимание уделяется теме героизма, долгу перед Родиной, верности, мужеству, партизанской борьбе. Перед взором читателя открываются зарисовки военной юности автора-повествователя и послевоенных поездок по местам боевой славы – Борисполь, Дарница, Радомышль, Киев, Харьков...

Читая произведения Кемеля Токаева, убеждаешься в прозорливости русского классика XIX века Ивана Сергеевича Тургенева, записавшего в своём дневнике: «Писатель должен быть психологом, но тайным...». Отношение к языку, традициям, истории является важной частью творчества каждого писателя.

В автобиографической повести «Особое поручение» (1962г.) ярко описаны картины боев за Киев в ноябре 1943 года, кроме того, писателем ярко выписан образ прославленного партизана и выдающегося государственного деятеля Украины Сидора Ковпака. Повесть притягивает внимание своей автобиографичностью.

Не менее интересны и другие произведения К.Токаева, среди которых следовало бы выделить повести «Заговор», «Ночной выстрел», «Птица без гнезда», посвящённые работникам правопорядка.

В приключенческом романе-загадке «Последний удар», созданном на документальной основе, рассказывается о подвиге чекистов Семиречья. Действие разворачивается в городах Верном и Джаркенте в 20-х годах XX века. На русский язык роман переведён казахским писателем-переводчиком Ростиславом Петровым, главным редактором старейшего литературно-художественного журнала «Простор», где он и был опубликован в 1984г.

В романе много реальных исторических личностей, и в то же время он не лишён романтики. Тут образы главы областного ревкома г.Верного (Алматы) Ораза Джандосова, председателя Военного совета третьей Туркестанской дивизии Дмитрия Фурманова, областного военного комиссара Баи Шагабутдинова и др. Действия разворачиваются в 1920г., когда белогвардейцы, подняв мятеж, захватили крепость в Верном. В ткань романа К.Токаева «Последний удар» органично вписаны телеграммы, донесения, оперативные сообщения и мн.др. Динамичны в романе диалоги персонажей. Внутренний монолог Махмуда переходит здесь в несобственно-прямую речь, в которой содержится психологический портрет Усковского, члена организованной банды: «Хитёр, умеет прятать свои чувства... предусмотрителен, осторожен».

Стилевая доминанта художественного текста Кемеля Токаева – своеобразие его сюжетно-композиционной структуры, удачное создание портретных характеристик. Действие романа происходит на фоне пейзажных зарисовок, где ярко представлены картины родной природы. В поэтике романа «Последний удар» отчётливо видно творческое освоение богатейшего фольклорного наследия.

В состоявшейся в Алматы Научно-практической конференции 3 октября 2023 г. по случаю 100-летия со дня рождения Кемеля Токаева на тему «Казак детектив жанрынын дарабозы» приняли участие представители творческой интеллигенции Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и России.

В приветственном письме к участникам конференции Президента Казахстана Касым Жомарта Токаева, зачитанном министром культуры и информации Аидой Балаевой, написано: *«Произведения Кемеля Токаева заставляют читателя противостоять злу и учиться добру. При этом он прославлял такие моральные ценности, как честность, доброта, сострадание».*

Произведения Токаева, его приключенческие рассказы привнесли новую струю в казахскую прозу и переведены на несколько языков мира. Он внёс особый вклад в формирование детективного жанра не только в казахской литературе, но и в развитие центральноазиатских литератур.

Исследователями творчества Кемеля Токаева отмечено, что национальный код и национальная идентичность сохраняются в созданном писателем образе мира, где каждый персонаж, как и автор, имеет свой голос. Элементы автобиографичности в той или иной степени находят отражение во многих художественных произведениях автора.

Так, например, в повести «Дело было в Сарбагане» поднимается проблема воспитания в детском доме, что придаёт повествованию определённую автобиографичность. Отец главного героя Рагима вместе с братом воспитывались в детском доме, что сближает описанные в произведении события с жизнью самого Кемеля Токаева.

С напряжённой и интенсивной динамикой событий мы встречаемся в романе «Последний удар». Это делает чтение увлекательным, заставляя задуматься о прошлом родной страны. Повествование в романе кинематографично. Сюжет занимательный, характеры главных героев, персонажей, эпизодических лиц яркие и запоминающиеся.

Обо всём этом на конференции говорила заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова Светлана Ананьева.

В то же время она высказывала мысль о том, что отечественной киноиндустрии следовало бы обратить внимание на лучшие произведения детективно-приключенческого жанра казахской литературы. По наблюдению С.Ананьевой, военный детектив К.Токаева «Таинственный след», впервые вошедший в «Антологию советского детектива», стоит в одном ряду с лучшими произведениями писателей – участников Великой Отечественной войны Бориса Васильева, Юрия Бондарева, Даниила Гранина.

В выступлении С.Ананьевой были затронуты и другие особенности произведений К.Токаева.

В частности, она отмечала назидательность сочинений, имеющих большую воспитательную силу.

Сам Токаев так размышлял о семье: «Так же, как индивидуальна судьба человека, так отлична от других и судьба каждой семьи».

Для раскрытия тайны в произведениях детективного жанра присутствует реконструкция прошлого. Детективная интрига из приключенческого романа переходит в жанр биографический, научной фантастики, в историческую прозу. Таковы тенденции мирового литературного процесса.

Участники мероприятия высоко оценили художественно-познавательную значимость сочинений К.Токаева.

Так, например, генеральный секретарь ТУРКСОЙ Султан Раев отметил особую роль Кемеля Токаева в литературе тюркских стран.

Председатель Союза писателей Кыргызстана Нуран Калыбенов высказался по поводу открытия в Кыргызстане музея Кемеля Токаева.

А член Союза писателей Узбекистана Минходжиддин Ходжиматов преподнёс в дар Союзу писателей Казахстана переведённую на узбекский язык книгу Кемеля Токаева.

Говоря об особенностях произведений К.Токаева, российский писатель, учёный-криминолог Дмитрий Шестаков отметил, что герои Токаева – смелые и проникательные люди, представители одной из самых мужественных профессий: работники органов правопорядка и государственной безопасности.

В последние годы и азербайджанский читатель сумел ознакомиться со многими произведениями этого интересного прозаика.

В частности, в Баку был издан сборник повестей К.Токаева «Ночной выстрел» с предисловием Президента Республики Казахстан К.Ж.Токаева «Слово об отце».

Переводы выполнены хорошим знатоком особенностей казахской прозы писателем и переводчиком Нариманом Абдулрахманлы.

Отрадно, что в азербайджанскую литературу вступил ещё один казахский писатель с оригинальным творческим почерком, как Кемель Токаев.

Отметим, что Н.Абдулрахманлы была также подготовлена и переведена и «Антология казахской прозы», куда вошли образцы прозы 56 казахских прозаиков, начиная от Абая, Шакарима Кудайбердиева, кончая Данияром Суграменовым и Аягуль Мантай, а также отрывки из повести Кемеля Токаева «Таинственный след».

Яркий сочный язык переводов... говорит о таланте писателя-переводчика, хорошем знании не только родного языка, но и тонкостей художественного перевода. Важной стороной азербайджанских переводов прозы К.Токаева в интерпретации Н.Абдулрахманлы является смысловая ёмкость характерных черт, которая проявляется либо как реалистическая типизация (когда конкретный идеальный образ приобретает обобщённый типический смысл), либо как аллегорическое иносказание (когда отдельный образ имеет условно-отвлечённый смысл), либо как более сложная форма многоплановости (когда смысл произведения может получить разные, хотя бы и не исключающие друг друга истолкования – в результате недосказанности или многозначности повествования, сложного сочетания значений, порой, на первый взгляд, несовместимых, смысловых сдвигов и т.п. Эта важнейшая особенность воссоздаётся обычно в результате передачи всей системы стилистических средств оригинала и их функциональной направленности. В этом плане, думается, к переводам Н.Абдулрахманлы особых возражений нет.

Недавно в популярной азербайджанской литературной газете «Ədəbiyyat qəzeti» появилась обширная аналитическая статья Низами Джафарова «Казахский писатель на азербайджанском языке». Это яркое подтверждение того факта, что наряду с пристальным изучением особенностей сочинений Кемеля Токаева настала пора исследовать отдельные вопросы казахского детективного жанра в сравнительно-сопоставительном плане с произведениями азербайджанских писателей, писавших в этом жанре, как Амир Мустафаев, Джамшид Амиров, Чингиз Абдуллаев и др. Это послужит укреплению азербайджано-казахских литературных связей.

ЗЕМЛЯКИ

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

Песня о запахе

Ну разве это не нелепость – описать все запахи Города? Как говорится: «Лучше один раз понюхать, чем 100 раз рассказать об этом». Но что делать, если, чтобы вдохнуть этот запах, необходимо лететь в другую часть света. Приходится «сто раз сказать», тем более, что запахи моего Города весьма индивидуальны. Они переливаются всеми цветами запахов.

В нагорной части Города – это сухой крепкий запах полевых цветов, оставшийся со времён, когда эта часть города ещё не была застроена микрорайонами. Весь запах собрался теперь в Нагорном парке, являющемся «визитной карточкой атмосферы Города».

Оттуда насыщенная зелёная струя трав достигает спокойной глади застывших кустов и надгробий многонациональных кладбищ, разделивших и здесь родных, близких и друзей по национальному признаку. Еврейское кладбище с его иудейским духом плавно переходит в крестообразное православие. А чуть левее простирается Чембурекенд с усопшими мусульманскими братьями. Земля всех покрыла одним терпким черноземным воздухом. Ведь не исключено, что все её постоянные обитатели, как единая нация «бакинцев», продолжают общаться именно в верхних слоях атмосферы, ибо здесь уже не существуют границы, лимиты, предрасудки и законы. Затем запах начинает спускаться в Город, становясь пыльным, раскалённым и насыщенным потоком спешащих людей. Отходы выхлопных газов машин смешиваются с многочисленными ароматами зелени, овощей и фруктов азиатских базаров. Ну, а специи выдают такой неповторимый запах, что голова идёт кругом. Каждый элемент продукта этой земли имеет лично свой «знак запаха».

И поверьте моей практике, что его специфику можно отличить от всех других подобных плодов, выросших на не менее известных местах планеты. Плавно спускаясь по амфитеатру Города, мы осязаем пьянящую эйфорию восточных сладостей.

Где, где ещё вы найдёте такое изобилие сладкого дурмана национальной кулинарии, как не в фирменных магазинах Города. Выходя из них, вы, обретая благоуханный аромат её изделий, превращаетесь в ходячую кондитерскую лавку. И дети, посмеиваясь, принимают к вам: «Ха-ха, такой большой дядя, а тоже любит сладкое!»

«Ура, наконец, повеяло бризом!» Он унёс все предыдущие запахи, оставив только неповторимый – Ваш, который, как и отпечатки пальцев, являются Вашей собственностью. Подавлять его какими-то ароматическими аэрозолями неразумно, ибо тогда в городской толпе вас никогда не разыщет ваша добрая, надёжная подруга жизни, кстати, как и вы её. Ваш запах – это ваш маяк, дорожи им, человек. Но вот мы в сердце «розы ветров».

Шах-ин-шах городского воздуха – «агсакал» Каспий. За многие века перевоплощения ауры Города только он один остался прежним – доброжелательным. Его не коснулись никакие смены формаций, династий, религиозные и политические преобразования. Кто, как не Каспий, устоял от чуждых запахов многочисленных завоевателей, которые, кто транзитом, а кто и на века, оставались здесь наслаждаться неповторимой солёно-сладостно-горькой терпкостью воздуха. Каспий только иронически вздымал свою гладь, наполняя берег изумрудно-янтарной водой, то скептически опускал её, уводя воды от неблагодарного людского сословия.

Мягкие морские бризы Приморского бульвара вперемежку слоятся с густой насыщенностью нефтяного благосостояния. Всё это обволакивается в аппетитный смолистый дымок многочисленных кебабных и настаивается густым духом чая «мяхмари». Преимущество употребления такого многослойного воздушного пирога заключается в том, что в этом Городе вдыхается он бесплатно (пока). Поистине, самый демократический Город, который я знаю, где этот магический запах уравнивает все партии, фракции и беспартийное население.

– Вы хотите знать имя этого феномена восьмого чуда? А разве вы его ещё не определили? Ну-ка, давайте все вместе вдохнём эту волшебную смесь. Вааах...! Что, теряете сознание?

Узнаете все нюансы?! Да, это и есть наш Баку!!!

Улица Басина в середине XX века

Как «театр начинается с вешалки», так и центр Баку – Сабунчинский вокзал, основанный в 1926 году, открывается улицей Басина. Она была заполнена многочисленными торговыми лотками, в которых продавалось все, начиная с подков для лошадей и кончая безразмерными бюстгальтерами (кавказские женщины ценились именно своими габаритами).

Уже доносится аппетитное шипение, и вы обволакиваетесь сказочным дымом, взятым напрокат в одной из ночей Шехерезады.

Все правильно, вы не ошиблись – приближается Зеленый базар.

Ах, я забыл предупредить, что он до 1959 года находился на месте великолепного здания, вмещающего в себя Азгоспроект (1964 г.), Азгоспромпроект (1968 г.) и Азсельхозпроект (1970 г.).

Едва войдя в ворота базара, как вам открывается тайна пахучего дыма: это жарятся миноги (для несведущих – морская разновидность отряда круглоротых) .

Для меня это была вкусятина №1.

Рядом конкурирует вся ихтиофауна Каспийского моря.

Я не описываю все остальные яства, поскольку от них и сейчас ломаются прилавки любого базара Баку.

Гуляя от Сабунчинского вокзала, можно было встретить много достопримечательностей.

Как вы думаете: почему чуть ли не каждый школьник середины XX века дымил в рукав сигаретой. Да потому, что на этой центральной улице, уже начиная с пересечения с улицей Л-та Шмидта (сейчас ул. Рашида Бейбутова), находился знаменитый соблазн – Табачная фабрика, откуда шел сладко-терпкий запах, заставлявший любителей затормаживать движение. Надо уметь различать удушливый запах табачного дыма от курения и элегантный аромат самого табака.

Ведь недаром в дореволюционной России считалось хорошим тоном вдыхать тончайшие нюансы этого продукта, основные эталоны которого, как я подозреваю, производились нашей «басинской» фабрикой.

Но «консервативные» здравоохранительные органы не посчитались с родословной фабрики и принесли её в 1969 году в жертву созданию Дворца культуры. Скажу вам откровенно: улица действительно посветлела, сменив серый угрюмый наряд фабрики на светлый и просторный дворец.

Но поверьте, что «парфюм» тех лет так и остался в моем обонянии.

И когда я его вспоминаю, мне так и хочется благородно...чихнуть.

Наискосок от фабрики стоит не менее известная городская Больница №4. Построена по проекту архитектора Борисоглебского в 1913 году как Мужская гимназия. В дальнейшем она становится больницей, прославившись своими отличными хирургами, такими, как Асланов и Эфендиев, спасшими немало количество бакинцев.

Сейчас больница носит имя Эфендиева, в свое время оперировавшего в том числе и мою маму. Пересекая улицу Корганова (тоже комиссара из того же отряда 26-ти), я решил воздержаться от комментария, поскольку улица заслуживает отдельного описания. Тут же начинается, известный по сегодняшней день, роддом имени, опять же, комиссара Азизбекова.

Почему именно революционера, является до сих пор одной из нераскрытых тайн советского периода. Окна рожениц выходили на улицу, и потому всё происходящее внутри немедленно становилось достоянием многочисленных родственников, круглосуточно висящих на их решетках.

Мне кажется, что и рождение потомков города Баку происходило под их бдительным оком. Под общее ликование посетителей и прохожих улица поздравляла счастливых отцов, получавших в наследники сыновей. Сочувственное молчание сопровождало мужей, допустивших «осечку» с рождением дочерей. Они быстро уходили, смущенно опустив головы, заранее подсчитывая предстоящие свадебные затраты. Суровые законы Кавказа не давали побряк на бедность.

В переулочек выходили «главные» вождельные окна роддома – душевых. Вся подростковая молодёжь, разумеется, мужского пола, приходила упражняться в подтягивании на электрическом столбе, установленном как раз напротив окон. По достижении зрелого семилетнего возраста я тоже пытался докарабкаться до определённой отметки. Но, как ребёнок, выросший на голодном пайке, я не имел достаточно сил для преодоления препятствия. Те же счастливицы, кто их преодолевал, спускались какими-то растерянными и озадаченными. Уже позже мой сосед, бывший на пару лет старше меня, открыл мне тайну этого явления. Дело в том, что, по законам физики, окна всегда были запотевшими, а потому подростки при всей своей любознательности ничего не могли видеть. Но, оставаясь в пылу своего воображения, они все с интересом рассказывали об «увиденном».

Только теперь я скромно подошел к моменту представления моего дома, с которого я начинал данное обозрение середины 40-х годов прошлого столетия. Можете не искать: на нем вы не найдете мемориальной таблички обо мне, ...«пока». Ориентиром вам будет стоящий напротив, по переулку Басина, 4-этажный дом.

В те времена по ул. Басина мимо нашего дома с шумом и звоном по булыжной мостовой до 1972 года грохотали трамваи. На них, как и положено на трамваях всего мира, висели на подножках ужасно торопящиеся трудящиеся и, конечно, не менее опаздывающие школьники. Это уже позже пришли трамваи с автоматически открывающимися дверьми. Удобство старых заключалось в том, что с них можно было прыгивать и садиться на ходу трамвая в том месте, где это было необходимо пассажиру. Ну, почти, как в такси, с той лишь разницей, что последние останавливались по команде в нужном месте. Преимущество висящих было еще в отсутствие потребности приобретения билетов. Гуманные кондукторы понимали, что человек, двумя руками держащийся за поручень, при всем своем желании не сможет расплатиться за билет. Спешащие товарищи настолько дорожили каждой минутой, что не жалели своих жизней, а особенно ног, которые, сорвавшись со ступенек, попадали под колеса трамваев.

В тот период в Баку, помимо инвалидов войны, было много безногих калек, неудачно прыгнувших с трамваев.

Борьба по профилактике данной проблемы легла на «плечи» парадной нашего дома. Она стала западней для нарушителей работы транспорта. При подъезде трамвая из неё выскакивали милиционеры и свистком останавливали водителя. Затем начиналось отлавливание висящих пассажиров и заталкивание их в парадную, превращенную уже в «накопитель» преступников. Когда их оказывалось достаточно много, что в парадной уже дышать было нечем, подкатывал «черный ворон». Запихав трудящихся, машина везла их в милицию, где им выписывали штраф.

Но иногда эта процедура нарушалась не без помощи наших дворовых сорванцов. Дело в том, что парадная имела второй выход во двор, дверь которой временно запирали снаружи. И вот, когда милиционеры выходили на ловлю очередной партии штрафников, мы открывали эту дверь и выпускали ранее задержанных во двор, из которого все врассыпную разбежались через переулок Басина.

Можно представить гнев представителей власти, когда они, загнав новых арестованных, обнаруживали, что плоды их многочасовой работы, пошли насмарку. Они бесновались, но нашего духу там уже и близко не было.

Так мы косвенно наносили ущерб экономике города, недополучавшей заплаченные штрафы от законопослушных граждан. Правда, если вдруг случайно попадался смысленый сержант, то он ставил дежурного у второго входа. Но каждый день все повторялось сначала, а тогда со смыслеными была нехватка.

Пройдя весь квартал с «моим» домом, мы незаметно миновали детскую поликлинику, выходящую на ул. Горького и в свое время лечившую меня и моих детей.

Затем появлялся специфичный объект острой необходимости – баня, что на углу ул. М. Азизбекова (того самого). Откровенно скажу, что, как и каждый уважающий себя подросток, я не любил её посещать. Просто мне не нравились горячая вода, густой пар, да и мыло, как раньше, так и теперь, продолжает «щипать» глаза.

Согласитесь, что это не очень приятно в любом возрасте.

Мы идем дальше, пока не выходим на просторную площадь «Шемахинка».

Очевидно, когда-то отсюда начинался караванный путь на Шемаху.

Здесь, у знаменитой с 1936 года своей современностью пятиэтажки «Бешмертебе», собираются трамваи с трех направлений. Потому и много трезвону, к тому же большая опасность перехода улицы. Именно поэтому здесь и появились первые подземные переходы.

На первых этажах пятиэтажного комплекса находились два просторных гастронома, содержимое которых обратно-пропорционально уменьшалось по мере победы построения полного социализма.

А в те времена можно было свободно купить даже черную икру. Напротив дома небольшой сквер – Дмитровский садик, где мальчишки постигали на прокате науку вождения велосипеда, стрельбы из тира и правила обхаживания девочек.

Здесь же из огромного репродуктора я и услышал о смерти И.Сталина. В похвальной речи Берия слышались умиленные слова в адрес усопшего руководителя, которого, как оказалось в дальнейшем, по его собственным намекам, он сам же и погубил.

Садик служил оазисом всей прилегающей территории. Сюда каждый вечер собиралась вся наша родня, чтобы посудачить о семейных новостях и пошущукаться об очередных политических событиях. Телефоны имели немногие, и встретиться, без предварительной договоренности, можно было только здесь.

Поздно вечером, едва дождавись ухода взрослых, садик активно осваивала молодежь. Назначив свидание девушке, можно было весь вечер провести в какой-либо аллее, так как мороженое и горячие пирожки продавались допоздна на всех четырех выходах сквера.

К нашим услугам был летний кинотеатр «Улдуз», который находился напротив школы №18.

Свистки милиции сливались с трелью трамваев, создавая впечатление активного разнообразия.

Задачей очерка не было идеализировать прошлое – хотелось просто напомнить его ветеранам, а молодым показать одну из улиц становления их родителей.

Надо признать, что сегодня это уже совсем другая улица.

ЛАЧИН

Крещение вином

Рассказ

соч. 96

Посвящается Нгуги Ва Тхионг'о¹

Славная семья! – говорили про них. Он – удачливый маклер. Она – заботливая мать и жена. Воздалось им за супружеские добродетели.

Когда они поженились, у него не было и гроша за душой, не говоря уже о сбережениях. Работал подносчиком в пивных, даже официантом не назовёшь. В царской России это называлось «половой». Зарабатывал дрянь, да и её спускал на выпивку и постоянно влезал в долги. Самир был молод, не обременён ни заботами, ни грёзами о богатстве и власти. Любил развлечься, подурачиться и слушать музыку на полную громкость. Играл и пел для восторженных друзей, подражая старым рок-звёздам. Организовал даже группу, «Адский булыжник»; правда, называли его все просто «булыжником». Какой-никакой, а адский, шутил Самир. Выдавал и другие номера, например, изображал священников, мусульманских (на поминках) и православных (на молебнах). Наконец, был отменным танцором и лихо отплясывал в барах, под одобрительные взгляды проституток, а порой и барменов.

Так он и запал в сердце Самаи, хотя была она не проституткой, а студенткой, дочерью владельца двух торговых «объектов». Семья была довольно зажиточной, и родители не желали отдавать дочь патлатому гуляке и пропойце. И что она нашла в этом зубоскале? Но Самая была с норовом, её тянул Самир с нечёсаной копной волос, потёртыми штанами, шумными песнями и резкими танцами. Он был маяком, ведущим по тропинке прочь из постылой семьи, к неоновым заревам большого мира. Она сознала, что его вид не особо внушает доверие, её коробили грубая напористость и уличные манеры, но, удивляясь собственному упрямству, она следовала избранным путём.

Её родитель не желал отдавать дочь за разгильдяя, похожего на местных обывателей не более, чем вода на масло. Такие субъекты плохо кончают, повторял он. Но Сиявуш-муаллим любил дочь и желал ей добра. И согласился принять Самира; так сказать, призвал его к себе.

Самир, несмотря на нахрапистость, робел перед усатыми зажиточными толстяками. Он расчесал патлы, почистил туфли и с холодком в груди пошёл свататься.

Он стоял в небольшой передней. Хозяева бесцеремонно разглядывали его с головы до ног, не предлагая сесть. Подростерявшийся гость искал глазами Самую, надеясь на моральную поддержку, но она только маячила где-то за дверью. Наконец ему указали на стул, и он уселся, уставившись в узоры на обоях, не решаясь взглянуть на супружескую чету, всей кожей чувствуя пристальные неодобрительные взоры. Справедливости ради следует сказать, что глава семьи являл образец милосердия на фоне большинства бакинцев. Говорил так: угостите чаем нашего... нашего будущего... нашего молодого гостя. Работаешь? Официант? Ничего страшного; говорят, какой-то американский миллиардер тоже начинал официантом... Впрочем, чёрт их разберёт, этих американцев... Сколько получаешь? Сто пятьдесят? Недурно, иным

¹Англоязычный писатель из Кении.

людям и похуже живётся... Всё в руках божьих. Самир чувствовал себя слегка обнажённым, достаточно для того, чтобы встретиться взглядом с хозяином и улыбнуться. Но приговор, прочтённый во взгляде Сиявуш-муаллима, вернул его глаза к обоям в ожидании конца. Конец был плавным, с паузами. Женитьба – дело серьёзное. Зачем так рано? В нынешнее время – всё деньги. Крутись-вертись, хватай, где можешь. Тем более человеку семейному. Я вижу, ты парень неглупый, сам всё понимаешь. Очень хорошо, когда человек понимает, когда ему разъясняют его ошибки.

Самир перевёл взгляд на мать Самаи, но в её лице читалось сказанное мужем. Он был готов сквозь землю провалиться. Вдали от пивной, танцплощадки, гитары и сверстников, единственных привычных для него мест, он был совершенно беспомощен. Вспотев, неловко отхлёбывал чаю, чувствуя себя загнанным волком; два охотника хладнокровно наблюдали его агонию. Голова кружилась, даже в глазах потемнело. Он едва слышал тяжёлые фразы Сиявуша-муаллима, монотонно повторявшего, что не собирается обречь дочь на лишения и неурядицы. Самир поглядывал на спасительную дверь.

Наконец удалось уйти. Оказавшись на воздухе, долго переводил дыхание. Холодок в груди выветрился не сразу. Он испытывал облегчение, вернувшись в привычный мир: здесь он сам себе хозяин. Но мир этот поплёк в его глазах, танцы и песни не приносили былого удовольствия.

Хотя, казалось, он восторжествовал: Самая сбежала к нему, они расписались; конечно, не без скандала и головной боли. Он сменил несколько рабочих мест, лучше прежнего, хотя одно время надрылся чернорабочим каменного карьера. Раз в неделю ходили к приятелям, пели и танцевали по-прежнему. Как-то, сидя поздним вечером у заброшенного кафе «Садко» на бульваре, распили бутылку вина, поклявшись оставаться вместе; Самир назвал это крещением вином. Это случилось на восьмой месяц совместной жизни, когда было особенно трудно.

Самир мог быть доволен: разве не удивительно, что бедняк, полусирота всё-таки завоевал Самую, девушку из вполне обеспеченной семьи! Но он уже не мог быть по-прежнему весёлым и беспечным. Трудно было забыть, как победоносно размазывал его тесть в присутствии двух женщин – Самаи и тёщи.

Он им покажет. Хорошо смеётся смеющийся последним.

Всё более беспокойные нотки звучали в его песнях, всё жёстче становилось лицо. Голос чаще дребезжал, да и пел он всё реже.

Наконец он поехал, вроде ненадолго, в Россию. Доходили слухи, что его видели в Москве, Питере, Нижнем. Будто он был под судом, а ещё – будто живёт в гражданском браке в Волгограде.

Но Самая ждала. Родители от неё отказались. Впрочем, она всё равно не вернулась бы. Ежедневно вспоминались сладкие мгновения боли при близости, вино, распитое на мостике у кафе, под аккомпанемент каспийских волн, бившихся перед глазами и за спиной, с обеих сторон мостика.

Самир объявился внезапно. Самая бросилось в глаза, как он изменился. Раздался в пояснице. Наполовину облысел, со лба; остатки былой шевелюры тщательно приглаживал. Стал скуп на слова. Куда девался записной весельчак, вечно что-то горланявший?

Правда, петь он любил по-прежнему, но совсем иные песни. Из России он вернулся протестантом. Какого направления, Самая так и не разобралась, кто-то говорил ей, что направлений этих целых четыреста – куда разобраться? Теперешний Самир пел в духовном хоре; им предоставляла помещение кирха. Как не походили слова, голос и лицо мужа на прежнего Самира! «Сладостно имя господа на устах раба его!»...

Да и звали его теперь не Самиром, а Самуилом – имя, принятое при крещении; так и подписывался, «Самуил Алиев».

Пить он бросил, зато поглощал много воды, в профилактических целях. Он где-то вычитал, что вода лечит от депрессии, успокаивает, наконец очищает организм, выводя какие-то шлаки. Часто шёл на кухню и пил пару стаканов подряд, как лекарство, вдумчиво, весь в процессе питья. Советовал это и Самая, но у неё от этого только пучило живот, а после первого стакана вода подступала к горлу. Потому и ходишь кислая, пенял он жене, а вода, между прочим, избавляет от депрессивного состояния (так и выражался).

Хотя, казалось бы, чего ему горевать? Зарабатывать он стал куда больше, уже из России вернувшись в другом «социальном статусе». Устроился в фирму с английским названием; Самая никак не могла произнести его правильно. «Бог подаёт любящим его, подаёт уже на этом свете. А бедняки и бездельники всегда завидуют богатым».

Самуил и вправду богател, появилась иномарка, они переехали в лучший район. Параллельно занимался продажей квартир. Его брюхо выпирало уже весьма основательно. Мужчина без живота, что дом без балкона, приговаривал он, оглаживая «балкон». Любопытно – именно после обращения в «западную» веру в нём стали проявляться черты местного обывателя.

Самая надеялась на чудо; сидя дома, ожидала мужа, как во времена его отъезда. Но чудо не являлось. С работы приходил не Самир, а Самуил, преуспевающий двуногий автомат. Пройдя на кухню, наливал стакан заготовленной дистиллированной воды, выпивал с такой миной, будто это тонкое вино. Можно было подумать, что с деньгами у него стало больше поводов к депрессии, думала Самая: раньше-то он не нуждался в «очищении» водой.

Машинообразность Самуила проявлялась во всём. Прежде он постоянно грубо хватал её за зад, что льстило ей страстностью, но и раздражало частотой действия. Теперь это делалось в строго определённой ситуации, возвращаясь с работы – механический шлёп, ритуальный, со слабым налётом эротики. Со временем шлепки прервались вообще, чем она была довольна – их автоматизм отдавал насмешкой над прежними страстями.

Рок-музыку заменил Бах. Трудно сказать, за что его больше почитал Самуил – за сочинения или набожность. Самая подозревала, что за второе, ибо в первом он разбирался меньше. Худых гривастых рок-буянов на стене сменило одутловатое лицо в парике – ей чудилось в нём нечто постное, возможно, потому, что оно ассоциировалось с супругом. Ещё ей казалось, что завершение очередного опуса знаменовалось у автора столь же ритуально-автоматическим шлепком по супружью заду. Недаром наплодил он армаду сочинений и детей – всё у Иоганна с Самуилом делалось с регулярностью автомата, будь то шлепки, поглаживания лысины или печатание детей и партитур. Иноязычный текст на музыку классика она не разбирала, но подозревала в нём вариации мужниных песнопений образца «Сладостно имя господ...» Это было написано на лицах обоих – парикастого на портрете и слушателя со стаканом воды в руке.

Что касается тестя и тёщи, их достаток, похоже, шёл на убыль. Они по-прежнему не признавали свежееобращённого, но, видно, об успехах его прослышали. Разведывали – окольно, втихую, – не навестит ли их дочка? Самую, знавшую причину перемены, это раздражало. А муж рассердился как раз на неё. Радоваться надо, разве мы не этого ждали? Втайне он ликовал. День мщения за чашу горести, испитую в доме тестя, приблизился вплотную.

Через месяц он вернулся домой сияющим. Лицо было благодетным, морщины почти разгладились. Но, выяснив причину этого, Самая не больно обрадовалась. Отец приглашает в воскресенье на дачу. Он обратился прямо к зятю, и безуспешно. Насколько Самая догадывалась, о религиозных пристрастиях супруга отец пока не прослышал, иначе примирение было бы затруднительнее.

Конец недели приближался. Самуил не скрывал торжества. Бог не оставил раба своего, голодранца в пыльных штанах, брэнчавшего на потеху пьяным юнцам. Теперь Сиявуш-муаллиму будет не до смеха.

Тесть вышел их встречать. Он заметно сдал, поседел. Сидя с ним на веранде, Самуил вдруг понял – злость прошла. Лет десять назад Сиявуш-муаллим был совершенно прав. Самуил и сам бы не отдал свою дочь за бездельника, каким он был. Да, примирение состоялось.

Но его захватила новая мысль; она зародилась за чаем у тестя. Жена должна не просто обратиться на путь божий – следует обвенчаться, как должно.

Самаю и так уже спрессовали мужнины проповеди. Но новый брак? После стольких лет семейной жизни? Да это курам на смех. Это какая-то блажь. Но сопротивление было сломлено – что говорить, оно было ломким.

Дни, предшествовавшие торжеству, стали прекраснейшими в жизни Самуила. Они были в Москве – он решил сделать всё как можно более пышным и запоминающимся, да и единоверцев имел здесь куда больше: и город большой, и религиозный состав другой. Самуил был олицетворением здоровья, довольства и достатка. Накупил ей массу вещей. Упаси бог погрешить против приличий, поскудиться на барахло.

Самая ждала только, когда нелепая комедия развеется сном. Воле мужа не противилась, не хотела быть помехой благостному его настроению.

И вот долгожданный час настал. Чёрный фрак, белая фата. Самир был высок, дороден, важен. Тонкая, тихая Самая истаивала в его тени.

«Самуил, согласен ли ты взять в жёны эту женщину, на радость и горе, покуда смерть не разлучит вас?» – «Согласен».

Поскорее бы испить эту горькую чашу. Он испил свою в доме её отца, а теперь, видно, её черёд.

«Самая, согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, на радость и горе, покуда смерть не разлучит вас?»

Сколько дистиллированной воды поглотила она за последнее время... Хотя куда меньше его, конечно...

Окружающие замерли в затянувшемся ожидании.

Внезапно с улицы грянул какой-то шум. Все недовольно обернулись. Звучал старый рок. Бродячая труппа? Уличный концерт? Колонки?

Глазам Самаю предстал Самир, в барах и на дискотеках. Пышновлас, с гитарой, в танце... В её объятиях... У кафе «Садко», холодным поздним вечером... Клятва. Крещение вином...

«Согласна ли ты, Самая?» – священник почти кричал. Тишина вокруг приобрела зловещий привкус.

«Нет», – ответила она громким шёпотом.

Казалось, священнику и жениху становится дурно.

Самая откинула ненужную фату.

«Нет. Я не могу стать женой Самуила Алиева... Я... уже замужем. Я жена... Самира. Мы крестились вином, дали клятву... А теперь его нет. Он мёртв».

Стояла тишина. Последние звуки ударника рок-композиции ещё звучали вдали.

Опубликовано в журнале «Новая Литература» 23.01.2023

МАРАТ ШАФИЕВ

ДЫРЯВАЯ КОРЗИНА, ПОЛНАЯ ТЬМЫ

ДЗУЙХИЦУ¹

«Все ждут конца света, я жду конца тьмы».

Автор неизвестен.

Двадцать первый век в яйце: что за зверь и что за птица? Расскажи нам, друг Капица, может, жизнь на волоске? Не омет из Синей птицы – удивительные лица видеть хочется. Продлится пусть Божественный Каприз.

Землю ставят на Весы – нет, никак не перетянет та гиря проповедь Иисуса.

Пригоршни живой воды никак не донесёт до нас в ладонях Христос – вытекают через сквозные пробитые дыры.

Будда Гаутама говорил: «Какой может быть смех, какая радость, когда весь мир горит». Но даже в горящем мире – ужин по расписанию. Вот уже жена кличет с кухни: «Ужинать будешь?» И я отвечаю: «Будду!»

Для счастья человеку нужно много. Целая Вечность. Важно шествуют в Вечность летучие облака... Истина вершины Фудзияма – капустное поле.

Путь насквозь прошёл вкривь и вкось; а ходи он прямо – угодил бы в яму.

На столе – молоко и хлеб, на стене – Борис и Глеб. Жизнь забылась – сплошной пробел, домик лишь помнится. И снег – бел.

Выделить всё. Копировать или Enter? Я – славный летописец – переписываю Бога, ибо Творение – это не то, что случается, а то, как это я понимаю. Одолевают реминисценции: потоп, Карфаген, Помпея, Хиросима...

Вселенная, в идеале стремящаяся сжаться до атома, всё ещё ползёт по моей ладони живым муравьём.

Голосистое человечество удивляется молчанию Вселенной. Вселенная вежливо ждёт, когда же заткнётся этот фонтан красноречия, чтобы наконец-то ответить.

Вначале Бог создал мир и человека, а наловчившись – кузнечика.

¹ *Дзуйхицу – жанр японской короткой прозы, в котором автор записывает всё, что приходит ему в голову, не особенно задумываясь о литературности.*

Просили у Бога бараку (благословения). Получили бараки. Говорить надо чётче, зубы вставляй вовремя... В бараке накрываю натюрморт привычный: картошка-селёдка-водка, рву «Правду» салфетками бумажными. Примите меня в лиянозовцы: Женя, Лев, Ян, Генрих, Оскар, Игорь, Сева.

Мне страшно осознавать в потере каждого мгновенья потерю заключенной в нём Вечности. Ты говоришь: «Я могу прийти совсем ненадолго» – О, благословенный час! Какая глыбища – вечность в тысячной степени!

Окна заброшенного дома, заколоченные досками крест-накрест, изобразили символ века – ХХ. Который есть непрерывное сканирование Распятия... Льют старинные дожди, вымывая из земли неизвестные братские захоронения. Сколько ещё Голгоф ждут своего часа?!

Как в Судный День – кромешная тьма. А это город лишь – Тотьма.

Чем-то меня смутно терзающая звезда, запутавшаяся в колючей проволоке.

Объявления: «Довольно страданий! Выжигая ген любви»; «Приобщаем, растворяем в Боге. Требуются духовные мазохисты».

Разрешив вопрос проклятый, людям стал я – враг заклятый.

Ранним воскресеньем сосед дырявит стену перфоратором. Прикрикнул на него, он и заткнулся с ремонтом. Но тут загрохотало, задрожало небо. А кому на Него жаловаться?.. Если не сосед сверху, то Бог заливает.

Новейшее Евангелие: на вспышку сверхновой летят с дарами звездолётчики...

Вспышка Солнца. Где получить фотографию от Бога?

Чтобы отдышаться, переводит ли Мировой Дух дух?

«Почему ты всегда в Пути?» «Я ищущий... А почему ты всегда дома?» «Я жду». Тогда они осторожно спросили друг друга: «А чего ищешь?.. А чего ждёшь?» И услышали одинаковый ответ: «Тебя».

Ветер носит лепестки облетевших райских садов.

Звёздное верчение, снежное свечение, в проруби Крещение – и моё прощание, и моё прощание.

Антихрист явится – и это в Плате. Но время его оттягивается, Бог медленно закрывает заржавевшие ворота рая, чтобы успело забежать как можно больше народа.

Дьявол больше не работает точно, его не хватает для ювелирной индивидуальной работы, и промысел поставлен на промышленный поток: газовая камера; бомбардировщик, закинув невод, тянет в небо сразу тысячи выловленных душ.

Дьявол сказал Павлу, что Бога нет. Апостол не поверил – и запел. Мы тоже не поверили, но почему-то плачем.

Каждой духовной ступени соответствует свой Архангел. Назову имена некоторых: Гавриил – Святой Дух или Ангел Откровения; Михаил – Ангел Покровитель; Азраил – Ангел Смерти; Израфил – Ангел Воскресения. Есть ещё Сандольфон – Ангел Молитвы, Ракиб с Атидом, подсчитывающие праведные и греховные дела. Остальных ищите сами.

Ввалился в дом, волоча ногу, истекая белой, как сок одуванчика, кровью, – столкнулся с самолётом, – страшный своей красотой. Бледнеет лицом: «Наконец, нашёл тебя. Как долго искал»; спадает плащ, тяжелый от сырости, а под ним с распушёнными по краям пёрышками – светлые крылья. Ангел Седьмого Престола.

В очереди: «Правда, что через год – Конец Света?» «Переносится. Упросили Аллаха».. У газетного киоска: «У вас есть жизнь?» «Я вам оставил», – продавец протягивает журнал.

Жизнь – это жест! Я бы уточнил: жест. Запоминающийся жест... Перед жизнью ахни и по жизни жажни.

Я признаюсь в преступлении, но не раскаиваюсь – если останусь живым, снова буду гнать цистерны крови сквозь измученное сердце и дышать полной грудью. Истец-сердце удовлетворено вердиктом суда: приговаривается к высшей мере – к жизни.

Синтетическая нить жизни – никак не оборвётся!

«У тебя на счету немало благочестивых поступков и ежедневные молитвы. Но ты эти деяния не смаковал. Должен быть вкус... Любит Бог смурных или отчаянно-весе́лых?» «А как же: заботься о душе?» «А что о ней заботиться? Душа – бессмертна. Телесную оболочку жалко – кинут в яму и польют серной кислотой».

В тишайшем кабинете Канта, куда провалилась Вселенная в поисках исчезнувшего ответа и дохнут от скуки мухи.

Без тебя вспоминаю Бога. Наедине с тобой забываю Бога.

Сядь на пол и не суетись – если не придёт любовь, придёт Истина.

Родиться легко. Может, и больно, но эта боль неосознаваемая. Труднее умереть. Ищешь разные способы лёгкой смерти и не находишь... Слава Богу, я жив! Умер? Слава Богу.

«Ничего страшного. Отсканируем, распечатаем на 3-D принтере новое сердце, ничем не отличное, не отличимое от настоящего. Хотите позолоченный титан? Дорого? В таких делах торг не уместен. Тогда из латекса, но без гарантий». «А что вы знаете о сердце сердца?.. Совсем ничего? Нет, таким непрофессионалам я не могу довериться».

И я из больницы пошёл на работу.

Всемирный день психического здоровья. Всё правильно, всех касаемо. Была обезьяна, но она сошла с ума, услышав Голос. И стала человеком. Её лечат искусством, а надо бы лупить палкой.

Писание – это попытка избавиться от тоски. А если уклоняться не хочется? Тогда тут не до литературы... Силе бытия человек противостоять не может, но самое интересное – его выбор. И дело литературы – рассказывать именно об этих исключительных случаях, когда расплющенный, обмирающий от страха человек продолжает жить.

Понурый вол, напрасно копытающий асфальт городской улицы, я – такая же жертва, испытывающая голод на каменной планете, намертво пришпиленной к своей орбите.

Вечные девять-двадцать восемь. Утра или вечера? Какого года – не поймёшь. Кто сказал, что время бежит? Это люди бегают вокруг Солнца, чтобы вернуться в вечные девять-двадцать восемь. И не сдвинешь стрелки каменных часов на площади Нефтяников.

«У вас есть время?» – на оживлённом перекрёстке женщина с коляской. Думаю, что надо помочь перейти улицу: «Да, у меня есть время». «Так сколько времени?» «Для вас сколько угодно, – наконец, до меня доходит. – Ах, вот вы о чём. Я не знаю, сколько времени». «Так и знала. Все мужчины одинаковые. Обещают звёзды с неба, а обыкновенных часов не имеют».

Ушёл поезд вечности, мечется на перроне отставший пассажир – время.

В какие времена уходит время?

Время – бегун. На какие дистанции?

Часы остановились, но не наступила Вечность... Спросили Вечность: «Сколько времени?» Отвечает: «Не знаю, часы отдала в починку».

Не дитя теченья, не юнец влеченья, и не муж сеченья, не старик свеченья, – возраст – это гений схваченных мгновений.

Время, подавай иногда голос, продолжай сигналить стрелками, чтобы я не забыл – сегодня, наконец-то, наступил час, когда можно не заводить собственное сердце.

Пустыня – кладбище просыпанного времени. Даже Богу не сыскать ничтожную песчинку.

Время – это монетка, закатившаяся в щель Вечности.

За смешную цену купил Вселенную – ноутбук... Запомни, приятель-ноутбук, как надо включаться. Завтра меня не будет, дальше – живи сам.

Чай с бергамотом, фильм Бергмана, сигаретная пачка «Пегас», жёлтый томик Басё. Жизнь на экране погасла – вот и всё... Жизнь разбитую не жаль, коль залитый лунным воском, всё сияет на осколке – апельсиновый пожар.

Синие горы, белые облака. Если даже переокрасить, они останутся прежними: синие горы, белые облака.

Джипы и чипы, кокс и чипсы – жизнь есть джаз, даже джинны ходят в джинсах... Лев и страус влезли в Леви Страус.

Одиночество человека среди людей, и одиночество человечества среди звёзд.

Разве я одинок, неотвязная тень моя? Попиваю вино, не пропустит глоток тень моя. Поднимаюсь – и тотчас пляшет длинная тень моя. Но когда говорю, почему молчишь, тень моя?

Кто сказал: смерть – это минус? Кладбище – сплошные плюсы.

Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать... До сих пор играю в прятки со смертью.

Камень на груди покойника. Мы все – вечные Сизифы.

Смерть, какая ты смешная! Только сейчас пришла за мной, когда я давно мёртв... Отбрось копыта, если больше нечего отбросить.

Вдоль брусстера торчат бюсты солдат – будто Аллея почётного захоронения.

Где же ты? Обещала свидание после дождика в четверг – сегодня четверг, дождь. В кипящей кастрюле насмешливо свистит рак. Что ж, прощай, красotka! И эту боль пережить и не умереть. У тебя ещё будут запоздалая весна и вовремя наступившая осень, вид на берёзовую рощу в тихом провинциальном городке. Ты ещё будешь счастлива. Но не со мной.

Если мир огромен, почему мы столкнулись? Если мир тесен, почему мы не встретились?

«Почему ты меня не понимаешь?» «А что я должен понять, когда ты сам себя не понимаешь».

Интеллектуал – это тот, кто знает десяток занятий поинтереснее секса. К сожалению, я только – интеллигент.

Я даже в йоге поз таких не видел.

Хочешь приехать? Пожалуйста. Я живу в спальном районе, на улице красных фонарей.

Ночью проснулся от неожиданного верещания маленькой свинки: «Ай лав ю». Нащупал брелок на тумбочке и стукнул по нему кулаком. Почему же не засыпается в просторной пуховой постели в благодатной тишине?.. Объятия укрепляют иммунную систему. Идите и обнимите кого-нибудь срочно! Хотя бы кота. У меня нет даже кота – обнимаю самого себя. В смирительной рубашке.

Тысячи дней стук моего сердца сопровождал тебя. А ты услышала его только в оглушительном молчании... Подлежим мы забвенью, но пока кто живой – чуть помедли на сцене и под рампой постой.

Смерть на войне почетней, чем в постели. Но смерть на ложе любви приравнена к смерти на поле брани. И лучше поцелуй в висок, чем пуля.

Мужчины, приклеившиеся к женским коленкам; и только невинное дитя тянется к бублику... Ткнув пальцем в небо, попал в дырку от бублика.

Как можно желать вечной любви, когда сам не вечен? Как можно бояться что-то потерять, когда сам человек давно потерян?.. Ты говоришь, что жалеешь меня, не горевшего в очистительном огне Великой Любви, которую сама испытала. Если это правда, почему же ты тогда благополучно жива?!

«Мы ещё увидим небо в алмазах!» – как точно угадал Чехов: льют на Нептуне непрекращающиеся алмазные дожди... На Нептуне одни сутки длятся девять земных месяцев. Летите рожать на Нептун.

Берет в крапе? Дело – в шляпе!

Позолотить ручку лучше, чем их умыть.

Не зная брода, ешь бутерброд.

Ходи с бубей, бей в бубен.

Стена Плача истекает Слезами Умиления, по Озеру Прощания, задевая кормой Лотосы Откровения, плывут Лодки Прощения... На тончайшей коже газели пишу газель, чтобы смягчить сердце своей гюзели.... Поэзия, распластав крылья, улетает вдаль, но всегда возвращается. Отсюда ясно – никакой другой земли нет.

Париж нанизан на Эйфелеву иглу, как бабочка на булавку.

Думая о Бэконе, не путайте с беконом... Пью коньяк «Камю» и читаю Камю...

Газовые трубы затянуты петлёй на горле города... Радостно расширяются ноздри киборга. Ветер с химического завода.

Бронтозавры эволюционировали в железные машины, а человек остался дикарём... Умные города с помощью боевых роботов прогнали своих тупых жителей.

С рёвом пролетает самолёт. Замерло птичье государство перед гласом Большой Птицы.

Грешные ящерицы в будущей жизни становятся черепахами.

Начало листопада, и сколько сразу ведьм с метлами!

Меняю дворец на Лазурном берегу на рай в шалаше.

Из адовых глубин Космоса вдруг вылетает крохотный нейтрон, проходя толщу бытия, нигде не задерживается, никого не удивляет... как и моё стихотворение.

У поэта, как у собаки, – особое языковое чутьё. Объяснить его неправомерную строку формально невозможно, в неё надо только верить.

Поэзия – это магическое превращение мёртвых слов в живые. То писанина, то Писание..

Стихи были то ли оправданием, то ли обвинением, то ли доказательством не-лепо прожитой жизни.

Мои немногие откровения. Может, так и прозревают судьбу? Может, она так выглядит?

Если поэтов преднамеренно не убивают, они самоубиваются без всякой цели.

Я по жизни и, между прочим, и в поэзии – чернорабочий.

Стихи совершенны, когда отпускают автора и не отпускают читателя.

Нефть – это кровь земли, стихи – кровь духа.

Как много вокруг красивых вещей. Красивая вещь в общем-то – вещь бесполезная. Как и искусство. Для искусства это определение – комплимент.

Поэт бредёт с авоськой – хлеб в ней и молоко. Какой же это поэт? Поэты в магазины не ходят, питаются амброзией.

Булка с чаем, бумага и перо – какая роскошная жизнь!

Компьютер загрузили литературой и спросили: «Как тебе стих?» Компьютер рассуждает: «По-моему, в нём говорится о чём-то сильном, но печальном и даже, пожалуй, страшном. И потом, здесь интересная звукоцветовая игра: резкие красные всполохи ударных А на грозном тёмно-синем фоне У и Ы. Как гроза или пожар в бурю». Каково?! Мне бы такого критика.

Стихи сочинила Матрица. Хочется материться.

Когда мне не хватало до зарплаты, я обходил журналы со стихами – мне денежка бумажная вручалась, за щедроту я всех благодарил. Но в глубине сердечной славословил я лишь того, чьим был карандашом. В чём интерес его – осталось непонятным, неужто в самом деле не обидно: за ширмою остаться безымянным, в чужих строках себя похоронить? Но недосуг мне было погружаться в чужую тайну, мне забот хватало: стихи пристроить; дуть на воду, на молоке обжегшись; поле минное перейти; многое другое. А слава... а что слава? Хлеб горячий, разломанный напополам руками.

Прикладывая три раза в день к поцарапанной ноге журнал со своей публикацией, я лечу боль.

Чёрные слова – это проза, белые слова – это поза на площади, на пьедестале. Если для вас мерцали в сокровенной глубине слов жёлтые зрачки слов – меня легко поймёте. Черными словами умы не проймёте. Ищите слова хоть в грязи, отмойте – поставьте в князи, в удивительном сочленении. Чтобы сразу стало понятно: стихотворение, не идущее на попятную.

Они живут на периферии, не претендуя на наследство, довольствуясь выпавшими крошками. Когда какие-то авантюристы отправляются за три моря, присоединяются к походу и на одном из островов объявляют себя королями, выводя родословную к Солнцу. Напоминают о себе Олимпу преподнесёнными корзинами снеди и пряностей, а когда их с вежливой подковыркой приглашают в гости, весело отнекиваются. Стихи без рифмы – бастарды классической поэзии.

Я послал в журнал сказку, а её не опубликовали. Так в мире не стало одного сказочника, но родился философ.

Новые сказки: Верхом на танке катается Ванька – не перевелись дураки... Высветил кожу Яго и стал бабой – тут и сказке конец.

Бог не может стоять у порога и ждать, пока вы созреете. Его барака входит вопреки вашей воле и намерениям. Пишите, мальчики, пишите! Опыт – дело наживное... Божье благословение на судьбу и беду почётней даже царского скипетра.

Отложив Хафиза, беру в одну руку бокал вина, в другую – авторучку. Но вино проливается на тетрадь. Бывает же такое совпадение. Как будто и не прошло более 600 лет.

Кто считает рубли, а кто – рубайи... Крепкий грог, медный гонг: наш бог – Ван Гог.

Великий мистик Франциск Ассизский в молодости увлекался рыцарскими романами, а Сервантес на склоне лет вступил в Орден францисканцев... Это мы – находящие друг друга, как лошади, по запаху потных рубашек.

Я – сержант от литературы, под командой у меня отделение новобранцев: на рассвете сладкий сон сгоняю марш-броском на три километра, маршировками на плацу и работами полевыми прививаю рефлекс дисциплины и довольство едой простецкой, а потом стрельбой по мишени улучшаю их глазомер. А стихи как писать, не учу я, говорю, что тоска по воле – это лучшее «стихотворенье», а не нравится – обращайтесь к капитану, к инстанциям выше.

Ветер изогнул зонт кверху, образовавшаяся чаша наполнилась дождём – до поздней ночи гуляет по улицам девушка в красном платье: собиратель ветра, дождя, звёзд и стихов.

Урожаи спасают пииты. Питающимися акридами.

Две вещи оправдывают человеческое существование: любовь и искусство. Я, к сожалению, знаю только любовь к искусству.

Чёрный кофе – вспученный зрак Армстронга, на губах слюнявая папироска виснет саксофоном. Шарманщик, сыграй в ящик!

Бесами мучаемый, слушай бесаме мучо. И на банджо играют адажио.

По рокаде рококо пророкотали рок-н-рольные мотоциклы и ампирные «Джипы», управляемые вампирами и джиннами в джинсах, оставивших после себя пустые бутылки джина.

Это не чёрный рэп, это – белый верлибр.

Вы поэтa при жизни накормите сухариком, зачем ему посмертное пирожное? Не пишите обо мне после смерти. Я запрещаю. Сегодня напишите или не вспоминайте вовсе.

Краткость – сестра таланта. Осталось только найти брата.

В стихотворении какая-то из строчек: случай, твоя отсебятина, от Бога. Вот только понять порядок их расположения.

Мою опустошённость снова заполняют слова – так я пишу... Выдать на гора одну гениалинку.

Испытал беду, замерзал во льду, уходил ко дну – может, в рай я попаду?.. Яблоки в саду!

Символ явления – такая же объективная данность, как само явление, результаты их работы – соразмерны... Куда делось надкусанное Адамом и Евой яблоко познания? Оно пошло по кругу: яблоко Ньютона, Сезанна, компании Apple – это на самом деле одно и то же яблоко, в конце обгрызанное и брошенное на землю. И теперь надо только дожидаться, когда прорастёт новое семечко.

Миллионы падающих яблок – где найти столько Ньютонов?..

В яблоке каждом прячется змей, мудрость Apple всего сильней.

Нередко герой, поднимающийся на эшафот, оказывается на постаменте... Чем больше брошенных в тебя камней, тем выше основание для будущего памятника.

Ходжалинская женщина на вытянутых руках несёт дитя Деве Марии: «Матерь Божья, положи в колыбельку свою пустую». Ходжалинская женщина укоряет Бога-Отца: «Ты отверг Авраама жертву, почему же тогда моего сыночка?!», в Его молчании ищет ответа. Камнем скорби застыли две матери на перекрёстке Баку. Вместе с ними застыла на миг вся История мира.

За железной решёткой сада – железный Решетов. Поэт заслужил этот памятник уж тем, что тридцать лет копал подземную руду. Барачная жизнь коротка, но предполагает крепкость другого размаха; худой и высокий, в пролетарской кепке и мешковатых брюках – он выдул из обыкновенной дуды, сквозь хрипы лёгочного диссонанса музыку, задевшую всех нас. Музыка, даже в железном потоке взывающая о нежности (его первая книга 1961 года так и называлась – «Нежность»), не может не быть великой.

Каменный Джаббарлы, чуть скосив взгляд, наблюдает с улыбкой, как на его скрещенных руках приютились голуби. Есть ли сердце у камня? Сколько сердец замуровано в каменной кладке дома? Сколько сердец погребено в каменной кладке горы, не позволяющей воздушному шару Земли улететь в пекло Солнца?

В маленьком садике, голову чуть склонив набок и вслушиваясь в тишину, приподнял длинные руки бронзовый Ниязи. И застыли летучие листья и ветер, неугодный фонтанчик – ждут в напряжении: когда же взмахнёт дирижёрской палочкой, задаст темп движения? И взмахнёт ли?

Гигантский Нариманов почти вровень с 12-этажной высоткой напротив. Так и представляется женщина, пригласившая любовника и в неизбежный час распахивающая занавеску. И в окно заглядывающий, тянувший каменную десницу Командор... Не выбирайте любовницами вдов, у каждой за пазухой припасён камень.

Расул и Нигяр – доска мемориальная. Как в живом прошлом, глядят друг на друга.

Лишь днём установленный памятник к вечеру уже помечен воронами. Бронзовый истукан потихонечку привыкает, осваивается к жизни в тенистом заброшенном саду.

Не так мне страшен памятник, похожий на тебя, сколь бронзы тень живая.

Пройдя кносский лабиринт, перепутал выходы в метро.

Любишь амбру, живи в чреве кита.

Сбрось камень с души, камни с почек посыпятся сами.

Родился в сорочке, держа камень за пазухой.

Всё проходит, и этот пройдёт.

У автомата выигрыш примерно один к ста. Ловец счастья пропускает девяносто девять страждущих, а потом поспешно кидает в щель мелюзгу монет в надежде услышать золотой звон.

Программа: не навреди человеку, мешала роботу любить человека.

Удалил свой профиль на сайте, совершил виртуальное самоубийство.

Сражаюсь сам с собой в шахматы: один глаз ликует, другой рыдает.

Убегал от преследующей меня тени – как оказалось, собственной.

«Отчего не спишь ты даже ночью, море?» «Оттого, что я – большое горе. Сколько рек доверились как Богу, мне осталось их оплакать только... Но представь, я – горя лишь стакан, потому что дальше – Океан».

Океанский лайнер, я помню тебя бумажным корабликом в ручейке.

Цветение вишни, листопад, первый снежок: жизнь – череда любований.

Беспрерывно кричат вороны. Занесу в дом побольше дров к предстоящему снегопаду.

Собиравшийся снегопад отменил по телевизору синоптик.

Раздавленная божья коровка – капля млека, не напитавшая небо.

Золотое облачко отражает лужа-эстет.

Короткие тени цаплей. Сонное море на подушке полдневного солнца.

Не спрашивай, по ком молчит телефон. Он молчит по тебе.

Подруги, как ни рядитесь, всё в Нефертити не годитесь.

Не тратьтесь на сауну, заходите в 8.00 или 18.00 в метро: парилка и массажная одновременно. Можно и сойтись с кем-нибудь накоротке...

Лучше там, где негде поставить ногу, чем там, где можно протянуть ноги.

В холодную погоду оживившиеся воробьи клюют хлебушек на высоком карнизе. Краюха хлеба упала с неба мне на голову. Благодарствую, Воробьиный Бог, и меня не обделивший.

Рассыпанные зёрна звезд – ночным голодным птицам. Не забыты и птицы дневные, для них – ежедневная горячая буханка Солнца.

На витрине магазина – кошачий корм, под дверь – беспокойно мечущиеся, хвостатые потенциальные покупатели. Ничего не знающие о деньгах.

Каждой кошке – дом, каждой собаке – кость, каждой женщине – человека!

Пагода, по макушку погрузившаяся в реку, стала убежищем для рыб. Рыбы – самые правильные буддисты... От тоски мне не заснуть: рыбка может утонуть!

В аквариуме множество рыбок, но только одна всё время бунтует, выпрыгивает из воды, рвётся из плохонького мирка в другой – светлый просторный мир.

Аду сковородки рыбы предпочитают рай аквариума. Но всё равно – суррогат жизни.

Уснувшая рыбка, будь осторожна – смотри-ка, не утони.

Без ветрила и кормила тараним кита, семь футов под килем – добыта килька... Идёт охота на кильку, идёт охота! Кильковая путина. Половину улова раздал соседям – уплетают за обе щеки и благодарят; а привыкшие к деликатесу кошки презрительно фыркают и отворачивают морды. Не едят – собаки!

Пыльца цветов глицинии способна убивать палочки туберкулёза. Две разросшиеся глицинии укрыли своими ветвями и гирляндами фиолетовых цветов трёхэтажный бакинский двор. Двор, которому не грозит туберкулёз.

Свежесть дождя, сладкая фиалка, страстная роза – не в лесу побывал, брызгаю дезодорантом в сортире.

Капля воды, прошедшая чистилище, – снежинка. Гость такой пушистый, такой доверчивый, с широко распахнутыми глазами – а его ломом по голове, лопатой по сопатке!

Ночные игры с комаром. Даже под одеялом не спрятаться. Ладно, сдаюсь. Твоя взяла. Ешь моё тело, пей мою кровь.

По комнате летает жирная февральская муха – праматерь всех летних мух. Деликатный комар – пьёт не кровь, а томатный сок из стакана. Возможно ли их прихлопнуть?

Тоскливой метели за окном подпеваает комар одинокий.

Гусеница с ошибкой в геноме – это бабочка.

К павильону «Воды» бабочка слетела. Вам с сиропом или простую?

На верёвку повесил авоську – сушиться. А в ней Луна – большой рыбой запуталась.

В птичьем институте есть вакантная должность – преподавателя соловьиного языка... И птичий свист понятнее человеческой речи.

На блошином рынке настенные часы из давно оставленной квартиры узнают меня, приветствуют радостным боем.

Ирония – это нерадостный смех, повзрослевший юмор. А по-настоящему смеётся тот, кто смеётся... всегда.

Опера – это Тоска. Скорее её Норма.

Безветренно который день. Бог ветра умер или перестала вращаться Земля?

Вино и жареный цыплёнок, и с другом беседа. Раем кажется из бамбука беседка.

Запершись в доме, я древних китайцев прочёл. Злой дождь за окном незаметно прошёл. День больше хороший, чем плохой.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ЭМИЛЬ ТАГИЕВ

Поэзия, как известно, вещь штучная... Сквозь строки и образы, как сквозь сплетение листьев или ажур ограды, неизменно проступает личность автора.

Знакомство с новой творческой индивидуальностью всегда отрадно для понимающего читателя, этого неутомимого исследователя необъятного и до сих пор еще неисследованного до конца материка Поэзии.

Поэзия нашего дебютанта Эмиля Тагиева отмечена рядом несомненных достоинств и одновременно проблем, присущих современной молодой поэзии.

Насыщенность текстов литературными, мифологическими, космогоническими образами позволяет по достоинству оценить интеллектуальный багаж автора, хотя иногда наличествует опасность, что эти образы утяжеляют строку и заслоняют ту самую личность автора.

Хотелось бы предостеречь поэта и от некоторого интонационного однообразия, ведь каждое стихотворение – это отдельный мир со своей ритмикой, стилистикой, смысловым посылом.

В строчках Эмиля перекликаются Брюсов, Бальмонт, Вячеслав Иванов, подчас слышится рык Маяковского... Думается, эти «иконы» Серебряного века были бы рады иметь такого одаренного последователя, который унаследовал нечто от каждого из них – возвышенную лексику, изысканный натурализм, эзотерические прозрения, гневное бичевание обывательской толпы... Кое-где прорезается то Байрон с его чайльд-гарольдовским разочарованием в человечестве, то Эдгар По с соответствующим «ассортиментом» литературного хоррора... Сочетать все эти разрозненные, подчас несочетаемые компоненты в полноценный творческий продукт под силу лишь «дизайнерам» экстра-класса, поэтому в представленной подборке ощущается некоторая неровность, сопротивление материала, кое-где видны соединительные «швы».

Несмотря на очевидный творческий потенциал и наработанную на сегодняшний день форму нашего автора, почему-то представляется, что эта стадия еще переходная в его творчестве, за которой следует долгая дорога проб и исканий, ошибок и прозрений, работы во внутренней лаборатории, выкристаллизовывания смыслов и тщательного оттачивания формы. Тогда его посыл, или, как сегодня принято говорить, месидж читателям, не закамуфлированный отсылками к великим предтечам, а звучащий непосредственно от первого лица, будет обязательно услышан его современниками.

Желаем Эмилю Тагиеву преуспеть на этом пути, до новых встреч на страницах журнала.

Осколки

**Осколки молодой луны просвечивают душу.
Томящим холодом овитые уста
И тени век. И тьма ресниц густа.
Незыблемый покой сей не нарушу.**

**Как мглой овитые вершины елей
Не колыхнет застенчивый муссон,
Вот так и я не потревожу сон
Невинный, как дитя из колыбели.**

Я соглядатай вечной красоты:
Нетронутой стареньем бледной кожи,
И будоражащей до спазма и до дрожи
Под черным бархатом сокрытой наготы.

Но ты проснулась, и твой взгляд ожогом
На сердце замершем оставил след.
Вот тонких рук твоих касается рассвет,
И с губ слова любви слетают эпилогом.

Улыбка

Здесь патрули невидимых ищеек
Следят за каждым шагом, каждой мыслью.
Их взгляд, как луч фонарика сквозь щели,
Проникнет в самый тайный угол жизни.
Проникнет там, куда его не звали,
И тайное в моменте станет явным.
И дрогнут те, кто до сих пор молчали,
С тем, кто кричал, теперь они на равных.
Здесь здания, как братские могилы,
Стекланные, бетонные коробки –
Колонны под гниющие стропила
Идей, себя изживших в перестройке.
Идей, покрытых плесенью и пылью,
Петлей у горла душащих свободу.
И всё, что было бредом, станет былью,
В реке времен давно не видно броду.
Но этим не сгноить свободу воли,
Душе открытой чужды страх и злоба.
И пусть порой придется выть от боли,
Когда вбивают гвозди в крышку гроба.
Но для души что гроб, что оболочка –
Условные границы и не боле.
И сколько не пытайся ставить точку,
Души никак не запереть в неволе.
Здесь даже неба в полутьме ночного,
И в серости дождливого полудня
Сияет ярче ламп и солнца –

Слово!

И сила слова в этом абсолютна!..
Улыбка встречная случайного скитальца
Искрой воспламеняет уголь сердца.
Щекам вернет забытый цвет багрянца,
Сердцебиенью –

ритм игривый скерцо.

И именно в случайности процесса
И есть сакральность этого мгновенья,
Как светлая поляна в чаще леса,
Как после века мрака –

час прозренья.

Ночь. Монолог у окна

Постою, погляжу в окно
На парящий безмолвный снег.
Моя жизнь – она как кино:
Не комедия, не боевик.
– Может, драма? –
 подскажешь мне.
Но ведь я не приемлю слёз...
Может быть, это все во сне?
Может, все это не всерьёз?
Может, вся наша жизнь – театр?
Я не шут и не арлекин.
Или жизнь – это склеенный кадр
Из обрывков тысяч картин,
Кто я?.. Люди, скажите мне!..
Жалкий червь или человек?
Тварь, дрожащая в темноте?
Или может, парящий снег?
Так же холоден я внутри...
И остёр на язык как шип.
Может, мне не найти любви?
Может, вечно тонуть во лжи?..
Захлебнувшись, не всплыть, а пасть
Тяжким грузом на дно души,
Истончиться, сгореть, пропасть,
Заблудиться, сгинуть в глуши...
Я – поэт уходящих лет,
Мои мысли – бикфордов шнур.
И в надежде оставить след
Стал я пешкой среди фигур.
Я не слон, не ладья, не ферзь,
И тем более, не король.
Я не вижу тот самы перст,
Указавший мне эту роль.
Да, смешлив я, но не смешон,
Смех мой перерастает в крик,
Крик, которому мать – гортань,
Искажающий болью лик.
Кто я?.. Люди, скажите мне!..
Гений в профиль, дурак в анфас?
Кто я – призрак? Живая тень?
Растолченный в труху алмаз?
Я, увязший в трясине лжи,
Не способен сделать и шаг.
Я застрял, я ни мертв, ни жива,
А глаза застилает мрак.
Я – поэт уходящих лет,
Я по-прежнему человек!
Мне не нужно впечатывать след,
Чтоб запомнился этот век.

Ежеминутный сладострастный грех,
Неверно принятый за совершенство,
Не восстановит слов и смыслов тех,
Что вызвали бы должное блаженство.

Прервалась связь с эфирами Вселенной.
Не в силах больше подобрать слова,
Я сделал то, что было дерзновенно –
Я стёр свой след.

Пуста моя глава.

ВЕРЛИБРЫ

Взгляд

Любовь – мгновение,
Время жизни которого –
Взгляд.

На эшафоте зимы

Луну располовинило
Лезвием одинокого облачка.
Все деревья в зимнем саду,
Будто преступники –
Обезглавлены.

Длиною в жизнь

Пишу стихи,
Оставляя в каждом
Кусочек своей души,
Тем самым совершая
Суицид длиною в жизнь.

Лишние люди

Тусклые акварельные голоса,
Затертые купюры блаженных лиц,
Вопросительные знаки горбатых спин,
Кротовые норы негодующих глаз.
Все они одиноки в своем множестве
И множественны в своем одиночестве –
Лишние люди.

О преданности и любви

Кто знает больше о любви,
Чем мотылек,
 обжигаемый пламенем свечи?
Кто знает больше о преданности,
Чем свеча, сжигающая мотылька?

МАХИР ТАГИЕВ

РАССКАЗЫ

Письмо в Нобелевский комитет

О'кей – я понял. Вы не хотите давать премии нашим поэтам, певцам, рэперам: ибо вас беспокоит, что наши представители богемы – люди впечатлительные и легко возбудимые. И вряд ли они будут делить деньги без скандалов. Вы также не хотите давать премию нашим депутатам, авторам бессмертной экономической теории «*Aqlu olmayan iqtisadiyyat*» – наверное, вы не до конца доверяете и избранникам народа. Мы и сами им не очень доверяем, хотя избираем их постоянно. Вы скажете, что в этом нет никакой логики, и будете неправы. За 30 лет они сделали многое для поднятия благосостояния населения. Есть уже реальные примеры. Правда, это по странному стечению обстоятельств они сами, члены их семей и близкие люди, но первые успехи есть. Недалек тот день, когда очередь дойдёт до остальных.

Но есть у нас один поэт, который написал стихотворение про мясо, вот ему премию надо дать обязательно. Во-первых, он давно её ждёт. Во-вторых, его стихи намного больше по душе народу, чем все стихи ваших лауреатов.

Вот, к примеру, дали вы премию Борису Пастернаку. Да, гений. И стихи творил шикарные. Но давайте устроим поэтический батлл между ним и моим соотечественником.

Выйдет Борис Леонидович на сцену перед двумя тысячами зрителей и тихо произнесет: «Свеча горела на столе...» И обязательно должен добавить погромче: «...свеча горела». Ибо половина зрителей будут заниматься своими делами.

«Товарищи, – скажет ведущий, – повнимательнее, пожалуйста, как-никак лауреат Нобелевской премии стихи свои читает. Гражданин в восьмом ряду, хватит свою жену обнимать. Ах, это не ваша жена... Тем более. Люди есть, свою жену годами не обнимают, понимаете ли, позволить себе этого не могут. Ну, тогда давайте другого поэта послушаем, из славного города Баку».

И тогда выйдет наш соотечественник с коронным про мясо. Сразу наступит гробовая тишина. Да что стихи! Он может полупрошепотом, полупрозой сказать: «Assorti kəbab», и люди сразу проникнутся моментом. Вот она, сила искусства!!! А если он продолжит: «Asatrin lüləsi», то, думаю, Пастернак покинет сцену, как совесть покинула нашего начальника ЖЭКа – окончательно и бесповоротно.

Так что, дорогие руководители фонда, rəhmətlik Alfred müəllimə, посылайте деньги на их историческую родину. И побольше. Мы и себе оставим, и ağsaqqala meclis сделаем с халвой, туршу говурмой, ассорти кябаб и осетрин люлеси...

«Передвижники» с верхнего этажа

Что ни говорите, а жизнь в многоквартирном доме имеет много преимуществ.

Социум, товарищество, соль попросить, долг не вернуть – весело, одним словом. Но больше всего людей сближает слабая звукоизоляция. Или что тут скромничать – практически её полное отсутствие.

Пока рос мальчик у соседа справа, я выучил все считалки на турецком. Я знал названия всех овощей на языке братского народа, которые посадил на своём огороде фирменный bağban Old Mcdonald. Эти «havuç» и «salatalar» даже во сне шли в алфавитном порядке.

А когда женился сосед слева, их медовый месяц стал для нас драматическим сериалом. По ночам я себя чувствовал режиссёром любовных сцен, эдаким азербайджанским Тинто Брассом.

Но все это ничто по сравнению с тем, что происходит по ночам у соседей с верхнего этажа. Ровно в час ночи к ним приходят «передвижники». Нет, это не великие русские живописцы последней трети 19 века, организаторы передвижных выставок – это, скорее, их души, передвигающие габаритную мебель из комнаты в комнату.

Легко скользит по паркету диван, с ворчанием ползает старый шкаф, дружно падают стулья – все это завершается ровно в три, когда в соседнем доме включается свет в одном из квартир. Видимо, «передвижники» имеют свой график.

Теперь можно поспать, но недолго, так как в четыре часа утра наверху начинается чемпионат мира по боулингу. Ровно час пудовые шары будут катиться положенные 18,22 метра, сбивая кегли в комнате длиной 4 метра, нарушая мой сон и все законы физики. Дальше спать уже не имеет никакого смысла, так как после 5.00 наша кошка начинает ловить виртуальных мышей. Причем мышей летучих, каждый раз пытаясь побить рекорд прыжка в высоту Сергея Бубки. Через полчаса безуспешной охоты она садится на тумбочку у кровати и пристально смотрит мне в закрытые глаза, силой кошачьей мысли пытаясь открыть их. И надо признаться, что ей это удаётся, чем она очень гордится – поднимая хвост, когда я иду за ней на кухню: насыпать вполне не виртуальный корм. Наевшись, кошка идёт спать следующие 23 часа с чувством выполненного долга и чистой совестью.

А на днях в давно пустующую квартиру на шестом этаже переехала милая женщина. Эта интеллигентная дама с приятной улыбкой вселила ужас в мою тревожную душу, так как в руках у неё было партитура для сольфеджио. Если вы не знаете, что это такое, то ваша сестра не занималась в классе фортепиано семь лет. Ваша сестра, ваша семья и все ваши соседи не мучились вместе с пианино.

Кстати, пианино, а точнее, кабинетный рояль, на следующий день занесли в ее квартиру через балкон.

Надо вернуться на дачу.

Бразильские баскетболистки

За неделю до Нового года друг пригласил нас провести праздник вместе.

«Мне прислали гуся, – аргументировал он свой призыв. – Ты знаешь, что такое жареный гусь?» – спрашивал он меня таинственно, с поэтическим запалом. Я ответил, что пробовал и отношусь к гусю весьма благосклонно.

«Нет ты не ел такого гуся, как готовит моя жена! – продолжал он, закрыв мечтательно глаза. – Нет ничего лучше, чем оторвать крылышко от гуся и макнуть его в соус». Он говорил о поедании гуся, как Гомер о падении Трои: ослепленный и одухотворенный.

Прервав его кулинарную Одиссею, я поехал по делам, обещав прихватить десерт.

31 декабря в 20.00 наша семья всем составом вошла в подъезд новопостроенного дома. Мы быстро вбежали в открытые двери лифта, в котором уже стояли две девушки. Одна из них была очень высокого роста, а вторая ещё выше. Та, что выше спросила на английском: видимо, этаж. А так как я свободно считаю на English до десяти, то смело ответил, что мне на восьмой. Причём это пришлось ей сказать в пупок, не по сезону выглядывающий в морозный вечер.

Мы постучали, дверь открыл сын-подросток. Женщины по традиции направились на кухню, а я вошёл в гостиную, где хозяин дома сидел в аморфном состоянии, с опухшими глазами.

После традиционных приветствий и поздравлений я сообщил о попутчицах в лифте.

«Это наши соседки, – загадочно улыбаясь, сообщил мне мальчик. – Баскетболистки из Бразилии.

Глава семьи после этих слов стал угрюмее, массируя затылок и жалуясь на повышенное давление. Я тоже прошёл на кухню, где хозяйка дома эмоционально рассказывала события прошедшей ночи. Мой друг, вернувшийся поздно вечером домой, не смог спокойно отдохнуть в кругу семьи. Причина была весьма банальной: соседи сверху устроили предновогоднюю вечеринку. Обстоятельства требовали немедленного вмешательства. Жена пыталась остановить его, аргументируя языковым барьером.

«Ничего страшного, я смотрел много бразильских сериалов, так что бразильский язык понимаю», – парировал он.

«Вообще-то, в Бразилии говорят на португальском», – не теряла надежду жена.

«Португальский тоже пойму. У нас в школе трудовик преподавал не совсем трезвым, после этого я любой язык понимаю», – этот аргумент мог сломить любую стену.

Когда муж вернулся, от него пахло ромом и карнавалом. Не снимая обувь, прямо с порога потребовал принести ему две бутылки вина из кладовой. Видимо, бразильский диалект португальского языка легче усваивается с помощью грузинского вина.

Жена дважды посылала сына за блудным отцом. Оба раза отпрыск возвращался один. Правда во второй раз сфотографировал отца, танцующего на табуретке, в окружении бразильских баскетболисток...

Рассказывая, она смотрела на меня, ожидая моего осуждающего взгляда. И он был – этот осуждающий взгляд, полный гнева и презрения. Как это глава семьи, отец троих детей, заслуженный донор республики, мог так поступить? Это какой же сволочью надо быть, чтобы всю ночь тусить с бразилианками – и не позвать меня, своего лучшего друга?

«Совершенно аморальная личность», – сказал я вслух и был искренен в своих словах.

Покидая кухню, я увидел на полу скалку. Такую тяжёлую штуковину, которой делают пельмени. Она лежала совсем не на своём месте у чистоплотной и педантичной хозяйки. Это показалось мне подозрительным не случайно.

Во время ужина хозяйка делила гуся сама. Причем разделила его таким образом, что моему другу достался кусок шеи. Я много путешествовал по Востоку и знаю, что в Китае, если у тебя что-то болит, едят соответствующие части животных. Я хотел поделиться этим знанием, но тяжёлые взгляды женщин вернули меня к трапезе.

Мне досталась крылышко, сочное и румяное. Макая её в орехово-чесночно-майонезную пасту, я получал фантастическое гастроудовольствие. Мой друг не совра. Жаль, что ему досталась жилистая шейка, и по шее, скорее всего, тоже досталось.